

АРХЕОЛОГИЯ СССР

СВОД
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИСТОЧНИКОВ

ВЫПУСК
Е1-36

А. Н. КИРПИЧНИКОВ

СНАРЯЖЕНИЕ ВСАДНИКА И ВЕРХОВОГО КОНЯ
НА РУСИ IX—XIII ВВ.

ВВЕДЕНИЕ. СНАРЯЖЕНИЕ ВСАДНИКА И ВЕРХОВОГО КНЯ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ МАТЕРИАЛУ IX—XIII ВВ.

Всадник раннего средневековья — это прежде всего дружинник-профессионал. Ему присуща высокая боевая выучка; он разнообразно экипирован.¹ Боевой конь был своеобразным, «живым» оружием витязя X—XIII вв., и его снаряжение характеризуется теми же передовыми и мобильными техническими критериями, как и «холодные» средства нападения и защиты.

Письменные источники дают весьма значительное представление о роли древнерусской кавалерии и приводят ряд специальных терминов, связанных с ездой и конской сбруей. Полное понимание русского конского убора X—XIII вв. обеспечивают, однако, археологические материалы.

Части конской упряжи, судя по содержанию городских жилищ, относящихся ко второй половине X — началу XII в., производились обычными кузнецами и оружейниками универсального профиля.² Специализация ремесел, связанных с изготовлением конской сбруи, наступает не позже XII—XIII вв. Именно к этому периоду относятся сведения источников о мастерах опонниках и седельниках.³ Об этих и других безымянных мастерах мы судим основываясь главным образом на их готовой продукции.

Предметы снаряжения всадника найдены в погребениях, поселениях, случайно и хронологически разделены на три группы, относящиеся к IX - началу XI в., XI-XII вв. и XII—XIII вв. (рис. 1; 2; 3).⁴ Особое значение для нас имеют погребения, которые, во-первых, содержат индивидуальные всаднические наборы, во-вторых, до некоторой степени определяют значение коня не только в заупокойных обрядах, но и в жизни общества. Обычно в погребениях IX—XIII вв. находят удила, стремяна, подпружные пряжки, редко уздечки и плети, в исключительных случаях — остатки седел. Шпор и подков почти не встречается.

Характеристика всаднического снаряжения в связи с универсализмом некоторых его частей (например, удила, стремяна, седел, плетей) неизбежно затрагивает не только боевого, но и вообще верхового коня. При сборе и анализе интересующего материала пришлось выйти за рамки собственно военных древностей. Соотношение кавалерийского снаряжения в зависимости от того, найдено оно в «гражданских» или «воинских» погребениях (деление, конечно, условно и определяется наличием или отсутствием оружия), представлено в табл. 1. Данные, приведенные в ней, свидетельствуют, что из 374 учтенных нами захоронений с останками коня и частями сбруи или только коня⁵ 188 не содержали никакого вооружения. Количественно, следовательно, примерно от трети до половины нашего материала связано, по-види-

¹Мы не касаемся здесь особой роли древнерусской пехоты и универсализма конницы, которая могла спешиваться. Все эти и другие историко-военные и оружейведческие вопросы см.: *А. Н. Кирпичников. Древнерусское оружие. Вып. 3. Л., 1971, стр. 55 и сл.*

²*С. С. Сорокин. Железные изделия Саркела— Белой Вежи. МИА, № 75, 1960, стр. 195—197; Г. Б. Федоров. Работы Прутско-Днестровской экспедиции в 1960—1961 гг. КСИА, вып. 99, 1964, стр. 79, 81.*

³Новгородская первая летопись под 1216 г.; Ипатьевская летопись под 1259 г.

⁴Все учтенные нами вещи в хронологической последовательности и территориально в направлении с севера на юг собраны в Каталоге находок. Сведения об удилах и стремянах я предпочел поместить вместе.

⁵В Каталоге находок учтено 261 захоронение, содержащее конское снаряжение; 119 комплексов только с костями коня в каталог не вошли.

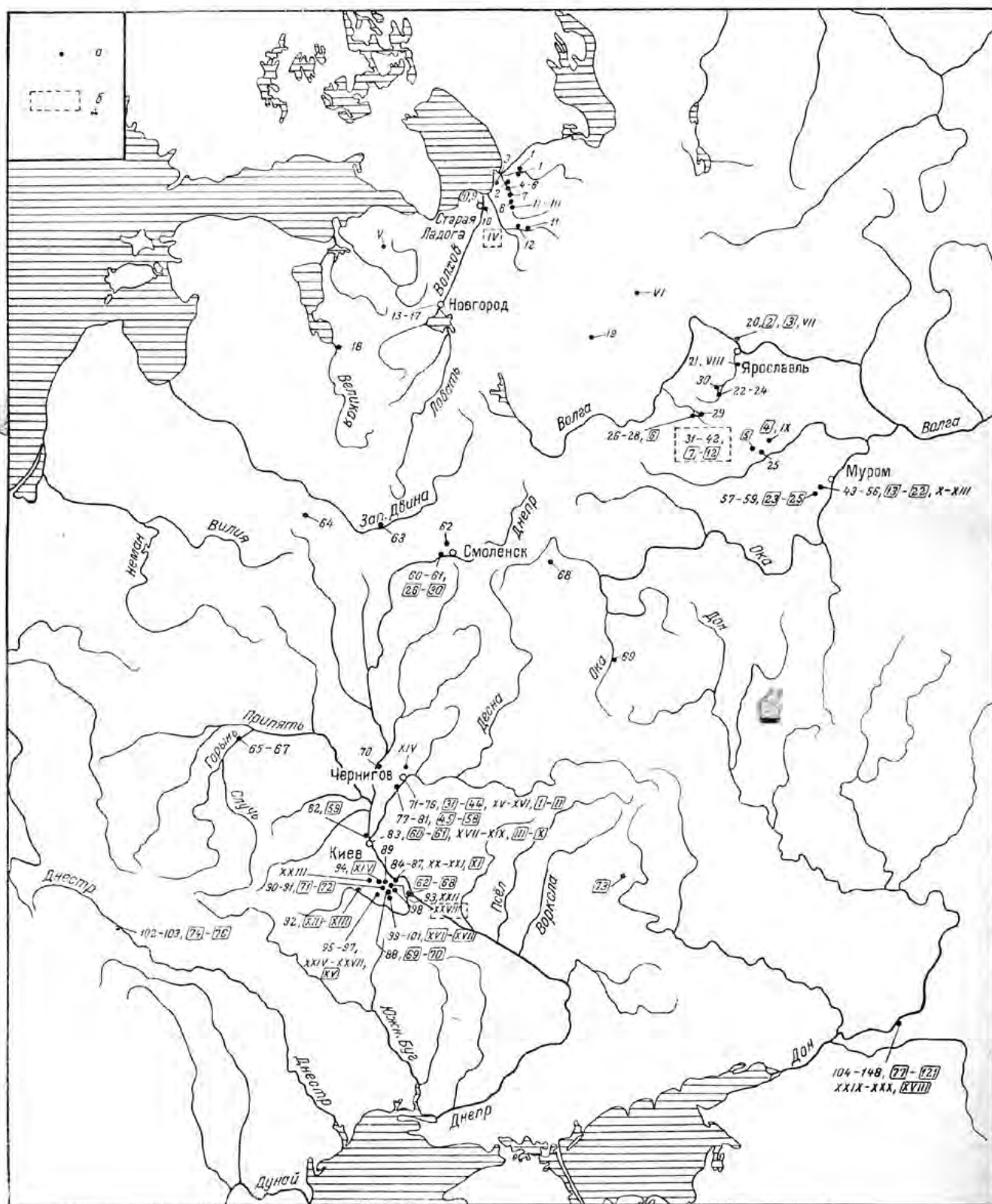

Рис. 1. Удила, стремена и части конской сбруи X—XI вв. Карта находок. Арабские и римские цифры — номера удил по каталогу; цифры в рамках — номера стремян по каталогу; а — место находок; б — район находок.

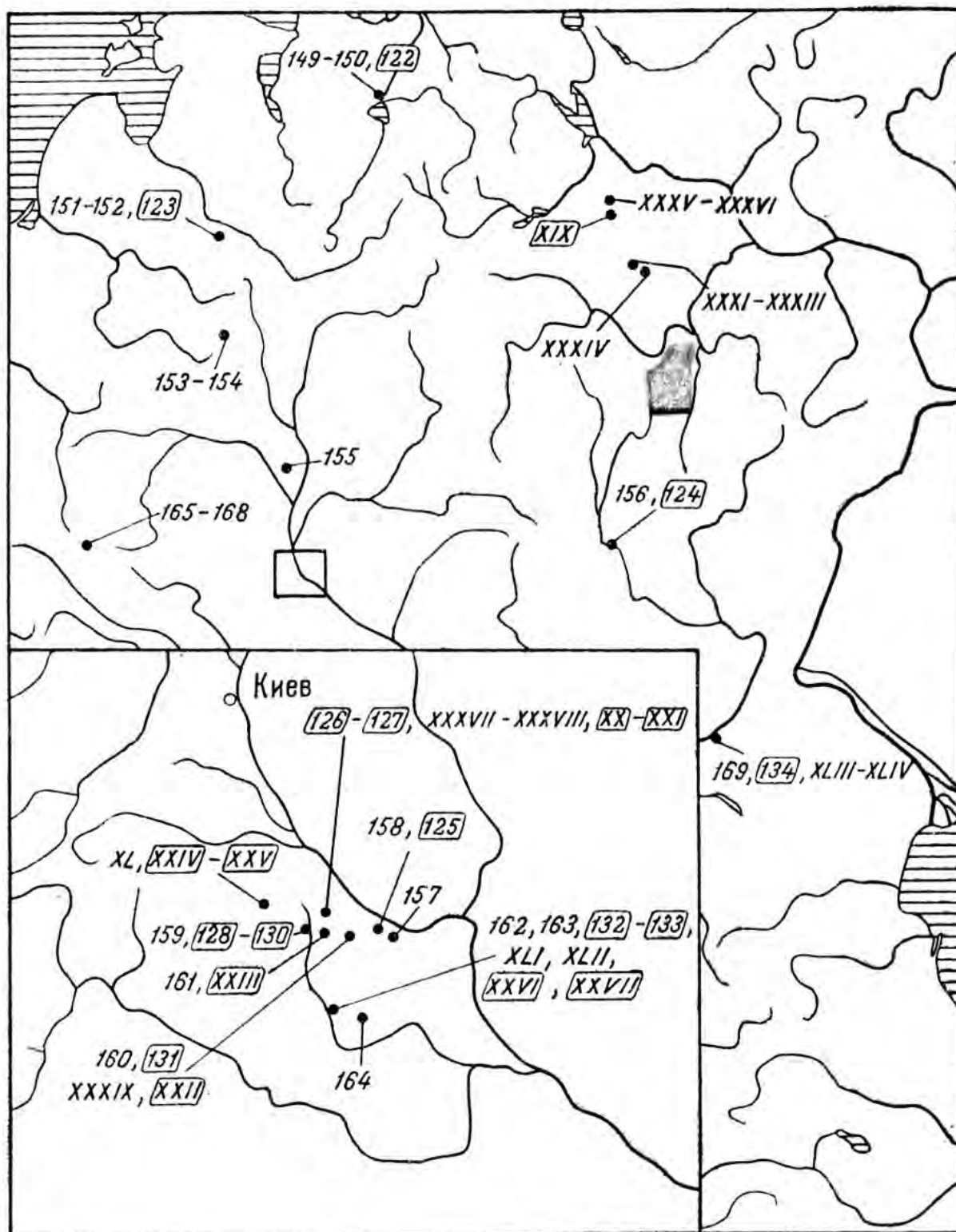

Рис. 2. Удила, стремена и части конской сбруи XI—XII вв. Карта находок. Арабские и римские цифры — номера удил по каталогу; цифры в рамках — номера стремян по каталогу; а — место находок; б — район находок.

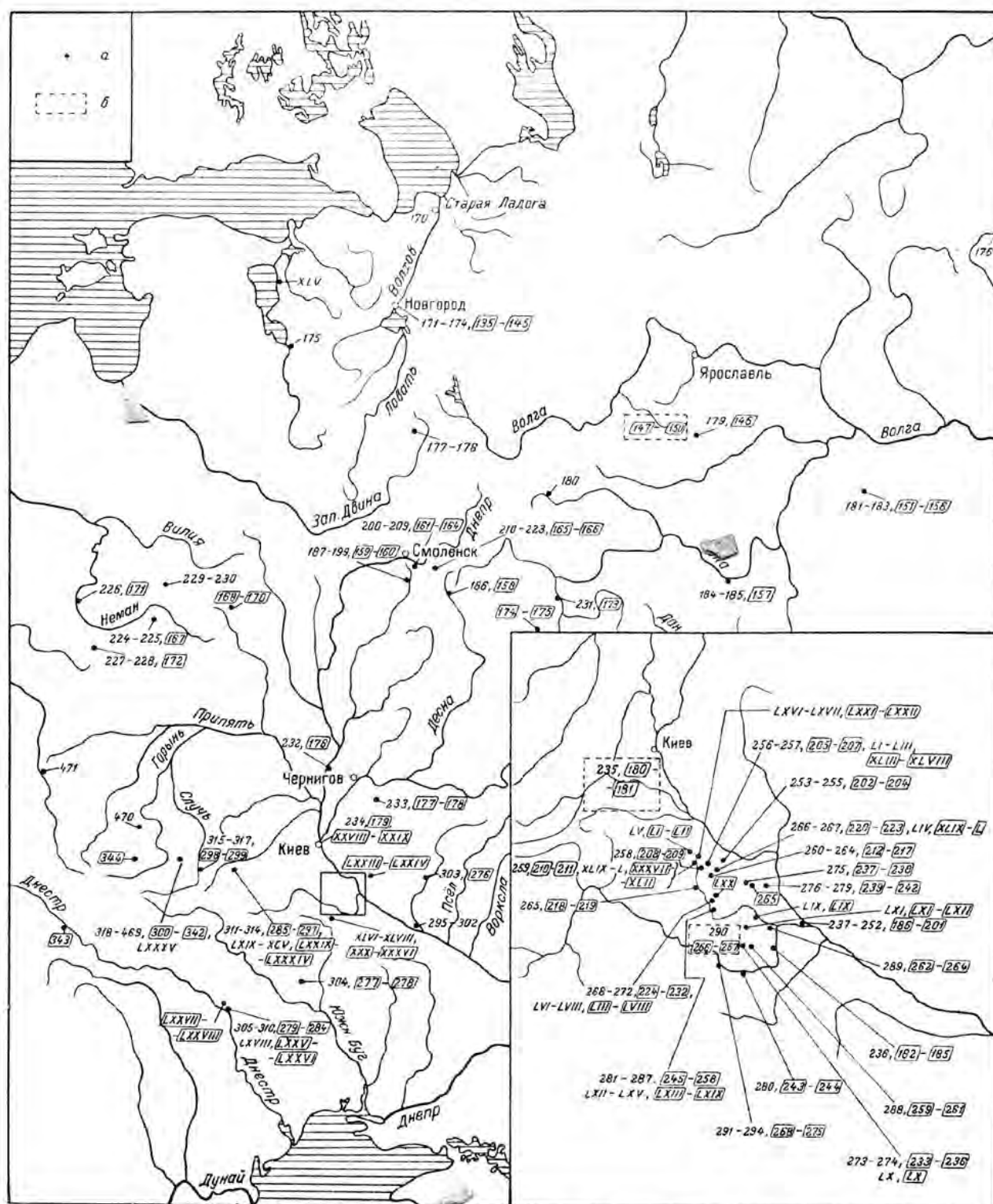

Рис. 3. Удила, стремени и части конской сбруи XII—XIII вв. Карта находок. Арабские и римские цифры — номера удил по каталогу; цифры в рамках — номера стремей по каталогу; а — место находок; б — район находок.

Дата погребения	Удила, стремяна, остатки седел, узды, плети, шпоры		Только кости коня без снаряжения		Всего
	погребения с вооружением	погребения без вооружения	погребения с вооружением	погребения без вооружения	
IX—нач. XI в.	86	63	21	88	258
XI—XII вв.	14	12	2	1	29
XII—XIII вв.	62	24	1	—	87
Итого	162	99	24	89	374

ТАБЛИЦА 1. Погребения IX—XIII вв., содержащие снаряжение коня и всадника или только останки коней

*Таблица составлена по материалу Каталога находок и другим сведениям.

тому, с мирным бытом.⁶ Далее, насчитывается 24 комплекса с вооружением, относящихся главным образом к X—XI вв., в которых останки коня находились без обычного сопровождения. В таких случаях присутствие костей этого животного можно обнаружить только при специальном фаунистическом анализе. Проведение подобных определений неожиданно выявило массовое использование неоседланных и невзнузданных лошадей при заупокойных курганных жертвоприношениях.⁷ Характерно, что кости лошади были обнаружены среди костей птиц и таких животных, как бык, свинья, куница, заяц, лисица. Все эти данные свидетельствуют о том, что в захоронениях раннесредневековой поры конь выступает не только как воинское, но и как транспортное, а также жертвенное животное.⁸

Что говорят археологические источники о снаряжении раннекиевской кавалерии? В специальной литературе происхождение русского конского убора связывалось с кочевым Востоком и Византией.⁹ Более осторожно на этот счет высказывался Л. Нидерле. «Следовали ли славяне в формах своей узды, — писал он, — римско-германским или восточным образцам, я сказать не могу».¹⁰ При этом чешский ученый отметил славянское происхождение таких терминов, как седло, удило, узда, стремя. Откуда бы ни выводили славянскую узду, ее появление действительно сопровождалось, по-видимому, обширным и настойчивым заимствованием от многих европейских и особенно азиатских народов. Ниже мы не раз будем возвращаться к этому вопросу, здесь же отметим, что возможно, Княжей Горы.¹¹ Неясными в этом ряду были удила и узда из конского погребения бесспорно IX в. у Чернавина (близ Старой Ладogi).¹² Ныне удалось установить, что чернавинские бронзовые удила с зооморфными увенчаниями и уздечный набор с характерными штампованными серебряными на свинцовом основании бляшками находят близкие аналогии в конских же захоронениях древней Литвы.¹³ При всей обрывочности археологических данных, относящихся к IX в. (видимо, не отражающих всей полноты действительного распространения конского убора того времени), можно представить, что процесс освоения всаднического снаряжения в Восточной

Европе питался разными источниками и этнически был очень многообразным и еще разобщенным.

---

⁶Заметим, что мирную или боевую специализацию предметов конского снаряжения, найденных на поселениях, также трудно определить. Исключение составляют шпоры, некоторые богато украшенные находки или вещи, найденные в жилищах феодалов, все несомненно связанные с дружинным бытом.

⁷Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963, стр. 92—93.

⁸Д. І. Бліфельд. Древньоруський могильник в Чернігові. Археологія, т. XVIII, Київ, 1965, стр. 134. Приведенные выше суждения согласуются с сообщением ал-Масуди ок. 950 г. о том, что русы и славяне, жившие в Итиле, сжигают своих умерших вместе с их верховыми животными, оружием и украшениями (*А. Ю. Якубовский. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв. ИАН, сер. ист. и филос., т. III, № 5, М., 1946, стр. 463*).

⁹Н. Кондаков. Русские клады. Т. I. СПб., 1896, стр. 172—173.

¹⁰Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956, стр. 389.

Источниковедческой особенностью погребений русского раннего средневековья является запаздывание «воинских», в том числе всаднических, вещей, появившихся после 800 г., но попадавших в курганы в основном после 900 г. (а то и после 950 г.).¹⁴ Иными словами, то, что мы археологически не нашли в пластах IX в. тех или иных изделий, еще не означает, что их и вовсе не было. Очевидно, очень скупы и плохо изучены соответствующие источники. Предметы конского снаряжения, которые все чаще начинали употребляться в похоронных церемониях X в. (о городищенском материале судить трудно, он незначителен) и с тех пор широко представляли и русский этнос, отражали уже более или менее развитую стадию развития конницы. Здесь встает новый вопрос — насколько полно всаднические вещи свидетельствуют о технической оснащенности всего войска того времени. В этой связи приводимое ниже географически-статистическое наблюдение кажется достоверным. Подсчеты, например, показывают, что с особой интенсивностью развитие кавалерийской езды происходило на юге Руси, где на Киевщине и Черниговщине до 37% всех погребений X в., содержавших оружие, включали снаряжение коня. В среднем, однако, предметы конского убора, в основном удила и стремяна, обнаружены на территории Древней Руси в каждом шестом раскопанном кургане конца IX — начала XI в.¹⁵ Сомнительно, чтобы такое соотношение указывало правильные пропорции раннекиевской пехоты и конницы. Между тем для середины и второй половины X в. мы на основании письменных источников могли констатировать существование сплошь конных отрядов. Курганные могильники X — начала XI в., следовательно, являются весьма неполным и ограниченным источником для реконструкции всего состава конного войска. Очевидно, и на этот раз дело заключается в обрядовых особенностях наших источников. Чаще всего останки коня, если к тому же они сопровождалась частями сбруи, в погребениях — признак не столько «войсковой», сколько социальный. Такие вещи, как удила и стремяна, не представляли особой сложности при изготовлении и не были такими ценными, как например мечи, сабли и шлемы, между тем они встречены в погребениях раннефеодальной поры немногим чаще, чем клинковое оружие. Чем разнообразнее был набор вооружения в погребениях, тем чаще находилось там и конское снаряжение. Дело, видимо, было в том, что предметы всаднической экипировки в качестве заупокойных приношений сопровождали немногих избранных: представителей знати, полководцев, реже рядовых дружинников. Что касается погребений с оружием (подчас достаточно представительным), где нет всаднической экипировки, то они могли в своей массе принадлежать как конным, так и пешим воинам. Наряду с защитным снаряжением конное, видимо, не считалось необходимым для каждой дружинной могилы. Источниковедчески все это обозначает, что курганное оружие и экипировка X — начала XI в. во многих случаях характеризуют «командирский слой», местную знать, обособившихся самостоятельных дружинников, но не всех служивших князю рядовых воинов. Не исключено, что седла и сбруя последних частично являлись государственной собственностью, так как выдавались из княжеских арсеналов в служебное пользование. Такие, так сказать, казенные

вещи, естественно, не передавались по наследству и не входили в состав заупокойных даров. Не здесь ли кроется отгадка того обстоятельства, что на Руси не обнаружено кладбищ полностью вооруженных конных мужчин? Исключение составляли такие районы с финским населением, как Муромщина, где оружие и кони в погребениях часто не являлись показателем ни военизации, ни знатности тех или иных людей. Муромские могильники оставлены, очевидно, обществом с неугасшими родовыми традициями и поголовным вооружением мужчин, чаще звероловов, чем воинов.

Лошадь — вообще неизменный атрибут мужчины; лишь в 10 случаях в районах осевших кочевников в Киевском Поросье и окрестностях Белой Вежи обнаружены погребения женщин с конем (во всех случаях без оружия).¹⁶ Эти «амазонки», жившие в X, а главным образом в XII—XIII вв., судя по наличию златотканых одежд, золотых и серебряных украшений, занимали высокое общественное положение. Найденные в их погребениях стремена и удила по типам не от-

---

¹¹Все эти 6 пунктов отмечены в Каталоге находок удил и стремян.

¹²*С. Н. Орлов*. Сопки волховского типа около Старой Ладogi. СА, т. XXII, М., 1955, стр. 197 и сл.

¹³Литовское народное искусство. Украшения древних литовцев. Кн. II. Вильнюс, 1966, рис. 101 и сл. По мнению *Е. А. Шмидта*, само нахождение в русских курганах IX—X вв. необгоревших, как в Чернавине, костей лошади также является балтийским признаком.

¹⁴Речь идет здесь не о конкретных предметах и их длительной сохранности, а о категориях этих предметов. Более подробно о запаздывании вещей в погребениях см.: *А. Н. Кирпичников*. Древнерусское оружие, вып. 3, стр. 42 и сл.

¹⁵Предметы боевого всаднического снаряжения в зависимости от района находки встречаются в каждом 3—22-м кургане IX — начала XI в. Об этих и других подсчетах, связанных с нахождением оружия и снаряжения в погребениях и поселениях IX—XIII вв., см.: *А. Н. Кирпичников*. Древнерусское оружие, вып. 3, стр. 41 и сл.

¹⁶Отмечены в Каталоге находок удил и стремян.

личались от мужских, только иногда оказывались немного уменьшенными.

В особую группу выделяются 20 ¹⁷ опознанных в собранном материале специально конских погребений. Они встречены в Юго-Восточном Приладожье, Суздальском Ополье, на Муромщине (сразу 8 случаев), в Киеве, Поросье и почти все совершены в X—XI вв. В некоторых найдены копыя, сабли. ¹⁸ Самый богатый комплекс такого рода открыт в Киеве; ¹⁹ содержал он кроме удила, стремян и остатков узды, копыя, лук и стрелы. Речь здесь, очевидно, идет о коне знатного витязя. Н. Е. Бранденбург предполагал, что погребение коня совершалось в память покойника, погибшего где-нибудь вдали, тело которого не было привезено домой. ²⁰ Возможно, что почести умершим или убитым животным оказывались и при жизни их владельцев. Еще в 1149 г. Андрей Боголюбский велел похоронить своего израненного в бою коня, «жалуя комоньство его». ²¹ Обычай специальных похорон животного широко распространяется в 800—1000 гг. у литвы, славян, муромы и других народностей Восточной Европы и несомненно связан с усилением значения коня — как бы соратника и боевого товарища своего хозяина. В дальнейшем почитание коня получило христианское оформление. В частности, со второй половины XIII в. в Новгороде развился культ святых Флора и Лавра — покровителей коней и воинского дела. ²²

Количество находок конского снаряжения, относящихся к XI в., заметно уменьшается. Предметы конского убранства удалось обнаружить лишь в 3% погребений с оружием, относящихся к XI—XII вв. Комплексы этого времени в своей массе не дают достоверного представления о распространении и бытовании изучаемых предметов, и это происходит именно в тот период, когда конница превращается в ведущий род войск. Зато всадническое снаряжение в погребениях и особенно поселениях XII—XIII вв. оказалось представленным весьма значительно. Это снаряжение зафиксировано в 42% воинских погребений того времени. Сосредоточено оно главным образом в Киевском Поросье, где почти все захороненные в курганах мужчины были конными воинами. Предметы конского убора в черноклобуцких погребениях занимают не меньшее место, чем сабли и защитный доспех, *т. е. самые* дорогие и привилегированные виды военной техники. Конно-военный характер поросских феодалов, таким образом, получает веское обоснование.

Десятки и сотни удила, стремян, шпор найдены в предмонгольских слоях древнерусских городов. Впервые поселенческие находки интересующего рода образуют массовые серии и нередко количественно превосходят курганный материал. В городах и замках XII—XIII вв. обнаружены почти все известные шпоры.

Подводя итоги нашим источниковедческим сопоставлениям, отметим, что археологические данные позволяют прежде всего достаточно проследить техническую эволюцию всаднического снаряжения начиная примерно с 900 г.

Что касается происхождения, первоначального распространения конницы и ее боевого использования, то здесь первенство остается за письменными источниками, так как погребения с конем и его убором часто дают искаженную картину действительного положения вещей.

Снаряжение, связанное с конем, рассматривается ниже в следующей последовательности: удила, оголовье, узда, седла, стремяна, шпоры, плети, подпружные пряжки, застежки от пут и недоуздка, ледоходные шипы, подковы, скребницы, в заключении — развитие конского убора в целом. При исследовании материала применены методы и приемы, использованные при изучении оружия ближнего боя.

Снаряжение коня и всадника, относящееся к IX—XIII вв., несмотря на многочисленность упоминаний о нем в археологической литературе, еще не было объектом целостного специального изучения. Предложенные попытки классификации восточноевропейских удили, стремян и других «конных» предметов или отрывочны, или касаются только кочевников и зачастую носят, по нашему мнению, предварительный характер.²³ Все это исключает историографическое вступление, которое можно было бы предпослать настоящей главе.

---

¹⁷17 отмечены в Каталоге находок удили и стремян. О трех конских захоронениях — Шокшово, курган 140, Шелебово, курганы 154 и 232 — см.: Тр. I АС, т. II, М., 1871, стр. 805.

¹⁸Каталог, удила, № 97, I и LXIII.

¹⁹Там же, XIX.

²⁰Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1888-1902 гг. СПб., 1908, стр. 30.

²¹Лаврентьевская летопись под 1149 г.

²²П. Гусев. Иконография святых Флора и Лавра в новгородском искусстве. Вестн. археол. и ист., вып. XXI, СПб., 1911, стр. 90.

²³А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959, стр. 182 и сл.; Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, стр. 11—19.

ГЛАВА 1. УДИЛА

Всед на конь и в борзе

поеха.

Повесть временных лет под 1091

2.

Удила являются весьма ответственной, управленческой частью узды. Они состоят из единого или двух-трехчленного грызла (межзубья) и боковых подвижных прищечных ограничителей —псалиев. Как бы ни различались детали конструкции металлических удил,¹ они всегда действуют прямым давлением на язык и углы рта лошади.

На территории Древней Руси найдено по нашим подсчетам и зарегистрировано в Каталоге находок 566 удил IX—XIII вв. Из этого числа 236 происходят из 236 погребений и 330 — из 38 поселений. Универсальное — боевое, походное и транспортное — назначение удил иллюстрируется, в частности, тем, что 78 экз. из общего их числа были найдены в погребениях, не содержавших оружия. В настоящей работе практически использован 471 экз., так как остальные утрачены после находки или форма их осталась невыясненной.

Состояние наших источников позволило произвести следующее общее хронологическое распределение удил (табл. 2).

Удила, в том числе и раннесредневековые, это прежде всего практическая, утилитарная вещь. Им присущи принципиальное единство, относительная симметричность конструкции и бедность художественной отделки. Типология удил имеет дело не с существенными конструктивными различиями, а с несходством отдельных деталей. Самыми подвижными и изменчивыми частями всего механизма оказались увенчания удил, а именно кольца, петли и скобы, при помощи которых осуществлялось скрепление с оголовьем и поводьями. Что касается грызла, то у подавляющего большинства форм оно состоит из двух подвижных стержней (случай, когда межзубье выковано из одного целого стержня или из трех звеньев, отмечены особо, как типы V и VI). В зависимости от формы и деталей устройства удила классифицированы на шесть типов с подтипами.²

Г. А. Федоров-Давыдов справедливо пишет, что вопрос о происхождении тех или иных типов удил и об эволюционных рядах типов удил вызывает серьезные затруднения.³ Эти затруднения объяснялись то однообразием (кажущимся), то отрывочностью использованного материала. Однако как только этот материал был собран с большей или меньшей полнотой, открылась возможность проследить довольно отчетливое техническое развитие удил из века в век.

¹Возможно, что древнерусский термин удил — бръзда, брозда. И. И. Срезневский переводит его как «намордник» (см.: И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I. СПб., 1893, стр. 182).

²В Юго-Восточном Приладожье и Суздальском Ополье встречены уникальные формы, которые отмечены в Каталоге находок под названием «редкие» (№№ 5 и 42). Одни представляют удила с прямыми псалиями с заостренно-овальным расширением в центре (Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. МАР, № 18, СПб., 1895, табл. XIII, 1), другие имеют два кольца на концах грызла (как у типа IVa), пропущенных в две разные петли (как у типов I, Ia и Ib).

³Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, стр. 19.

Дата	Тип		Всего
	известен	неизвестен	
IX—нач. XI в.	148	30	178
XI—XII вв.	21	14	35
XII—XIII вв.	302	51	353
Итого	471	95	566

ТАБЛИЦА 2. Хронология удил

На Руси удила появились в уже сложившемся, выработанном виде. Большой части наших старейших находок присущи прямые или дугообразно изогнутые псалии. К ним прикреплялось оголовье, и, кроме того, они выполняли роль прищечных ограничителей и, следовательно, способствовали более строгому управлению конем. Из современного коннозаводского опыта известно, что такого рода приспособления необходимы для горячих, пылких, нервных лошадей. Не случайно удила с вытянутыми псалиями сопутствуют находкам в тех районах, где проводилось приручение и обуздание горячего дикого коня. Прототипом металлических псалиев являлись костяные; они были непрочны, но легки, а на морозе и жаре не раздражали кожу и поэтому удержались в период массового производства сплошь кованых удила. Среди отечественных находок они единственные, выполненные из органического материала (тип IV). Роговые псалии во избежание перетирания поводным концом вставлялись в отдельную петлю. В свою очередь металлические стержни-ограничители по примеру костяных долгое время также помещались в отдельную петлю. Для этой цели служили восьмерковидные окончания стержней грызла, часто повернутые в разных плоскостях. Способы сочленения псалия поводного кольца со звеном удила позволили выделить несколько устойчивых серийных групп изделий (рис. 4; типы I—III). Значительную часть предметов составили удила, где функции псалия и поводного кольца слились вместе, и в большинстве случаев последние остались в качестве единственного увенчания грызла (тип IV). Удила с одной парой колец наиболее универсальны. С их распространением процесс изготовления узды значительно упростился, а растущая популярность этой формы совпала на Руси с массовым выдвижением конницы. Кольчатые удила свойственны коневодству со стабильным, спокойным по темпераменту стадом и достаточно длительной школой выездки.

Такие признаки выделенных типов, как размер колец, неравномерность звеньев межзубья, разворот в перпендикулярных плоскостях петель грызла, оказались взаимопереходящими. Больше

всего это касается псалиев, некоторые из которых присущи удилам ряда форм (рис. 5). Так, псалии с двумя отверстиями бокового щитка (одно служило для пропуска петли грызла, другое — для сцепления с ремнем оголовья) встречены с удилами типов I, Ia, редко II, псалии с одной боковой петлей имеются у удил типов Ib, II, реже Ia. Стержни с одной петлей характерны или для удил древнейших форм — до 900 г., или для конструкций 950—1250 гг., часто переходных от сложной многочленной к простой кольчатой. Все категории древнерусских удил относятся к трензельным; мундштучных в наших памятниках не встречено.

Основной материал относится к X—XIII вв., тогда как только 21 удило (разнотипные экземпляры) ⁴ датируется IX или, лучше сказать, IX—X вв. Большая часть древнейших находок обнаружена в районах с нерусским населением (Чернавино, Подболотье, Цимлянская). В этой группе изделий встречены архаические отклонения, неизвестные в более поздний период, а именно неподвижные кольца на концах удил, эсовидно изогнутые псалии, увенчания псалиев в виде конских головок, а в двух случаях — в Чернавине и Федяшеве — удила оказались отлитыми из бронзы. Наиболее хорошо выясненным датирующим предметом являются здесь удила с эсовидно изогнутыми псалиями, нередко увенчанными стилизованными зооморфными головками. ⁵ Эти формы характерны в основном для аварских, аланских, литовских и тюркских древностей VII—IX вв. от Сибири и Северного Кавказа до Чехии и Литвы. ⁶ После 900 г. упомянутые удила у оседлых и кочевых народов Восточной Европы встречаются все реже; в достоверно русских памятниках они вообще ни разу не найдены. Что касается основных находок, открытых в памятниках X—XIII вв., то они не несут отмеченных выше архаических черт и, по-видимому, современны своему периоду. С X в. открывается действительная возможность следить за техническим развитием вещей. Обратимся теперь к систематике конкретного материала начиная с древнейших форм.

К типу I относятся удила с прямыми стержневидными псалиями, продетыми в одну из петель восьмерковидного окончания грызла. Петли грызла по отношению друг к другу находятся во взаимно перпендикулярных плоскостях. Для псалиев типичен боковой щиток с двумя отверстиями (рис. 52, 1, 2, 4; 53, 2; 54, 2). Удил описанного

⁴Каталог, №№ 9, 10, 50, 52—56, 65—67, 69, 104—112, типы I, Ia, Ib, IV и IVa.

⁵Каталог, № 10, ср. № 57.

⁶Ю. В. Кухаренко. О некоторых археологических находках на Харьковщине. КСИИМК, вып. XLI, 1951, рис. 32; 6; А. Е. Алихова, М. Ф. Жиганов, П. Д. Степанов. Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск, 1959, стр. 29; Л. А. Евтюхова. О племенах Центральной Монголии в IX в. СА, 1957, № 2, рис. 7, 3.

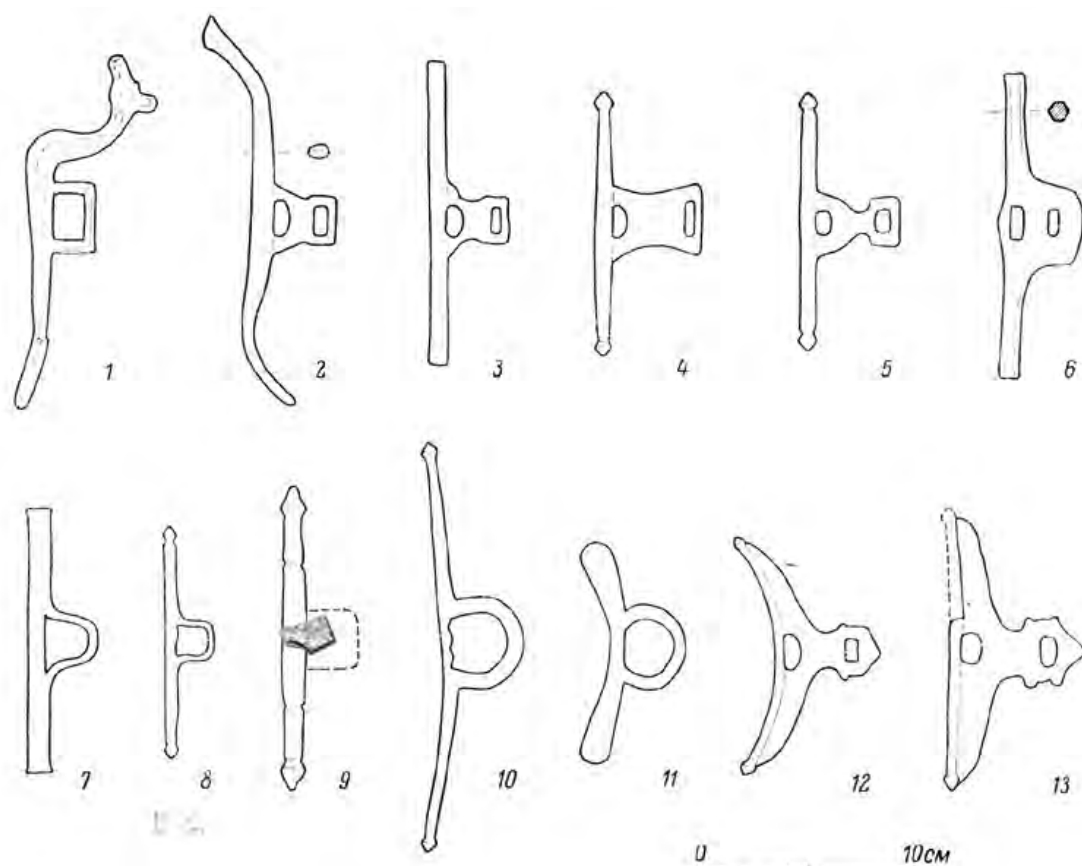

Рис. 5. Псалии IX—XIII вв. 1 — Чернавино (№ 10); 2 — Максимовка (№ 57); 3 — Старая Ладога (№ 9); 4 — Шестовицы (№ 80); 5 — Вышгород (№ 82); 6 — Витебск (№ 63); 7 — Веськово (№ 28); 8 — Новгород (№ 15); 9 — Городище (№ 458); 10 — там же (№ 460); 11 — Каменка (№ 300); 12 — Новгород (№ 150); 13 — Щучинка (№ 157).

Типа насчитывается 31 экз.;⁷ возможно, что в эту группу входят еще 5, но от них сохранились только псалии. Удила типа I распространены по всей изучаемой территории, но на юге их особенно много. Древнейшие встречены в памятниках примерно IX в. — Старая Ладога, Федяшево и Саркел; позднейшие — из Вышгорода и Белой Вежи — частично можно связать с XI в. С XII—XIII вв. соотносится единственное удило из Сахновки (№ 236), однако оно, возможно, более древнее и в предмонгольских слоях городища оказалось случайно. Во всяком случае на основе этой вещи было бы преждевременно поднимать верхнюю дату типа I еще на 1. 5—2 столетия. Ведь в большинстве более или менее узко датированных комплексов описанные удила относятся точно к X в. По способу соединения псалия с грызлом и развороту двойных боковых петель удила типа I не отличаются от почти отсутствующих на древнерусской территории удил с эсвидными псалиями.⁸ Для X в. последние были, как упоминалось выше, архаическими, но в нескольких предшествующих столетиях они сосуществовали с прямопсальными удилами⁹ и были связаны с ними и единством механической схемы, и общностью распространения. Если говорить об удилах с прямыми псалиями, получивших название «номадских», то они как среднеазиатское заимствование появились в Европе в эпоху великого переселения народов в связи с продвижением с Востока гуннов, а затем аваров.¹⁰ Тот вариант железных удил, который описан выше как тип I, впервые в отчетливом виде зарегистрирован в среднеевропейских аварских памятниках VII — первой половины VIII в.¹¹ и в дальнейшем был воспринят многими оседлыми и кочевыми народами Сибири, Восточной и Средней Европы.¹² Характерно, что удила типа I найдены, в частности, в тех местах, где возникли контакты ранних славян с аварами и позднее с венграми, хазарами, аланами и черными болгарами.¹³ Для IX—X вв. удила типа I специально кочевническими считать нельзя, но их популярность именно у южных, юго-восточных и юго-западных соседей Руси не вызывает сомнений. С этой расширительной оговоркой можно признать общее восточное происхождение рассматриваемой конструкции на Руси. В целом речь идет о старом кочевническом изобретении, которое в последние два столетия своего существования (*т. е. в IX—X вв.*) получило максимальное распространение от Саян и Алтая до Литвы, Польши и Венгрии. Столетняя трансформация удил типа I выразилась в некотором облегчении и утонении их конструкции и в частичном переходе к фигурной отковке щитков и стержней псалиев. При этом стержни покрывались орнаментальными рубчиками и увенчивались шишечками. Именно такие украшенные формы преимущественно X в. обнаружены в отечественном материале.¹⁴ Большинство удил, однако, не было украшено, и выкованы они были прочно и массивно. По-видимому, ко второй половине XI в. описанное устройство повсеместно начинает исчезать и не только на Руси.

Сказанное об удилах типа I во многом относится и к их разновидности, обозначенной типом Ia. Основное отличие последней заключается в том, что петли грызла расположены не взаимно перпендикулярно, а в одной плоскости

(рис. 52, 3; 53, 1; 56, 1). При таком положении петель натяжение поводка вызывало более неустойчивое и более неравномерное действие удила на углы губ и рот лошади, чем при взаимно перпендикулярных петлях. Не потому ли удила типа Ia были, судя по их количеству (11 экз.)¹⁵ и отчасти распространению, не столь популярны, как устройства с более совершенным «строго силовым» расположением петель и колец?

Удила типа Ia, если не считать чернавинских IX в. (рис. 54, 1), все тяготеют к X — началу XI в. Их псалии имеют щитки как с одним, так и с двумя отверстиями. Для псалиев второй половины X — начала XI в. характерны шишковидные увенчания стержней. В составе группы оказались упомянутые выше удила с эсовидными псалиями.

Удила типа Ia представляют вариант конструкции, по-видимому, восточного происхождения, известной в Европе уже около IV в. н. э.¹⁶ Во второй половине I тыс. н. э. эти формы были распространены от Средней Азии до Трансильвании и Венгрии¹⁷ и у аланов, венгров, литвы, мордвы,

⁷Каталог, №№ 7, 9, 19, 22, 25 и сл. В пяти случаях найдены только псалии.

Средние размеры удила типа I: общая длина гызла 18—20 см; диаметр поводного кольца ок. 3. 5—4 см; длина псалиев не превышает 17—20. 5 см, но чаще 13—16 см.

⁸Каталог, №№ 10, 57.

⁹Ср.: А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М. — Л., 1965, стр. 81.

¹⁰J. Eisner. Devínska Nová Ves. Bratislava, 1952, стр. 302, 372.

¹¹A. Kulczycka. Wczesnośredniowieczne wędzidło żelazne z Pleszowa, pow. Kraków. MA, t. II, Kraków, 1960, стр. 291—294. Удила типа I встречены также в Рязанской области и сопоставлены с предками мордвы и муромы (А. Л. Монгайт. Археологические заметки. КСИИМК, вып. XLI, 1951, рис. 43, 17).

¹²Аналогии многочисленны. Отметим лишь следующую литературу: А. П. Смирнов. Могильник Бичер-Шай. СА, т. IV, М., 1937, рис. 3; А. Е. Алихова, М. Ф. Жиганов, П. Д. Степанов. Из древней и средневековой истории..., табл. 31, 2; П. П. Иванов. Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. Моршанск, 1952, табл. XXXVII, 1; А. М. Покровский. Верхне-Салтовский могильник. Тр. XII АС, т. I, М., 1901, табл. XXII; П. Ф. Ищеригов. Аланский могильник близ г. Стерлитамака. КСИИМК, вып. XLVII, 1952, рис. 29, 3; Ф. В. Покровский. К исследованию бассейна р. Вилии в археологическом отношении. Тр. X АС, т. I, М., 1899, рис. 17; S. Béla. Gräber der ungarischen Landnahmenzeit in Naszvad. Folia Archaeologica, Budapest, 1941, табл. II, 1—3.

¹³B. Chropovsky. Výskum staromadžarského pohrebista v Košutoch. SA, t. III, 1955, табл. III, 1; И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. МИА, № 62, 1958, рис. 15.

¹⁶R. Zschille und R. Forrer. Die Pferdetrense in ihrer Formen-Entwicklung. Berlin, 1893, табл. VII, 18; VIII, 2, 5.

¹⁷А. М. Беленицкий. Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента. МИА, № 66, 1958, рис. 37, 4; I. Kovrig, J. Korek. Le cimetière de l'époque avare de Csóka. AA, t. XII, Budapest, 1960. табл. CVI, 6; K. Horedt. Contributii la istoria Transilvaniei în secolele IV—XIII. Bucureşti, 1958, рис. 11, 1; V. Budunský-Krička. Pohrebiska z neskorej doby avarskej v Zitavskej Tôni. SA, t. IV, 1, Bratislava, 1956, табл. X, 1; Р. Б. Ахмеров. Могильник близ г. Стерлитамака, СА, т. XX, М., 1955, табл. III, 3; В. Н. Ястребов. Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губ. МАР, № 10, СПб., 1893, табл. X; А. А. Спицын. Древности камской чуди. МАР, № 26, СПб., 1902, табл. XXV, 11.

русских и других народов и соседствовали с удилами типа I. К концу I тыс. н. э. удила типа Ia, как показывают русские материалы, уступают более совершенным конструкциям, а где-то в начале XI в. и вовсе выходят из употребления. Лишь в Литве они сохраняются вплоть до XII в.¹⁸ Упрощенной репликой удил типов I и Ia является конструкция, где прямые псалии и поводное кольцо продеты в одну боковую петлю грызла, — тип Ib (рис. 52, 5). Типичен стержень с однопетельчатым щитком. Почти все 5 удил и 2 условно отнесенных к данному типу псалия относятся к X в. и найдены в исключительно северорусских областях.¹⁹ Аналогии удил типа Ib отыскивались в аланских древностях X—XII вв. в Подонье и на Северном Кавказе.²⁰

Удила типа Ib имеют дугообразно изогнутые роговые псалии (рис. 53, 3). В центре каждого псалия имелись две дырочки для пропуска концов железной петли. Способы соединения роговой части с грызлом удил этого типа не отличаются от способов соединения, характерных для удил типов I и Ia. Учтена 21 находка, относящаяся к IX—XIII вв.²¹ Псалии этих удил покрыты с внешних сторон орнаментом, который имеет значение для этнических определений. Более древние псалии, как правило, довольно крупные и граненые, снабжены с одной стороны трехлопастными увенчаниями. Их украшают растительные или геометрические узоры, встречающиеся на других древнерусских вещах. Псалии XII—XIII вв. обычно меньше, не столь изогнуты, у них отсутствуют трехлопастные очертания концов и редка огранка. Поздние псалии украшены менее значительно — поперечными нарезками с циркульными кружками.

Местонахождение удил с костяными псалиями указывает на их связь с воинами, горожанами и принадлежность (во всяком случае в X в.) к богатым княжеско-боярским верхам. В древнерусских дружинных трупосожжениях костяные псалии сохранились плохо, и в ряде черниговских курганов их обломки опознаны впервые.²² Бесспорно лучшей по сохранности вещью этой коллекции являются удила X в. из Любеча (№ 70; рис. 55, 1). А. А. Спицын считал эти удила венгерскими на том основании, что ему было известно несколько аналогий из Будапештского музея.²³ Новые находки IX—XII вв. в хазарском Саркеле,²⁴ Самбии,²⁵ Литве,²⁶ наконец, русско-польском г. Сутейске²⁷ ни в географическом, ни в хронологическом смысле не подтвердили этого замечания. Не подтверждает его и орнаментальный убор самих псалиев, выдержанный в стиле прикладного искусства тех стран, где они найдены: на венгерском экземпляре видны характерные «точка с усиком», на древнепрусском — элементы геометрического северного узора, на древнерусском — растительный побег или завитки с пальметкой. Растительные и геометрические узоры беловежских (рис. 55, 3), черниговских и любечских псалиев позволяют предположить местное производство этих вещей начиная примерно со второй половины X в.

Международная распространенность удила с роговыми частями имеет глубокие корни. На территории СССР они известны с эпохи бронзы. По мере распространения металла их значение уменьшалось, однако они дожили (возможно, с перерывами) до раннего средневековья.²⁸ О причинах такой стойкости писалось выше. При всей климатической практичности и «весовой» легкости употребление удила с роговыми псалиями было ограниченным и недолговечным, так как кость перетиралась о петли гызла. Об этом, в частности, свидетельствует псалии из Саркела со следами сильной боковой (рис. 55, 2) сношенности. В конце концов кость была полностью заменена железом. В послемонгольской Руси удила с костяными псалиями не встречаются.

В удилах типа II, представленных 14 находками, псалии и поводное кольцо слились воедино и вследствие этого вместо двойных петель гызла возникли одинарные. Прежний боковой щиток

---

¹⁸А. А. Спицын. Предполагаемые литовские курганы VIII—IX вв. ЗРАО, т. VIII, вып. 1 и 2, нов. сер., СПб., 1896, рис. 28; Литовское народное искусство. Украшения древних литовцев. Кн. II. Вильнюс, 1966, рис. 223, 226.

¹⁹Каталог, №№ 2, 16—17, 28, 30, 43 и 45. Размеры: длина гызла 15—19 см; диаметр поводного кольца 3—4. 5 см; длина псалиев 10—15 см.

²⁰Дмитриевское, Шебекинский район, Белгородская обл., раскопки С. А. Плетневой в 1957 г. (по устному сообщению автора); бывш. Терская обл., Пятигорский округ, станица Змейская, раскопки А. Неверовского в 1910 г. (Эрмитаж, ОИПК, колл. 1975/98).

²¹Каталог, №№ 18, 38—39, 61, 70, 71, 72 (?), 74, 75, 110—112, 128—130, 184, 228, 235, 295—297. В 7 случаях сохранилась металлическая конструкция, в 16 (дважды с гызлом) — целые костяные псалии или их обломки. Размеры: длина гызла 21—25 см; диаметр поводного кольца 3. 5—4 см; длина псалиев не унифицируется (7. 5—21. 3 см).

²²Ср.: Д. Я. Самоквасов. Могильные древности Северянской Черниговщины. М., 1916, рис. 3203; 3204; А. С. Гуцин. Памятники художественного ремесла Древней Руси X—XIII вв. М., 1936, табл. XVI, 12; Д. І. Бліфельд. Дровньоруський моги́льний в Чернігові. Археологія, т. XVIII, Київ, 1965, табл. III, 8, 11.

²³А. А. Спицын. Венгерские вещи X в. в России. ИАК, вып. 53, Пгр., 1914, стр. 108—110, рис. 2.

²⁴М. И. Артамонов. Саркел—Белая Вежа. МИА, № 62, 1958, рис. 25.

²⁵W. Gaerte. Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg, 1929, рис. 279, b.

²⁶Литовское народное искусство, рис. 121; 122; 123; 124.

²⁷Z. Wartolowska. Gród czerwieński Sutiejsk na podraniczu polsko-ruskim. Warszawa, 1958, рис. 34.

²⁸Удила с костяными псалиями не встречаются в памятниках VIII—IX вв. (С. И. Вайнштейн. Памятник второй половины I тысячелетия в Западной Туве. Тр. Тувинск. комплексн. археол. -этногр. эксп., т. II, М. — Л., 1966, стр. 326).

псалиев приобрел кольцообразные очертания.²⁹ Данная конструкция появилась в результате упрощения описанных выше типов. На Руси удила типа II фиксируются в X в., но в основном появились в XII — первой половине XIII в., в пору, когда кузнецы в связи с расширением железоделательного производства особенно настойчиво искали и создавали простые, дешевые изделия. 8 экз., относящихся к последним 50—150 годам жизни домонгольской Руси, демонстрируют ряд характерных особенностей. Псалии таких удилов обычно тонкие, гладкие,³⁰ почти провололочные; они чаще прямые и снабжены концевыми шишечками и срединной кольцообразной скобой; заметно манжетообразное расширение петли грызла в месте соединения с псалием.

Древнейшие, правда, редкие находки удилов типа II связаны с древними тюрками и аарами.³¹ В своей специфической форме, сложившейся в XII в., они, однако, типичны не для кочевников, а для европейских рыцарей.³² На Руси удила типа II в XII—XIII вв. распространены более или менее равномерно и в ближайших районах за ее пределами встречены только дважды — в курганах Нижнего Поднепровья и Поднестровья.³³ Конструкция описанных удилов оказалась весьма рациональной, и в конном деле они сохранились до наших дней.³⁴

Удила типа III имеют дугообразно изогнутые (или редко - прямые) псалии, снабженные широкими двухпетельчатыми щитками, по очертанию напоминающими фигурную скобку.³⁵ Такие псалии получили название «крылатых». Они продевались вместе с поводным кольцом в одну из боковых петель грызла, как у образцов типа Ib. Удила типа III среди всех вышеописанных экземпляров с железными стержневидными ограничителями самые нарядные. Псалии, увенчивавшиеся шишечками, иногда украшались серебром, а их щитки имели фигурный обрез краев.

Удила типа III в исследуемом материале впервые зарегистрированы у печенегов и торков, живших в X—XI вв. в Поросье и Подонье (№№ 97 и 147). В наиболее типичных формах описанная конструкция встречена в собственно русских районах, где связывается с XI и отчасти с XII в. Лучшей по сохранности вещь являются удила второй половины XI в. из Новгорода (№ 149; рис. 54, 3; рис. 56, 2).

Удила типа III, судя по ювелирной отделке и местонахождению, принадлежали воинам или состоятельным горожанам. Всего описанных удилов у нас учтено 10. Речь в целом идет о довольно редкой форме неутонченного, по-видимому, северопричерноморского происхождения, распространившейся в XI—XII вв. кроме русских и черных клобуков также у пруссов,³⁶ литвы³⁷ и волжских болгар.³⁸

Рассмотренными выше экземплярами исчерпаны образцы с прямыми или изогнутыми псалиями. Удила нижеследующего типа — IV состоят из двух подвижных звеньев и двух колец (рис. 53, 6). Эта форма наиболее

многочисленна (326 находок) и универсальна.³⁹ Древнейшие удила рассматриваемого типа относятся к IX—X вв. (Подболотье, №№ 50, 54—56; Хотомель, №№ 65—67). Двумя веками позже они уже составляют массовую категорию находок, особенно в городских слоях предмонгольского времени (в одном Изяславле их 148).

В течение рассматриваемого периода кольчатые удила претерпевают ряд детальных изменений, которые отчетливо обнаруживаются у изделий XII—XIII вв. Тогда возникает трубковидная вытянутость петель грызла (что отмечено также на примере типа II), неравноплечность звеньев (средняя разница 1—3 см), фигурная отковка звеньев и колец, воронковидность поперечного сечения колец. Отмеченные признаки помогают датировке на первый взгляд однообразных вещей, но вовсе не обязательны для всех них. Трубковидность петель направлена к повышению прочности и долговечности конструкции, неравноплечность звеньев связана с нравом и выучкой коня, узорчатый выков демонстрирует искусную работу кузнеца. Удила фигурной отковки найдены в Новогрудке (рис. 56, 3), Воищине,⁴⁰ Изяславле и других местах, а также в могилах Поросья, где являются, очевидно, русским импортом.

Кольца удила, объединившие вместе функции псалиев и поводного кольца, заметно различаются по своему диаметру начиная с X в. Удила XII—XIII вв. по размеру своих колец делятся на три группы (рис. 57). К малым относятся удила

³⁹Каталог, №№ 6, 165—166 (?), 170, 174, 176, 178, 224, 229, 232, 309, 466—468. В 8 случаях сохранились только псалии. Размеры: общая длина грызла 13—21 см; длина псалиев 14—18. 5 см.

³⁰Фигурно откованы стержни лишь 3 псалиев (№№ 165, 166, 466).

³¹С. И. Вайнштейн. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры. СЭ, 1966, № 3, рис. 10, 43; J. Hampel. Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn. I. Braunschweig, 1905, рис. 579; 580. В Приуралье и на Тамбовщине удила типа II относятся к X—XI вв. (Ф. Д. Нефедов. Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье. Матер. по археол. восточн. губ., т. III, М., 1889, табл. III, 7, 8; см. также: ГИМ, хр. 41/16).

³²London museum catalogues, № 7, London, 1954, стр. 80, рис. 19а (отмечены примеры IX—XIII вв.).

³³Бывш. Екатеринославская губ., Новомосковский у., д. Вороная, раскопки Д. Я. Самоквасова (ГИМ, хр. 97/58а); см. также: И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Вып. I, Киев, 1951, рис. 9.

³⁴С. П. Урусов. Книга о лошади. Т. II. СПб., 1911, рис. 235 и 237.

³⁵Каталог, №№ 97, 147, 149, 150, 155, 156 (?), 157, 158, 167, 280. Из 10 случаев в 3 найдены только псалии. В Щученке найдены 2 псалия от разных удила, но

они записаны под одним номером (157). Размеры: общая длина грызла 16—22 см; диаметр поводного кольца около 3—4 см; длина псалиев 9—13 см.

³⁶К. Zschille und R. Forrer. Die Pferdetrense..., табл. IX, 4, 4a.

³⁷Литовское народное искусство, рис. 149 и 216.

³⁸Отчет ОАК за 1904 г. СПб., 1907, рис. 259.

³⁹Каталог, №№ 1, 8, 12—13, 20 и сл. Средние размеры: общая длина грызла 16—20 см; диаметр кольца 3. 5—7 см.

⁴⁰У удила из Новогрудка и Воищины звенья откованы так, что образовалась цепочка острых выступов, а это в свою очередь свидетельствует о желании повысить роль межзубья в управлении норовистым конем.

с диаметром кольца 3. 5—4. 5 см, к средним — с диаметром 4. 5—5 см, к большим — с диаметром 6—7 см.⁴¹ Последняя группа количественно всегда в меньшинстве. Разновеликость колец имеет свое объяснение и отражает разный темперамент и состав конного стада. Удила с крупными кольцами употреблялись, очевидно, для слабоуздых, *т. е. слишком чувствительных*, лошадей, с малыми — для тугоуздых, *т. е. малочувствительных*.⁴² Иными словами, ремесленники по мере исчезновения прежних прямопсальных конструкций стремились облегчить гибкость управления конем при помощи простого варьирования размеров колец.

Кольчатые удила явились тем рациональным изобретением, которому в конце I тыс. н. э. суждено было способствовать преобразованию конного дела оседлых народов Европы. Железные удила с подвижными звеньями и кольцами как подражание бронзовым появились в конце гальштаттского периода (500—450 гг. до н. э.)⁴³ и существуют в наши дни. На территории Восточной Европы эти удила известны с начала средневековья, но только с IX—X вв.⁴⁴ их распространение становится особенно заметным, что связано с массовым выдвиганием феодальной конницы. Появление кольчатых удил у славян IX в. справедливо считается признаком ослабления кочевнического влияния и расширения собственного железоделательного ремесла.⁴⁵ Начиная с X в. кольчатые удила повсеместно становятся все более популярными и быстро вытесняют прежние формы. Весьма интенсивно этот процесс проходил на Руси и завершился около 1100 г. почти полным господством данной конструкции.⁴⁶

Кольчатые удила сопровождались рядом модификаций, которые кажутся, однако, не столь совершенными. Таковы удила с двойными кольцами на концах грызла (тип IVa).⁴⁷ Большое кольцо служило для прикрепления оголовья, малое — для повода. Описанная конструкция встречена семь раз в древностях IX—X вв. (рис. 53, 5) Северо-Восточной Руси — на Муромщине и в Суздальском Ополье. Здесь носителями ее было, по-видимому, чудское население. Удила типа IVa в Европе известны с VII—VIII вв.;⁴⁸ для X в. они были архаичны, а позже и вовсе исчезли.

Удила типа V представлены кольчатыми экземплярами с тремя подвижными звеньями.⁴⁹ Среднее звено оформлено в виде восьмерки или винтообразно перекручено (рис. 53, 4). Все 5 учтенных нами экземпляров найдены в Северной Руси и относятся к X — первой половине XI в. За удилами типа V следует признать широкое североевропейское распространение. Они типичны для Скандинавии и Финляндии начиная с эпохи великого переселения народов и местами господствуют в эпоху викингов.⁵⁰ Укоренившись в странах Восточной Прибалтики, трехзвенные удила существуют там в X—XIV вв.⁵¹ В русских районах удила описанного типа хотя и бытовали в X—XI вв. и однажды встретились в новгородских слоях XIV в.,⁵² но в общем случайны. Их следует

признать редкой формой, проникшей на Русь, по-видимому, от северных или северо-западных соседей.

К VI типу относятся так называемые кольчатые удила без перегиба, *т. е. такие*, грызло которых состоит из одного изогнутого стержня.⁵³ Такие удила были более примитивными, чем двухзвенные, однако в связи с жесткостью конструкции неплохо служили целям строгого управления конем, особенно в лесистой, сильно пересеченной местности.⁵⁴ Из 32 находок 28 относятся к X—XI вв., 2 — к XI в., 2 - к XII-XIII вв.

На Руси удила описанного типа в общем не привились, а их местонахождение носит узко локальный характер. Находка подавляющего большинства удила без перегиба в Киевском Поросье и в окрестностях Белой Вежи составляет лишь часть находок, распространенных на более широкой территории, охватывающей в раннесредневековый период Сибирь, Приуралье, Волжскую Болгарию, а также страны Центральной и Западной Европы (Польшу, Пруссию, Швецию, Норвегию, Англию).⁵⁵ Впрочем, у оседлых

⁴¹ Нечто подобное я заметил у древнепрусских удила X—XIII вв. (R. Zschille und R. Forrer. Die Pferdetrense..., табл. IX, 7, 9, 10).

⁴² Ср.: С. Флейшер. Руководство для казачьей езды и выездки строевой казачьей лошади. СПб., 1895, стр. 49.

⁴³ R. Zschille und R. Forrer. Die Pferdetrense..., стр. 4, табл. III, 12, 13.

⁴⁴ Литовское народное искусство, рис. 11; ср.: С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 519—520 и 581—582; А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ..., стр. 84.

⁴⁵ J. Eisner. Devínska Nová Ves, стр. 302 и 376.

⁴⁶ То же самое относится и к соседям Руси, и было бы бесцельно перечислять многочисленные раннесредневековые аналогии.

⁴⁷ Каталог, №№ 23, 40, 49 (?), 51—53, 59. Размеры: длина гызла 15—19 см; диаметры колец — малого 3. 5—5 см, большого 6—7 см.

⁴⁸ K. Horedt. Contributii la istoria Transilvaniei..., рис. 10, 4—7.

⁴⁹ Каталог, №№ 3, 11, 14, 29, 41. Размеры: длина межзубья 15—17 см; диаметр кольца 4. 2—7 см.

⁵⁰ E. Kivikoski. Die Eisenzeit Finnlands. II. Helsinki, 1951, рис. 347; 578; 901; J. Petersen. Vikingetidens redskaper. Oslo, 1951, стр. 13.

⁵¹ Ф. В. Покровский. Курганы на границе современной Литвы и Белоруссии. Тр. IX АС в Вильне, т. I, М., 1895, рис. 66; Р. К. Куликаускаене. Погребения с конями у древних литовцев. СА, т. XVII, М., 1953, рис. 5; Литовское народное искусство, стр. 243.

⁵² А. Ф. Медведев. Оружия Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959, рис. 22, 4.

⁵³ Каталог, №№ 84—96, 98—101 и сл. Размеры: общая длина гызла 12—16 см; диаметр колец 3. 3—5. 5 см, чаще около 4 см. Обращает внимание небольшой размер межзубья.

⁵⁴С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА, № 62, 1958, стр. 164. Удила без перегиба воскрешают древнейшие металлические одночленные удила, появившиеся в XVI в. до н. э. (А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР. СА, т. XVIII, М., 1953, стр. 103).

⁵⁵Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы..., стр. 20; A. Nadolski. Studia nad uzbrojeniem polskim w X, XI i XII wieku. Łódź, 1954, стр. 88; T. J. Arne. Das Bootgräberfeld von Tuna in Alsike, Uppland. Stockholm, 1934, стр. 64—65, табл. V, 1; J. Petersen. Vikingetidens redskaper, стр. 14, рис. 11; R. Zschille und R. Forrer. Die Pferdetrense..., табл. IX, 8.

европейцев такие удила редки. В южнорусских и соседних районах удила без перегиба бытуют преимущественно в X—XI вв., и их можно связать с печенегами ⁵⁶ и отчасти с торками. Отдельные находки однозвенных удил в древнерусских городах (Изяславль, Браслав) истолковывают как редкий кочевнический импорт. ⁵⁷ В XII в. на всей территории Восточной Европы, в том числе и у кочевников, удила без перегиба выходят из употребления.

На основании проработанного материала подведем некоторые итоги.

Большинство типов удил IX—XIII вв. имеет общерусское распространение (табл. 3; 4; 5; 6). Лишь конструкции некоторых северных, архаических, редких или несовершенных форм имеют локальное распространение, чаще всего связанное с иноплеменными чудскими или кочевническими окраинами Руси (типы IVa, V, VI, редкие экземпляры с эсвидными псалиями типа Ia и неподвижными кольцами типа IV).

Большая часть удил отвечает универсальному транспортному назначению. Походно-воинскую специфику, насколько можно судить, имеют некоторые образцы, связанные с бытом знати и состоя- -тельных граждан (типы Ib, II, III).

Техническая эволюция раннесредневековых удил более или менее четко делится на два пери-

---

⁵⁶С. А. Плетнева. Печенеги..., стр. 162.

⁵⁷Л. В. Алексеев. Полоцкая земля. М., 1966, стр. 236 и рис. 62, 2. По любезному сообщению Я. Г. Зверуго, поступившему уже после написания главы, в Волковыске им были найдены 2 однозвенных и 9 двусоставных удил XI—XIII вв.

ода. Начальный период — IX—X вв. — характерен усвоением разнообразных, преимущественно восточных по происхождению удил с прямыми или дугообразными псалиями (типы I, Ia, Ib, Iv, II, III). Удила этих форм достались Руси как наследие или в результате контактов с евразийскими помами, с их развитым коневодством и способностью к длительным передвижениям. Удила восточных типов появляются на Руси в виде, приспособленном для управления темпераментным конем. Набор удил X в. показывает, что русские, развивая свое конное дело, по части управления конем воспользовались в первую очередь достижениями своих южных, юго-западных и юго-восточных соседей.

Период использования удил с вытянутыми псалиями совпал в Восточной Европе с преобразованием всего военного дела и созданием сильной конницы. Эти процессы решительно повлияли и на средства управления конем, нарушив в сущности весь строй технических заимствований, сложившихся к 1000 г. Количество типов и разновидностей удил сокращается наполовину, а практически и того больше. Уже в X в. выдвигаются общеевропейские и, в частности, общеславянские кольчатые удила (тип IV), которые через столетие вытесняют ряд других первоначальных форм. Варьируя размер их колец, мастера приспособили эту рациональную конструкцию к различным по характеру лошадям местного разведения и выучки. В XII—XIII вв. двухзвенные удила составляют почти 95% всех находок и являются показателем высокой стандартизации производства, достигнутой в конном деле. В этот период ремесленники концентрируют свои усилия не на создании новых, а на настойчивом совершенствовании имевшихся популярных конструкций (типы II и IV). В XII—XIII вв. всадническое снаряжение степняков не имеет на Руси своего прежнего влияния. Более того, городские кузнецы начинают снабжать своими удилами черноклобуцких федератов.

Итак, эволюция русских раннесредневековых удил, первоначально вводимая под сильным восточным влиянием, в дальнейшем преобразуется под воздействием местных условий, связанных с развитием коневодства, транспорта и коммуникаций, со становлением конницы как главного рода войск и с постепенной стандартизацией производства. Восприняв и использовав до десятка разных конструкций, древнерусские мастера и воины в конечном итоге воспользовались лишь немногими формами удил, которые, однако, представляют Русь как одну из развитых конных держав Европы.

ГЛАВА 2. ОГОЛОВЬЕ, УЗДА

Обложиши же оглавь о ноздрех

его.

Книга Иова. По списку 1439 г.

*Узда — коневу правитель есть и въздержание.
Изборник Святослава, 1076 г.*

Не только в новые, но и в древние времена для обозначения оголовья с удилами часто употреблялся как собирательный термин «узда». ¹С этим словом, очевидно, связано распространенное в XI—XIV вв. наименование выступившего в поход всадника — снузник. ²

Управленческая, смирительная функция узды точно определена русскими документами XI и XV вв. в следующих словах: «узда — коневу правитель есть», «лют конь уздою въздержится». ³В том случае, когда узда сочетала утилитарное назначение с декоративным, она служила признаком социальной и «национальной» представительности. Нарядно отделанная узда является важным показателем местной или привозной художественной культуры. В этом смысле она, возможно, больше, чем какая-нибудь другая часть конского снаряжения, была подвержена колебаниям моды своего времени.

Желая подчеркнуть богатство конской сбруи, очевидец отметил: «А узда его (коня, — *А. К.*) бысть златом кована». ⁴ Здесь подразумеваются, очевидно, в первую очередь украшения конского намордника, не позже чем с XII в. названного оголовьем. ⁵

Оголовные ремни конской узды (затылочной, налобной, подчелюстной, нащечной, наносной, подгубной), имевшие в раннесредневековое время ширину около 1. 8 см, были, естественно, недолговечны, и поэтому лишь немногие из них, и то в полусгнившем виде, найдены при раскопках погребений IX—XIII вв. Чаще всего сохраняются металлические части сбруи: кольца, бляшки, пряжки. Первоначальное расположение этих деталей, а подчас и само их опознание, особенно если они оказались на погребальном костре в куче с другими предметами, затруднительно. В поле зрения археолога прежде всего попадают остатки обильно украшенного металлом наголовного убора коня богатого всадника. Намордные оплетки коней простых ратников из органических материалов почти неизвестны. Нам удалось определить части уздечек в 32 погребальных комплексах IX—XIII вв. ⁶ Фактически же обсуждается 17 древнерусских находок, так как в остальных случаях они лишь упомянуты в литературе, но документально не описаны и ныне не сохранились.

---

¹В «Повести временных лет» узда впервые упомянута под 968 г.

²*Снузити* — «опутать», «взнуздать», «обуздывать» (ср.: *И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III. СПб., 1903, стр. 778—779).*

³*И. И. Срезневский. Материалы..., т. III, стр. 1169—1170.*

⁴М. Сперанский. Девгениево деяние. Сб. ОРЯС, т. 99, № 7, Пгр., 1922, стр. 137.

⁵*А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954, стр. 78—79. Автор пишет, что оголовье доныне означает в диалектах «узда».*

⁶Воспользовавшись географическими названиями и номерами удила и стремян по каталогу, перечислю эти находки. IX—XI вв.: Карлуха, удила, I; Черनावино, удила, № 10; Залужье, удила, VI; Большое Тимерево, удила, VIII; Подболотье, удила, №№ 44, 45, 54; Подболотье, стремяна, № 21; Максимовка, удила, № 57; Гнездово, стремяна, № 28; Чернигов, удила, № 75; Шестовицы, стремяна, №№ 52—53; Киев, удила, № 83 и XIX; Крылос, удила, № 102. Кроме того, части уздечки найдены в 5 погребениях, не отмеченных в упомянутом выше Каталоге находок. Это Шелебово и Шокшово бывш. Владимирской губ., раскопки *А. С. Уварова* в 1852 г., курганы 154 и 232, 76 и 194 и Гнездово, раскопки *В. И. Сизова* в 1896 г., курган 1 (83) (Тр. I АС, т. II, М., 1871, стр. 804—805; Арх. ЛОИА, ф. 1, 1896, № 69, л. 14). XI—XII вв.: Гаевка, удила, № 156; Кагарлык, удила, № 159; Зеленки, удила, № 163. XII—XIII вв.: Юрьев-Польский, удила, № 179; Нежин, удила, № 233; Гадамка, удила, LXVI—LXVII; Берестняги, удила, № 275; Ковали, удила, №№ 276—277; Стапанцы, удила, LIX; Россав, удила, LXIV; Николаевка, стремяна, № 265; Бойницы, стремяна, LXXIII—LXXIV. В наш список не включено несколько гнездовских, владимирских и киевских курганов с невыясненным составом инвентаря, но содержавших остатки уздечных деталей (см. ниже).

Из 17 изученных нами древнерусских комплексов с реальными остатками узды и оголовья в 11 найдены различные бляхи, привески, пряжки, а также разделители ремней, в 5 — только разделители ремней (главным образом кольца с тремя обоймами — тройники), в 2 — только ремни (упоминание удил здесь опускаем).

Остановимся на основных металлических деталях первоначальной конструкции.

Большая часть металлических деталей оголовья крепилась к ременной основе при помощи выступающих на 5 мм толстых штифтов, расплюснутых на концах или увенчанных медными шайбочками.

Особое значение придавалось таким свойствам конструкции, которые бы делали ее одновременно жесткой и эластичной. Для этого не менее чем в четырех местах неподвижного соединения ремней крепились крупные бляхи, допускавшие некоторый прогиб мягких частей, но не их боковое смещение.

Разделители, точнее — скрепители ремней, были чаще всего круглыми, квадратными или крестообразными. Последние имели иногда специфическую форму квадрата или ромба с прямоугольными прорезями по сторонам. Они (всегда железные) встречены в Швеции,⁷ Финляндии,⁸ Литве⁹ и на Руси во владимирских¹⁰ и гнездовских курганах (рис. 6). Число таких блях, происходящих из одного места, обычно четное, и, кажется, еще не было точно установлено, предназначались ли они для скрепления боковых ремней уздечки или наносной косо поставленной плетенки. Гнездовские четырехконечные бляхи были найдены трижды по четыре штуки вместе,¹¹ и логично поэтому считать их скрепителями основных продольных и поперечных ремней оголовья. Рассматриваемые бляхи иногда платировались серебром, и в русских древностях X в. они выступают как признак северной, возможно прибалтийской, моды. Все упомянутые выше скрепители употреблялись для неподвижного соединения обычно четырех ремней. Если же соединение было подвижным, то применялись кольца с тремя обоймами. Наличие тройников предполагает отсутствие налобного и подгубного ремней. Судя по находкам древнерусских скрепителей ремней, оба типа узд — более тяжелые и более легкие и свободные — появились не позже X в. и существовали одновременно.

Круглые и крестообразные скрепители ремней по всем отходящим направлениям часто дополнялись накладками, именуемыми «наконечниками пояса». Впрочем, от поясных эти наконечники часто отличались более горбатой спинкой и более массивными прикрепительными штифтами. Таких накладок, как правило, было 12—16 (по 3—4 попарно у висков и губ). В некоторых случаях наконечники прикреплялись также к налобным и наносным ремням, тогда их могло быть больше 20. Срединные части оголовных ремней выкладывались мелкими бляшками; предпочитались круглые, квадратные,

сердцевидные, в форме трилистника, реже прямоугольные. Круглые бляшки с прорезью в центре, по-видимому, скрепляли какие-то вспомогательные ремни с основными.

Особый декоративный эффект сбруе придавали свободно свисающие миндалевидные бляхи — решмы. С одной или двух сторон решмы, как правило, имели выпуклости и подкладки в виде дополнительной медной пластинки и служили в качестве бубенцов. К оголовью решмы прикреплялись на шарнирах или в стык с другими бляхами так, чтобы исключить боковую качку при движении. В отделке решм мастера стремились проявить все свое умение. Оформлены ли решмы как звериные головки или покрыты растительной или ленточной орнаментацией, выразительные и образные достоинства позволяют поставить их в число лучших художественных изделий своей эпохи. По решмам нагляднее всего можно судить о месте и времени изготовления всего уздечного убора.

На Руси конские решмы до сих пор связывались с XVI—XVII вв., однако их первые образцы появились не позже X в. (Гнездово, Киев). Древнерусские находки появились в результате распространения и заимствования модного в раннем средневековье украшения. По общему мнению, происхождение миндалевидных орнаментальных блях восточноазиатское (или, словами Т. Арне, сибирско-китайское).¹² Типичная азиатская бляха этого рода, относящаяся к VIII—X вв., представляла щиток с горельефной личиной, окружен-

---

⁷Н. Arbman. Birka. Tafelband. Stockholm, 1943, табл. 22; 23; 24; 25. Прототип известен с VII в. (G. Arwidsson. Valsgärde 8. København, 1954, стр. 74, табл. 25).

⁸Е. Kivikoski. Die Eisenzeit Finnlands. II. Helsinki, 1951, рис. 872.

⁹Литовское народное искусство. Украшения древних литовцев. Кн. II. Вильнюс, 1966, рис. 103; 104.

¹⁰А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, СПб., 1905, рис. 98.

¹¹В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. МАР, № 28, СПб., 1902, стр. 56 (ср. табл. VII, 12). Комплексы, из которых происходят четырехконечные скрепители уздечных ремней (4 из них найдены, кажется, в раскопках В. И. Сизова 1896 г. — ГИМ, хр. 117/41а, и 60б), мне восстановить не удалось, и они поэтому не включены в приведенный выше список погребений с остатками оголовий.

¹²А. Salmony. Eine chinesische Schmückform und ihre Verbreitung in Eurasien. ESA, t. IX, Helsinki, 1934, стр. 321 и сл.

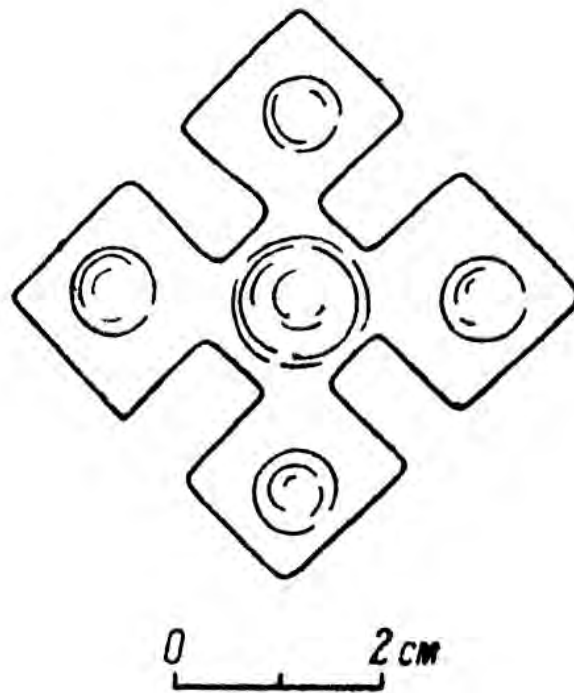

Рис. 6. Бляха скрепления ремней оголовья. Гнездово, раскопки *В. И. Сизова*, из кургана.

ной виноградными лозами.¹³ Описанная привеска, сочетавшая достоинства украшения и оберега, была воспринята разными народами Евразии — полоса находок тянется от Минусинской котловины до Венгерской низменности. По мере удаления от родины облик блях менялся: виноградная лоза уступила место абстрактному растительному побегу или лестничному городку, личина иногда сохраняется, но чаще уступает место выпуклости, украшенной пальметкой, ленточным плетением или долевыми полосками.¹⁴ Некоторые из этих блях в качестве бубенцовых привешивались кроме головы на грудь и круп коня,¹⁵ другие прикреплялись к одежде и поясу. О последнем свидетельствуют аккуратный характер штифтов, отсутствие шарнира и выступа для подвешивания. От 11 до 20 овально-заостренных блях подобного рода встречено в Шестовицах¹⁶ и Киеве.¹⁷ Они представляют часть металлического убора дружинной одежды. Того же назначения были и две тождественные, вероятно, отлитые одним мастером поделки с личинами, найденные в Гнездове (рис. 7)¹⁸ и Новгороде.¹⁹ Судя по тому, что орнаментация последних (завитковые побеги, соединенные перетяжками) выполнена с долей схематизма, речь идет об образцах подражательного ремесла. В том же гнездовском кургане, где оказалась решма с личиной, найдены подвеска и несколько серий круглых, квадратных и сердцевидных бронзовых бляшек, очевидно, от пояса, которые, судя по другим курганным примерам, использовались и как детали уздечки.²⁰

Переходим к характеристике древнейших находок. Почти все археологически известные наборные уздечки относятся к IX—XI вв. Они демонстрируют сложное и дорогостоящее ремесленное искусство и по своей выразительности и разнообразию могли бы составить уникальное собрание раннесредневековой конской сбруи. Об украшениях всей узды мы судим прежде всего по оголовьям, при этом предполагается, что в ряде случаев металлом набивались нагрудные, подхвостные и другие ремни. В отделке сбруйных блях, отлитых или тисненых, щедро использовались чернь и позолота, а некоторые наборы целиком изготавливались из серебра. Чем объяснить расточительную роскошь конского убора эпохи первых киевских князей?

Богатая узда привилась на Руси одновременно с обособлением военно-феодальной верхушки, когда в быту были широко распространены всякого рода бронзовые и серебряные наременные нашивки. Детали уздечных наборов можно поставить в один ряд с украшениями костюма. При изготовлении уздечек и поясов мастера часто пользовались одними и теми же формами бляшек, привесок и наконечников.²¹ В раннем средневековье богато отделанные серебряными и позолоченными деталями уздечки, очевидно, так же как и пояса, свидетельствовали о высоком служебном и сословном положении своего владельца.²² Если данные вещи вместе с конем, оружием и одеждой человек получал из рук правителя, то это расценивалось как вид служебного пожалования, как знак иерархического и воинского отличия и ранга.²³ Практика придворного «казен-

¹³Д. Клеменц. Древности Минусинского музея. Томск, 1886, табл. XI, 10; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 552—553; Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов. Абакан, 1948, рис. 142; 143 (ср. рис. 144).

¹⁴Т. J. Arne. La Suède et l'orient. Uppsala, 1914, стр. 44, 152—153, рис. 25; 255; 256; 257; 258; 259; 260; 261; 262; N. Fettich. Die Metallkunst der landnehmenden Ungarn. AN, t. XXI, Tafelband, Budapest, 1937, табл. XX, LXIX, 3, 4 и сл.

¹⁵Несколько богатых конских наборов X—XI вв. продемонстрировал мне В. П. Шилов из своих раскопок 1952—1958 гг. в Волгоградской области (Калиновка, Ново-Никольское, 15-й поселок). Решмы, найденные в кургане близ 15-го поселка, украшали голову и круп коня. Изображения доказывают, что обычай украшать миндалевидными бляхами грудь и круп коня был распространен в Центральной и Средней Азии с VII—VIII вв. (Отчет ОАК за 1898 г. СПб., 1901, рис. 149; М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962. рис. на стр. 194; Arts Asiatiques, t. V, f. 3, Paris, 1958, рис. 7).

¹⁶Д. І. Бліфельд. Древньоруський могильник в Чернігові. Археологія, т. XVIII, Київ, 1965, стр. 123—124, табл. IV, 13.

¹⁷М. К. Каргер. Древний Киев. Т. I. М. — Л., 1958, стр. 170—171, табл. XIV.

¹⁸А. А. Спицын. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И. С. Абрамовым в Смоленской губернии. ЗОРСА, т. VIII, вып. 1, СПб., 1906, стр. 189, 191, рис. 19; Гос. Эрмитаж, ОИПК, колл. 812.

¹⁹М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода. МИА, № 65, 1959, рис. 2, 15.

²⁰К конскому убору относились, вероятно, и другие металлические и костяные детали, например большемерные лунницы, бляшки в форме полумесяца, с прорезью в центре и др. Их идентификацию приходится отложить на будущее.

²¹Таковы, например, бляшки с изображением пяти- или шестиконечной звезды (Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963, стр. 67).

²²В. И. Распопова. Поясной набор Согда VII—VIII вв. СА, 1965, № 4, стр. 90—91.

²³К примеру, каждый кочевник, ставший воином, носил специальный боевой пояс. При этом количество бляшек определялось знатностью владельца (С. А. Плетнева. От кочевий к городам. МИА, № 142, 1967, стр. 160).

Рис. 7. Бляшки костюма. Гнездово, раскопки И. С. Абрамова в 1905 г., курган 23.

ного» одаривания наборными металлическими украшениями была широко распространена в евразийском раннем средневековье. Прокопий Кесарийский (VI в.) писал о персах, что «не позволено никому носить ни перстня золотого, ни пояса, ни пряжки, ни чего-либо подобного, если это не пожаловано царем». ²⁴ С такой ли строгостью регламентировалось ношение драгоценностей на Руси — мы не знаем. Однако источники подчеркивают страсть «нарочитых мужей» к роскошным одеждам и всему тому, что олицетворяло силу и богатство. Норманские дружинники, по словам саги об Эймунде, требовали от Ярослава в уплату за службу «золото, серебро и хорошую одежду», ²⁵ что перекликается с летописной просьбой воинов Игоря сюзерену об «оружии и портах». ²⁶ По-видимому, из княжеских кладовых в качестве вознаграждения вассалам шли не только оружие, кони и одежда, но и сверкающие портупей, сбруя. Таким образом, государственная власть в лице князя выступала в качестве распространителя украшений костюма и, вероятно, упряжи.

Происхождение этих вещей не было единым. Поясные и уздечные бляшки, найденные в погребениях IX—XI вв., если они не скандинавские, обычно именуются «восточными». По представлениям того времени, не так важно было, где и как изготавливались украшения костюма и коня, лишь бы они своей ценностью и нарядностью соответствовали знатности их владельцев. Отсюда международный синкретизм в отделке русской одежды X в. и свобода в использовании чужеземных художественных элементов. При таком подходе мы яснее представляем себе, почему в славянских, норманских и финских погребениях киевской знати встречаются самые пестрые сочетания остатков костюма и всаднического снаряжения. Таким образом, археологически известные наременные металлические наборы коня и человека IX—X вв. характеризуют не только торговлю и непосредственный восточный или северный импорт, но и отношения между властью и нарождающимся феодальным классом, отношения, связанные с созданием дружин.

Появление на Руси наборной сбруи было облегчено тем обстоятельством, что ее оседлые и кочевые соседи — литовцы и особенно печенеги и венгры (возможно, аланы) — владели и, очевидно, по-своему выделяли своеобразные конские уборы. Русские на первых порах, по-видимому, не изобрели своего репрезентативного всаднического снаряжения, но, как показывает материал IX—XI вв., предприимчиво воспользовались уздечными наборами окружающих народов. Подтверждает это конкретный анализ уздечных остатков, главным образом тех, первоначальный вид которых поддается восстановлению.

В целях лучшего изучения наборных уздечек IX—XI вв., происходящих с территории Древней Руси, оказалось небесполезно присоединить к ним такие же находки из районов Нижнего Поднепровья, Поволжья и Крыма. ²⁷ Сведения о количестве и видах бляшек всех этих 11 узд сконцентрированы в табл. 7.

Как видно из табл. 7, на изготовление оголовий шло обычно около 40—100 бляшек двух — семи видов, если же количество металлических частей превышало 200 (причем употреблялось уже 9—12 видов блях — Киев, Гаевка), то речь, по-видимому, шла об украшениях не только намордника, но и поводьев, шейных и нагрудных ремней.

Оголовья IX—XIII вв. не поддаются строгой типологической сортировке. Каждое из них заслуживает индивидуального пояснения.

Чернавино (табл. 7, 1). В сопке найдена часть узды, насчитывающая 39 бляшек (рис. 8). Бляшки

²⁴Прокопий из Кесарии. История войн с персами. СПб., 1880, стр. 1, 17.

²⁵Е. А. Рыдзевская. Россия в древнесеверных сагах. Арх. ЛОИА, № 1135, л. 7.

²⁶Повесть временных лет под 945 г.

²⁷Сведения об этих находках см.: Каменка — Гос. Эрмитаж, ОИПК, колл. 2116/1—11; Котовка — там же, колл. 2119/1—19; Сарайлы-Кият — Арх. ЛОИА, ф. 1, 1892, № 13, л. 22 и Гос. Эрмитаж, ОИПК, колл. 1915/1—20, 947/1—6; Быково — К. Ф. Смирнов. Быковские курганы. МИА, № 78, 1960, рис. 18, 1 и Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, рис. 11.

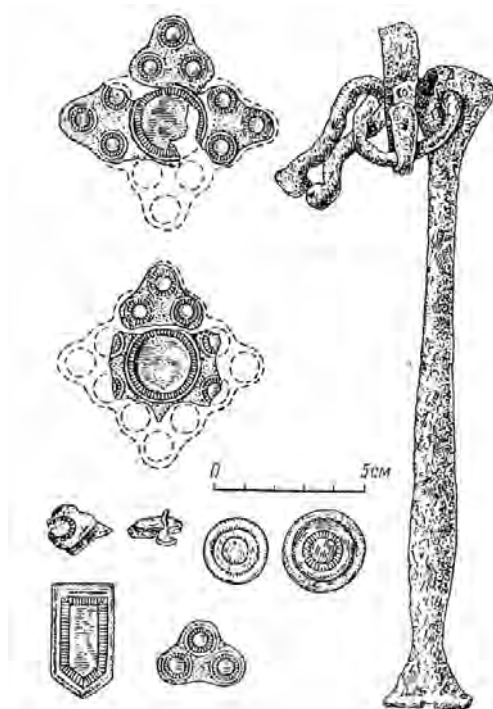

Рис. 8. Бляшки оголовья и рукоять плети. Чернавино (удила, № 10).

№ п.п.	Место находки	№ по каталогу	Дата	Общее количество блях	Найденные и найденные ремни	Разделители ремней				Найденные бляхи	Бляшки					Примеч.	Материал, использованный при изготовлении
						круглые	квадратные	крестообразные	треугольные		круглые	квадратные	в форме трилистника	сердцевидные	прямоугольные		
1	Чернявину	Удилья, 10	IX в.	39 (62)	—	—	2 (4)	—	—	9 (13)	12 (13) + 11 (24)	—	5 (8)	—	—	—	Серебро, свинец, медь
2	Подболотье	Удилья, 54	IX в. (?)	40	—	—	—	—	—	6	—	—	34	—	—	2	Серебро
3	Гнездово	Стрелена, 27	X в.	46 (111?)	1 + 1	—	4 (7)	—	—	2	—	38 (100—?)	—	—	—	—	Бронза
4	Киев	Удилья, 83	X в.	7 (?)	—	—	—	—	—	—	—	—	7	—	—	4	«
5	Киев	Удилья, XIX	X в.	203	2	2 + 2	1	—	—	17	141 + 18	—	16	—	4	—	Бронза, серебро, чернь
6	Гаевка	Удилья, 156	XI в.	215 (220?)	2 + 2 + 1 (2)	—	—	4	2	13 (14) + 2 (4?) + 2	127 + 3 (4)	—	—	53	3	1	Серебро, позолота, чернь
7	Кагарлык	Удилья, 159	XI в.	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Серебро
Юго-Восточноевропейские аналоги																	
8	Каманка, бывш. Екатеринославская губ. (раскопки Д. В. Корейши в 1849 г.)	—	X—XI вв.	11 (17)	1	—	—	3 (4)	—	7 (12)	—	—	—	—	—	—	Бронза, серебро, позолота
9	Котонки, бывш. Екатеринославская губ. (бывш. собрание Алексеева)	—	X—XI вв.	19 (20?)	2	2 + 2 + 1 (2)	—	—	—	7 + 5	—	—	—	—	—	1 (с тремя бубенчиками)	Бронза
10	Сарайлы-Княт, бывш. Таврическая губ. (раскопки Н. И. Веселовского в 1892 г.)	—	XI в.	19 (28)	2 + 2	—	—	4	—	4 (8) + 3 (8)	2	—	—	—	2	1 (с двумя бубенчиками)	Бронза, серебро, чернь
11	Быково, Волгоградская обл. (раскопки К. Ф. Смирнова в 1955 г.)	—	X—XI вв.	54 (55)	1 + 1 + 2	4	—	—	—	23 (24)	8 + 2	—	—	—	5 + 8	—	Бронза

ТАБЛИЦА 7. Металлические украшения узды в погребениях IX—XI вв. Примечание. В пятой и последующих графах цифры перед скобками соответствуют количеству найденных предметов; цифры, заключенные в скобки, указывают предположительное первоначальное число этих же предметов; цифры, соединенные знаком плюс (+), — количество разновидностей бляшек в пределах одной формы; знак минус (—) — отсутствие находок.

зарегистрированы *in situ*. Отсутствовали один из натежных ремней с двумя крестовинами и половина удила. С реконструкцией узды, предложенной *С. Н. Орловым*,²⁸ можно согласиться, несколько ее подправив (рис. 9). Речь идет о более точном размещении крестовин — разделителей ремней. Бляшки отштампованы и прикреплены к свинцовой основе. Расположение блях, техника их изготовления и геометрическая орнаментация ближайшим образом роднят их с древнелитовскими уздечными деталями.²⁹ Судя по рукояти плети, форме удила и другим признакам, датировка чернавинского оголовья ограничивается примерно IX в. (с возможным выходом в ранний X в.).

Подболотье (табл. 7, 2). Погребение конного воина. *In situ* обнаружено 40 уздечных гладких неорнаментированных бляшек и 2 пряжки. Мы воспроизводим полевую зарисовку этой узды, как она представлялась *В. А. Городцову* (рис. 10).³⁰ В наборе бляшек использованы только поясные и только двух сортов. Весь комплекс датируется не позже IX в. и связан с древней муромой.

Гнездово (табл. 7, 3). Сохранившаяся часть узды состоит из налобного и верхних половин двух нащечных ремней (рис. 58). К ним прикреплено 46 блях, и в том числе шарнирная решма в виде головы животного. Сохранившиеся детали и обрывки ремней позволили сделать реконструкцию всего убора. Первоначально бронзовых нашивок было, вероятно, 100—110. Описанный обрывок узды найден при случайных работах в южной поле кургана. Как удалось выяснить на основании архивных данных, этот курган в 1900 г. под № 67 (7) докопан *С. И. Сергеевым*,³¹ причем на огнище найдена квадратная бляшка другой, по-видимому, брошенной в огонь части упомянутой выше уздечки. Все бронзовые детали данного оголовья выполнены в скандинавском зверином стиле Борре.³² Северный адрес всего курганного комплекса с уздой подтверждается головкой черепаховидной фибулы, ладейными заклепками, железной гривной с молоточками Тора. Среди до сих пор известных скандинавских викингских узд³³ гнездовская не только

²⁸*С. Н. Орлов*. Сопки волховского типа около Старой Ладogi. СА, т. XXII, М., 1955, рис. 19; 20.

²⁹Литовское народное искусство, рис. 98 и сл. Ср.: *Р. К. Куликаускаене*. Погребения с конями у древних литовцев. СА, т. XVII, М., 1953, стр. 211—212, рис. 2а; 2б; 2в.

³⁰*В. А. Городцов*. Археологические исследования в окрестностях Муромы. Древности. Тр. Московск. археол. общ., т. XXIV, М., 1914, рис. 59. Вызывает сомнение расположение пряжек у колец удила. Скорее всего пряжки были прикреплены к подчелюстному или нащечным ремням.

³¹*А. А. Спицын*. Гнездовские курганы в раскопках *С. И. Сергеева*. ИАК, вып. 15, СПб., 1905, стр. 44—45; Арх. ЛОИА, ф. 1, 1899, № 106, л. 39.

³²Квадратные бляшки и «наконечники пояса» типа описанного уздечного набора находились уже как украшения поясов в ряде гнездовских и ярославских курганов (ср.: *В. И. Сизов*. Гнездовский могильник близ Смоленска. МАР, № 28, СПб., 1902, стр. 41, табл. III, 4, 11; *А. А. Спицын*. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И. С. Абрамовым..., рис. 3; Ярославское Поволжье..., рис. 39, 2).

³³К. Thorvildsen. The viking ship of Ladby. Copenhagen, 1961, рис. 14; 15.

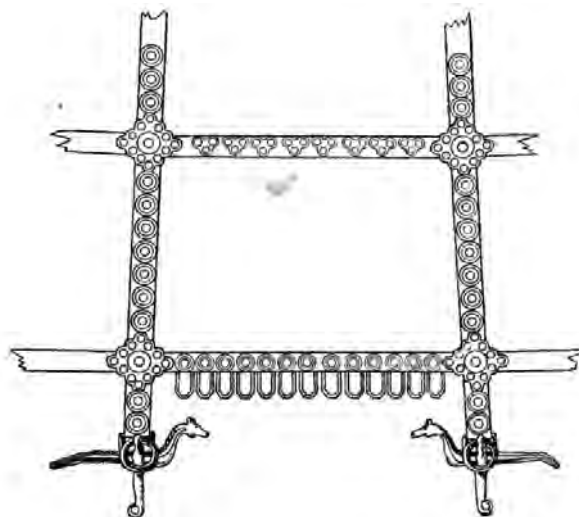

Рис. 9. Оголовье. Чернавино (удила, № 10). Реконструкция.

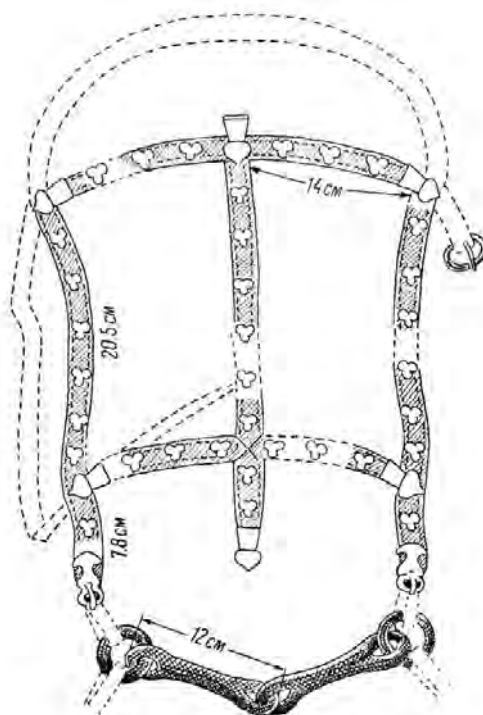

Рис. 10. Оголовье. Подболотье (удила, № 54). Зарисовка *В. А. Городцова*.

№ п.п.	Место находки	№ по каталогу	Дата	Общее количество бланков	Написные и на- дписные ремешки	Разделители ремешков				«Надписанные показатели»	Бляшки					Прижки	Материал, использо- ванный при изготовлении
						круглые	накладные	застеж- ковые	треуголь- ные		круглые	накладные	в форме гри- бовидных	серпечко- образные	прямоуголь- ные		
1	Чернявине	Удилья, 10	IX в.	39 (62)	—	—	2 (4)	—	—	9 (13)	12 (13) + + 11 (24)	—	5 (8)	—	—	—	Серебро, сви- нец, медь
2	Подболотье	Удилья, 54	IX в. (?)	40	—	—	—	—	—	6	—	—	34	—	—	2	Серебро
3	Гнездово	Стреме- на, 27	X в.	46 (111?)	1 + 1	—	4 (7)	—	—	2	—	38 (100— —2)	—	—	—	—	Бронза
4	Киев	Удилья, 83	X в.	7 (?)	—	—	—	—	—	—	—	—	7	—	—	4	а
5	Киев	Удилья, XIX	X в.	203	2	2 + 2	1	—	—	17	141 + 18	—	16	—	4	—	Бронза, сере- бро, чернь
6	Гаевка	Удилья, 156	XI в.	215 (220?)	2 + 2 + 1 (2)	—	—	4	2	13 (14) + + 2 (4?) + + 2	127 + 3 (4)	—	—	53	3	1	Серебро, позо- лота, чернь
7	Кагарлык	Удилья, 159	XI в.	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Серебро
Юго-Восточноевропейские аналоги																	
8	Каменка, бывш. Ека- теринославская губ. (раскопки Д. В. Ко- рейши в 1849 г.)	—	X—XI вв.	11 (17)	1	—	—	3 (4)	—	7 (12)	—	—	—	—	—	—	Бронза, сере- бро, позолота
9	Котловка, бывш. Екате- ринославская губ. (бывш. собрание Алексеева)	—	X—XI вв.	19 (20?)	2	2 + 2 + + 1 (2)	—	—	—	7 + 5	—	—	—	—	—	1 (с тре- мья бу- бенич- ками)	Бронза
10	Сарайлы-Кият, бывш. Гавричская губ. (раскопки Н. И. Ве- селовского в 1892 г.)	—	XI в.	19 (28)	2 + 2	—	—	4	—	4 (8) + + 3 (8)	2	—	—	—	2	1 (с дву- мя бу- бенич- ками)	Бронза, сере- бро, чернь
11	Быково, Волгоград- ская обл. (раскопки К. Ф. Смирнова в 1955 г.)	—	X—XI вв.	54 (55)	1 + 1 + 2	4	—	—	—	23 (24)	8 + 2	—	—	—	5 + 8	—	Бронза

ТАБЛИЦА 7. Металлические украшения узды в погребениях IX—XI вв. Примечание. В пятой и последующих графах цифры перед скобками соответствуют количеству найденных предметов; цифры, заключенные в скобки, указывают предположительное первоначальное число этих же предметов; цифры, соединенные знаком плюс (+), — количество разновидностей бляшек в пределах одной формы; знак минус (—) — отсутствие находок.

одна из лучших по сохранности, но и самая нарядная; она уверенно относится к X в. ³⁴

Киев (табл. 7, 5). Сохранившиеся 203 бляшки представляют почти полный набор наголовных и, возможно, нагрудных конских украшений (рис. 11). Выделяются налобная и наносная решмы, 4 круглые бляшки, 2 из которых, возможно, прикреплялись к нащечным ремням, а 2 служили скрепителями ремней; того же назначения и знакомая нам по чернавинским находкам квадратная фигурная бляшка (я предполагаю, что у нее была пара). Налобный и наносный ремни оформляли 16 трехлепестковых и 18 круглых бляшек с изображением звездочки. К последним, вероятно, было прикреплено 17 удлиненных наконечников ³⁵ (еще одно напоминание о чернавинской узде). Убор дополняли 141 круглая и 4 прямоугольные бляшки с отверстием в центре. Обращает внимание стилистическое различие бляшек. Одни демонстрируют профессиональную руку (скрепители ремней с розеткой), другие выполнены грубовато («наконечники пояса» с двузубцем). По-видимому, при изготовлении и дополнении киевской узды (эти два процесса, впрочем, не могли быть слишком оторваны друг от друга по времени) была использована продукция разных ремесленников. По общему расположению и форме некоторые бляшки близки, как указывалось, чернавинским, однако техника их изготовления, наличие решм и другие особенности не позволяют считать их прибалтийскими. Относительно простые узоры не несут печати каких-либо специфических иноземных орнаментальных стилей. Такие образцы, как бляшки со звездочкой и трехлепестковые, наконечники с прорезным геометрическим узором, встречаются в финских, венгерских, а также в русских древностях X в. ³⁶ Где бы ни были созданы бляшки киевского уздечного набора, похоже, что их смонтировали из элементов, хорошо знакомых как местным дружинникам, так и мастерам-сбруйникам.

Гаевка (табл. 7, 6). Вещи обнаружены в богатом воинском погребении, определяемом по сопутствующей золотой византийской монете XI в. ³⁷ Территориальное отношение гаевских вещей, найденных в Среднем Подонье на северной границе печенежской орды, к Руси спорно. Тем не менее гаевские находки, как нам кажется, имеют отношение к судьбе древнерусского сбруйного и художественного ремесла. 215 найденных серебряных блях принадлежат парадному конскому убору, лучшему и роскошнейшему из всех до сих пор выявленных в раннесредневековой Восточной Европе. Этот убор включал 2 круглые бубенцовые и 1 небольшую плоскую решму, 4 крестовины, 17 наконечников трех типов, 2 трехлепестковых разделителя ремней, 3 прямоугольные и ряд круглых и сердцевидных блях (рис. 59; 60). Набор дошел до нас почти полностью. Отсутствуют, по нашему мнению, 1 небольшая решма, 3 наконечника, 1 круглая бляха с прорезью в центре. Первоначальное расположение крупных блях корректируется по стыкам их торцов, плотно пригнанных друг к другу. В предлагаемой реконструкции оголовья (рис. 12)

больше всего затруднений вызывало местоположение трех продолговатых наносных блях и увенчивающих их трех-

---

³⁴Что касается упомянутого в списке уздечных находок гнездовского кургана 1 (83) из раскопок *В. И. Сизова* 1896 г., то он содержал 37 круглых бляшек (*В. И. Сизов. Гнездовский могильник...*, табл. III, 38, 39); 8 сердцевидных (там же, табл. III, 42); 6 более крупных сердцевидных (там же, табл. III, 28); 3 тоже сердцевидные бляшки (там же, табл. III, 29); 6 продолговатых бляшек (там же, табл. III, 41); 3 «наконечника пояса» (там же, табл. III, 15, 17, 40); еще 4 бляшки неустановленного типа (сведения любезно сообщены *М. В. Фехнер*; ГИМ, хр. 48/3). Среди бляшек есть экземпляры восточной и скандинавской работы. Похоже, что все они оторвались от костюма или портупеи меча. Шайбочные заклепки многих бляшек не исключают их принадлежность и к уздечке.

³⁵Если бы эти наконечники относились к разделителям ремней, то одна их сторона в месте примыкания к центральной круглой бляхе была бы вогнутой, а не прямой. Кроме того, эти наконечники имеют не горбатую, а плоскую спинку, что также свидетельствует против их применения в качестве типичной конструкции для разделения ремней.

³⁶Ярославское Поволжье..., стр. 67.

³⁷*Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Харьковской и Воронежской губерниях в 1905 г. СПб., 1906, стр. 37—38. Полный перечень вещей см.: Арх. ЛОИА, ф. 1, 1905, № 47, л. 1 и сл. Ср.: ОАК за 1906 г. СПб., 1909, стр. 95. Бляшки конского убора и другие вещи: Гос. Эрмитаж, ОИПК, колл. 999/1—50.*

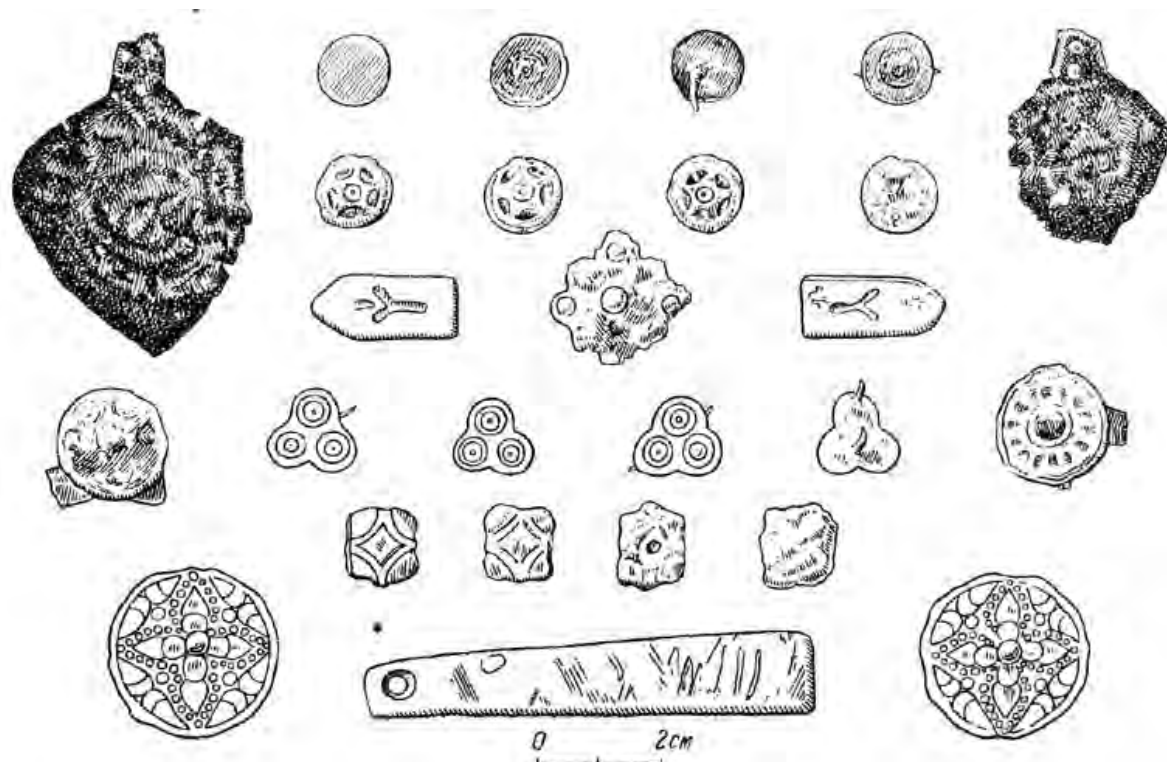

Рис. 11. Бляшки уздечного набора. Киев (удила, XIX).

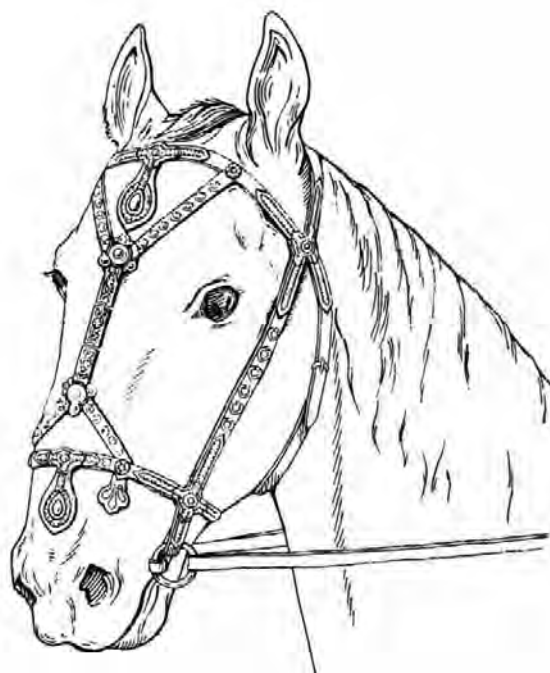

Рис. 12. Оголовье. Гаевка (удила, № 156). Реконструкция автора.

лепестковых разделителей ремней. Вопрос решили древнелитовские и позднесредневековые русские аналогии.³⁸ Самым гипотетическим в нашей реконструкции остаются расположение и частота мелких блях и сочленение небольших решм с наносным ремнем.³⁹

Эффект рассматриваемых украшений строился на сочетании позолоченных углубленных частей, заполненных рубчатым поребриком, и светлого серебряного растительного узора, контурированного чернью. Весь набор, начиная со 127 мелких бляшек и кончая двумя бубенцовыми решмами, выполнен твердой опытной рукой, исполнен высокого профессионализма и безупречного вкуса. Речь идет о шедевре международного класса, точное место изготовления которого гадательно. Археологи рассматривали гаевские вещи или как кочевнические, или, по словам Н. Феттиха, как «документ венгеро-норманнских отношений».⁴⁰ Однако эти суждения не были серьезно обоснованы. Можно сказать, что в облике гаевской узды нет ничего специфически мадьярского и тем более скандинавского, но имеются черты других культур. Гаевский убор, вероятно, принадлежал торку или печенегу и был сделан так, как это было принято у кочевников, на что указывают весь строй богатого металлом убора, наличие сразу четырех наголовных решм, а также свойственный степному Подонью тип стремян яйцевидной формы. Если же говорить об орнаменте гаевских бляшек, то он мог возникнуть скорее не в печенежской степи, а в Византии или на Руси. В том виде, в каком на гаевских вещах запечатлены пальметка, выющийся растительный побег и симметричное ленточное плетение, они встречаются в византийском⁴¹ и русском искусстве XI в. На Руси, в частности, такого рода мотивы, и притом в выработанной законченности, появились в отделочном, ювелирном мастерстве, а также в строительном деле не позже первой половины XI в.⁴² Для нас узор гаевского набора является одним из истоков и провозвестником того растительно-ленточного орнаментального стиля, который через столетие станет господствовать в древнерусском декоративно-прикладном искусстве. Связь гаевского комплекса с Русью не только стилистическая. В составе набора находятся 2 упомянутых выше трехлепестковых разделителя ремней; 7 таких же изделий (они всегда крупнее аналогичных приспособлений для пояса) любезно указала нам на основании своих киевских музейных зарисовок Г. Ф. Корзухина. Из них 3 найдены в Киеве и области,⁴³

---

³⁸Литовское народное искусство, рис. 115; А. Прохоров. Материалы по истории русских одежд. СПб., 1883, табл. XXVI.

³⁹Гаевские удила не сохранились. Я предположил, что они относятся к типу III. На реконструкции гаевского оголовья, для того чтобы лучше показать все его детали, обозначены обычные кольчатые удила (тип. IV).

⁴⁰N. Fettich. Die Metallkunst der landnehmenden Ungarn. AN, t. XXI, Budapest, 1937, стр. 194—195. Автор в гаевских украшениях видел венгерскую форму и норманнскую технику.

⁴¹М. Alinson. Frantz. Byzantine illuminated ornament. A study in chronology. The Art Bulletin, vol. XVI, 1934, табл. XIII; XIV. Ценными советами относительно гаевских украшений я обязан Г. Ф. Корзухиной и А. В. Банк, подсказавшим мне литературу и ряд вещественных аналогий.

⁴²А. Н. Кирпичников. 1) Древнерусское оружие. Вып. 1. М. — Л., 1966, стр. 35—36, табл. XI; XII; 2) Шлем XI в. из Юго-Западной Руси. СА, 1962, № 2, стр. 232—233.

⁴³Лишь одна из этих вещей опубликована (Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья. Вып. IV. Киев, 1901, табл. XI, 282).

1 — в Нижнем Поднепровье, 1 — на Харьковщине, местонахождение двух неизвестно. Район этих находок очерчивает границу распространения оголовий, конструктивно похожих на гаевское. Не чужды Руси также рубчатые пуговицы, пряжки и сердцевидные бляшки,⁴⁴ оказавшиеся в составе гаевской узды. Итак, в гаевском наборе проявились черты, свойственные сбруйному и ювелирному делу Руси, Византии и Северного Причерноморья. Таким образом, уточнить место производства гаевских вещей пока можно не путем сужения территории, а путем ее расширения. Будущие исследования, должно быть, уточнят этот вопрос. В том, что Южная Русь, степное Причерноморье и Крым входили в зону, которую обслуживали в X—XI вв. высококвалифицированные сбруйные мастерские, никогда бы не поднявшиеся до своего высокого уровня, если бы они не питались художественными и техническими достижениями развитого городского ремесла оседлых народов, убеждают и другие находки. Каменка (табл. 7, 8). Налобная подвеска, 7 наконечников и 3 крестовины (рис. 61, 1) найдены в одной из кочевнических могил на берегу Днепра.⁴⁵ Полный состав каменных блях не трудно восстановить — это решма, 4 крестообразных скрепителя ремней и 12 наконечников, сочлененных с этими скрепителями.

Орнамент бляшек прорезан в толще литых пластин. Бляшки с аналогичным прорезным узором завиткового рисунка широко представлены в русских древностях X в.,⁴⁶ а в Княжей Горе найден наконечник пояса, тождественный каменскому.⁴⁷ Редкое сочетание декоративных мотивов Запада и Востока демонстрирует бронзовая позолоченная решма. Здесь узор из перевитых лент и деградировавшей звериной маски, напоминающей о северном рельефном литье,⁴⁸ дополнен восточной пальметкой и международно распространенной меандровой каймой. Среди раннесредневековых кочевнических древностей подобный орнаментальный гибрид, насколько мне известно, встречается едва ли не впервые. Художественные комбинации такого рода осуществлялись, как полагают, ремесленниками, работавшими в русских городах. В целом каменные находки подтверждают мысль о влиянии отделочного ремесла оседлых европейских соседей на сбруйные украшения северопричерноморских кочевников.

Котовка (табл. 7, 9). Обстоятельства находки вещей неизвестны; очевидно, они обнаружены в погребениях X или скорее XI в. (рис. 61, 2). Сохранились 2 бубенцовые решмы, 12 наконечников двух размеров (длиной 4. 7 и 5. 7 см), 5 круглых блях, 3 из которых скрепляли не более трех ремней (одной бляхи такого рода, очевидно, не хватает), а 2 располагались где-то посередине нащечных ремней (как в гнездовской и киевской уздах). Здесь мы сталкиваемся с такой системой, при которой в височной и окололбушной частях соединялись не четыре, а три ремня. Налобный и подчелюстной ремни, очевидно, отсутствовали. Такое устройство конструкции, как мы увидим ниже, типично для легких кочевнических узд XII—XIV вв. Котовский набор оголовья нельзя отнести к числу богатых. Все бляшки набора отлиты грубовато,

орнаментальный узор со следами нечеткой проработки сохранили только решмы, имеющие ряд близких русских и венгерских аналогий.⁴⁹

В составе котовского набора оказались 3 бубенчика. Нижняя часть их имеет крестообразную прорезь и снабжена косым рифлением. Такие бубенчики бытовали в X—XI вв., и в русских древностях они выступают обычно как принадлежность не сбруи, а костюма.⁵⁰ В целом бубенчики

---

⁴⁴А. А. Спицын. Владимирские курганы, рис. 44. Ср.: В. Н. Ястребов. Лядинский и Томниковский могильники. МАР, № 10, СПб., 1893, табл. VI, 21; Д. І. Бліфельд. Древньоруський могильник в Чернігові, табл. IV, 14, 15.

⁴⁵Об этой находке сообщается в каталоге древностей Боспора Кимерийского (Гос. Эрмитаж, ОИАК, т. Іа, л. 332, № 512), о ней же упоминает Ф. Жиль (Арх. Гос. Эрмитажа, он. 1, 1848, д. 8, св. 19, лл. 39, 41 об.). Ни Д. В. Корейша, ни его помощник, проводившие в 1849 г. раскопки в днепровских кучугурах, ничего не сообщают о каменных бляшках. Впрочем, эти раскопки, судя по отчету, велись небрежно [Арх. ЛОИА, ф. 9, № 13 (212), лл. 28 об. — 29].

⁴⁶Ср.: В. И. Сизов. Гнездовский могильник..., табл. III.

⁴⁷Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья. Вып. V. Киев, 1902, табл. XV, 483.

⁴⁸Ср.: А. А. Спицын. Владимирские курганы, рис. 15.

⁴⁹Т. J. Arne. La Suède et l'orient, рис. 258; 259.

⁵⁰М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода. МИА, № 65, 1959, стр. 237; О. А. Артамонова. Могильник Саркела—Белой Вежи. МИА, № 109, 1963, стр. 73, рис. 45, 5.

и колокольчики для древнерусской и кочевнической раннесредневековой упряжи нетипичны. Они встречены в ряде захоронений с конем, но только в трех случаях (в курганах Юго-Восточного Приладожья и на Муромщине) уверенно соотносятся с принадлежностями сбруи.⁵¹ Область их щедрого применения в конском снаряжении — древняя Литва.⁵²

Сарайлы-Кият (табл. 7, 10). Серебряный набор, состоящий из 19 предметов, найден в захоронении воина и коня. Среди металлических блях 2 шарнирные бубенцовые решмы, 4 крестообразных скрепителя ремней, 7 наконечников двух размеров, 2 продолговатые пластины, 2 круглые бляхи с отверстием, 1 пряжка, 2 бубенчика (рис. 62). Н. И. Веселовский справедливо предполагал утрату нескольких частей уздечки.⁵³ Отсутствуют, на наш взгляд, 9 наконечников, увенчивавших крестовины.⁵⁴ Основные элементы набора сохранились, и по своим типологическим признакам он близок гаевскому, с той разницей, что в нем отсутствовало убранство переносья и 2 продолговатые пластины располагались где-то на основных ремнях оголовья. Декоративное оформление рассматриваемого убора (как и гаевского) основано на цветоэффekte серебра, черни и позолоты (последняя в рубчатых углублениях). Бляшки украшены в двух разных манерах. Большая часть покрыта рельефными жгутовыми плетениями и пальметками с применением ложной зерни, черни и позолоты. В рисунке этих блях есть элементы византийской и вообще восточносредиземноморской орнаментики, но по характеру своего узора они ближе всего северокавказским аланским вещам XI—XII вв.⁵⁵ Несколько иначе выглядят 2 наконечника пояса (третий имеет дефектную лунку поверхности и поэтому не обрабатывался). Их поверхность покрыта стройным рядом черненных пальметок; ленточное плетение и его рельефность отсутствуют. Не будет ошибкой признать, что подобный декор (как и в гаевском случае) близок духу византийского орнаментального искусства XI в.⁵⁶ Таким образом, сарайлы-киятский набор составлен не менее чем из двух ювелирно-художественных компонентов, по-видимому, разной работы. Сопутствующие вещи — стремяна, удила, ножницы — не противоречат датировке всего комплекса XI в.⁵⁷

Типологическую близость описанным выше юго-восточноевропейским деталям оголовья — крестовинам и решмам — обнаруживает ряд подобных и, очевидно, более или менее одновременных находок из районов Нижнего Поднепровья⁵⁸ и Поднестровья (рис. 13).⁵⁹ Для этих бляшек обычны пальметки, растительные завитки меандровые каймы, розетки из четырех и более лепест-

⁵¹Перечислим погребения X—XI вв. с конем, где были обнаружены бубенчики и колокольчики; Исаева, удила, № 2; Вихмес, удила, № 5; Вахрушева, удила, № 8; Галичино, удила, № 11; Подболотье, удила, № 43; Черневичи, удила, № 64; Чернигов, удила, № 75; Цимлянская, удила, № 139; Гороховатки, удила, XXIII. Бубенчиков в каждом погребении не более 3, колокольчиков до 7. В комплексах

XII—XIII вв. бубенчики очень редки (например, Войницы, стремяна, LXXIII—LXXIV).

⁵²Литовское народное искусство, рис. 98 и сл.

⁵³В погребении оказались только голова и ноги коня (Арх. ЛОИА, ф. 1, 1892, № 13, лл. 22, 42 и 67. Ср. ОАК за 1892 г. СПб., 1894, стр. 6—7, рис. 1; 2; 3).

⁵⁴Допустимо, что концы крестовин, сочлененных с подчелюстным и подгубным ремнями, необязательно увенчивались наконечниками. В данном случае эту оговорку принять все-таки нельзя, так как фигурный торец крестовин предполагает стыковку с металлическим наконечником.

⁵⁵В. А. Кузнецов. Змейский катакомбный могильник. В кн.: Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961, табл. VII; XII, 5.

⁵⁶Т. J. Arne. La Suède et l'orient, стр. 127—130, рис. 139 и сл.

⁵⁷Я не останавливаюсь на уздечном наборе из 54 блях из Быкова (табл. 7, 11). Этот зафиксированный *in situ* набор имеет большой сравнительный интерес, так как служит хорошим образцом для реконструкции раннесредневековых оголовий.

⁵⁸Сердечно благодарю Г. Ф. Корзухину, представившую мне рисунки уздечных бляшек из Старо-Шведского и Горожена на Херсонщине. Сами вощи, по сведениям Г. Ф. Корзухиной и ее информатора И. В. Фабрициус, находились в музеях Николаева и Херсона.

⁵⁹В. Н. Станко. Детское захоронение кочевника XI в. возле с. Тузлы. ЗОАО, т. I (34), Одесса, 1960, стр. 281—284, рис. 4; 6.

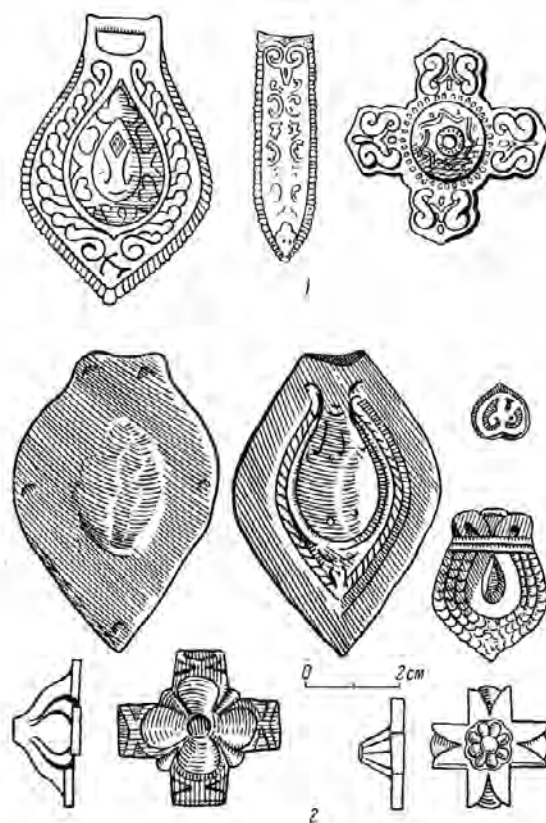

Рис. 13. Детали уздечных наборов, найденных на Херсонщине. Рис. Г. Ф. Корзухиной. 1 — Старо-Шведское; 2 — Горожено.

ков. В отделке вещей применены рельефное литье, чернь и позолота. Похоже, что некоторые изделия, в особенности решмы, могли быть выполнены одним ремесленником.

Итак, круг кочевнических уздечных находок X—XI вв. свидетельствует об устоявшемся ассортименте декоративных блях и высоком ювелирном мастерстве, питавшемся художественными и техническими достижениями оседлых восточноевропейцев и их более далеких соседей. Мастерские, обслуживающие в X—XI вв. Крым, Северное Причерноморье и Южную Русь, можно условно назвать юго-восточноевропейским сбруйным центром. После 1000 г. в работе этого центра прямо или косвенно могли принять участие и русские мастера. Последнее обстоятельство не противоречит тому, что русские пользовались художественно отделанными уздами иноплеменников, а на их собственной территории встречены изделия литовских, норманнских, муромских сбруйников. Ощутимо было влияние конских уборов, которые использовали и кочевники, особенно печенеги и торки. С Востока в древнерусскую репрезентативную узду проникли решмы и, вероятно, некоторые типы бляшек, а также принципы их расположения. Влияние степных соседей проявилось в ассортименте форм некоторых изделий. Формирование восточноевропейского конского убора в декоративном отношении, однако, рано начало испытывать мощные импульсы оседлых культур. Очевидно, в конце X в. эпоха «сбруйного выбора» на Руси породила не только собственные изделия (например, киевский набор), но и ювелиров, способных принять участие в работе лучших уздечных мастерских Восточной Европы. Наличие этих мастеров, на наш взгляд, сделало возможным появление такого шедевра, как гаевское оголовье.

Время расцвета высокохудожественного сбруйного мастерства в Восточной Европе в конце X — первой половине XI в. одновременно было началом конца производства наборных узд. Причины этого широкого евразийского явления коренятся в отмирании регулярного обычая придворного пожалования дружинника одеждой и снаряжением, в изменениях вкусов и тактики боя (с учетом того, что некоторые роскошные узды типа гаевской предназначались в первую очередь для парадного выхода, а не для боя). Около 1200 г. для снаряжения коня стали использовать доспехи.⁶⁰ Одно из наиболее ранних европейских свидетельств интересующего нас рода помещено в русской летописи под 1204 г. и гласит, что у «фрягов», подошедших к Константинополю, «и кони их облечены в брони». ⁶¹ Голову коня стали прикрывать железной личиной, впервые упомянутой летописью в 1252 г. при описании войск Даниила Галицкого. ⁶² Древнейшая же сохранившаяся конская боевая маска (рис. 14), найденная в Европе, происходит из с. Ромашки в Киевском Поросье и датируется 1200—1240 гг. ⁶³ Конские доспехи, в том числе наголовные, скрывали ремни узды и делали ненужным их украшение.

Бронирование копей, развернувшееся на Руси в XIII в., в корне изменило старые представления об украшении непокрытого доспехами коня.

Все вышесказанное вовсе не означает, что богатое металлом оголовье и вообще украшенная узда в XII—XIII вв. бесследно исчезают. Отдельные находки и миниатюры показывают, что в быту феодальной знати изделия интересующего нас рода держались в течение всего домонгольского периода,⁶⁴ но на поздних этапах весь их строй меняется.

Изобразительные⁶⁵ и вещественные источники показывают, что наряду с традиционным оголовьем с четырьмя перекрещивающимися ремнями сбруйники все большее предпочтение отдают более

---

⁶⁰С VI по XII в. конские доспехи не употреблялись. И даже позже XII в. они некоторое время в Европе были сравнительно малопопулярны, исключая защиту головы коня (С. Blair. *European Armour*. London, 1958, стр. 183).

⁶¹Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов под 1204 г.

⁶²Ипатьевская летопись под 1252 г.

⁶³А. Н. Кирпичников и Е. В. Черненко. Конское боевое наголовье первой половины XIII в. из Южной Киевщины. В кн.: *Славяне и Русь*. М., 1968, стр. 62—65.

⁶⁴Николаевка, стремяна, № 265; Степанцы, удила, LIX (в последнем погребении — XII—XIII вв. — найдена узда, украшенная серебряными бляшками); Ковали, удила, №№ 276—277. Обнаружен наносный ремень, обитый медными скобочками, чередующимися с серебряными гвоздиками (ср. также: ГИМ, Отдел рукописных источников, Хлудовская 3, Симоновско-Хлудовская псалтырь ок. 1280 г., л. 239 об., нижн. рис.).

⁶⁵Тверской Амартол. Фотоарх. ЛОИА, II, 21626; Древнейшие русские иконы. ЮНЕСКО, 1958, табл. V, Речь идет об изображениях 1300—1400 гг.

Рис. 14. Конская боевая маска. Ромашки, Киевская область.

легкой конструкции, где частично или полностью вводится подвижное тройное соединение ремней. С тройным сочленением мы столкнулись на примере котовского набора. В узде такого рода могли отсутствовать налобный и подгубный ремни; она предназначалась для хорошо выезженного коня, не норовившего сбросить свой намордник (рис. 15). Техническое оформление легкая узда получила уже в X в., когда для подвижного скрепления ремней были использованы тройники, представляющие кольца с тремя подвижными обоймами.⁶⁶ По 2—4 таких железных тройника найдено у нас в 5 погребениях X в.⁶⁷ Характерно, что почти во всех случаях в отмеченных комплексах не было обнаружено металлических сбруйных бляшек.

Узда с тройниками в X в. была распространена от Сибири до Швеции и Венгрии.⁶⁸ В XI—XIII вв. она больше проникает в упряжь союзных русским кочевников. Мною зарегистрированы один комплекс XI—XII вв., где верхние кольца уздечки сохранили четыре отходящих ремня, а нижние — три (Кагарлык, удила, № 159), и четыре комплекса XII—XIII вв., в которых соединение уздечки осуществлялось только посредством бронзовых тройников⁶⁹ (Юрьев-Польский, удила, № 179; Нежин,⁷⁰ удила, № 233; Берестняги, удила, № 275; Николаевка, стремяна, № 265; рис. 63). Типичные образцы чаще делались из бронзы и в отличие от своих предшественников X в. имели фигурные очертания и бороздки на поверхности.

Судя по иконам и миниатюрам XIV—XV вв., оголовье с тройным сочленением ремней приобрело более сложный вид. Подчелюстной ремень (в данном случае его лучше назвать шейным) соединялся с нащечным не на виске, а на затылке, вновь появился налобный ремень. Древнейшее дошедшее до нас реалистическое изображение такого оголовья относится к 1340 г.,⁷¹ однако система шейных ремней в отчетливом виде представлена уже на одном из рельефов 1194—1197 гг. Дмитриевского собора во Владимире.⁷² В разных конструктивных вариантах оголовье с тройниками в средние века было известно в легкой коннице грузин, персов, китайцев и татар.⁷³ В казацкой кавалерии оно дожило до наших дней.

Одновременно с изменением конструкции узды в XII—XIII вв. наступают перемены в ее декоративной отделке. Главное «изобразительное клеймо» узды — решма — встречается все реже, а ее очертания и облик по сравнению с формами X в. меняются. Так, в Кагарлыке *Н. Е. Бранденбург* найдены 4 пятиугольные серебряные подвески, с внешней стороны украшенные как бы оттиском гусиной лапки (рис. 16). Две решмы

⁶⁶Размеры тройников X в: диаметр кольца 2. 5—3 см; длина обоймы 4. 5—7. 5; ее ширина 1. 5—2 см. Они несколько крупнее аналогичных, обычно бронзовых, приспособлений для пояса.

⁶⁷Максимовка, удила, № 57; Чернигов, удила, № 75; Шестовицы, стремяна, №№ 52. 53; Киев, удила, № 83; Крылос, удила, № 102.

⁶⁸Басандайка. Томск, 1947, стр. 86, табл. 30, 101; Н. Arbmán. Birka. Gräber. Tafeln. Stockholm, 1943, табл. 22; 23; 24; 25; J. Hampel. Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn. III. Braunschweig, 1905, табл. 402, 9, 11.

⁶⁹Характерные размеры: диаметр кольца 2 см; длина обоймы 5. 5—5. 8 см; ее ширина 1 см.

⁷⁰В нежинском комплексе сохранились два тройника с подвижным соединением зацепов и один с неподвижным. Первые, очевидно, располагались у висков, второй (парный к нему, вероятно, утрачен) — у губ.

⁷¹В. И. Антонова и Н. Е. Мнева. Каталог древнерусской живописи. М., 1963, рис. 163 (ср. также рис. 86; 89). Ср.: В. П. Лазарев. Искусство Новгорода. М. — Л., 1947, табл. 656, 88.

⁷²Э. А. Рикман. Изображения бытовых предметов на рельефах Дмитриевского собора во Владимире. КСИИМК, вып. XLVII, 1952, рис. 8, 1.

⁷³Ш. Амираношвили. Грузинская миниатюра. М., 1966, рис. 70; И. Джавахишвили. Материалы к истории материальной культуры грузинского народа. Т. IV. Тбилиси, 1962, табл. 14, 1, 2; J. Deer. Die heilige Krone Ungarns. Wien, 1966, табл. CXVI, 332; R. Zschille und R. Forrer. Die Pferdetrense in ihrer Formen-Entwicklung. Berlin, 1893, табл. XIII, 4, 4a.

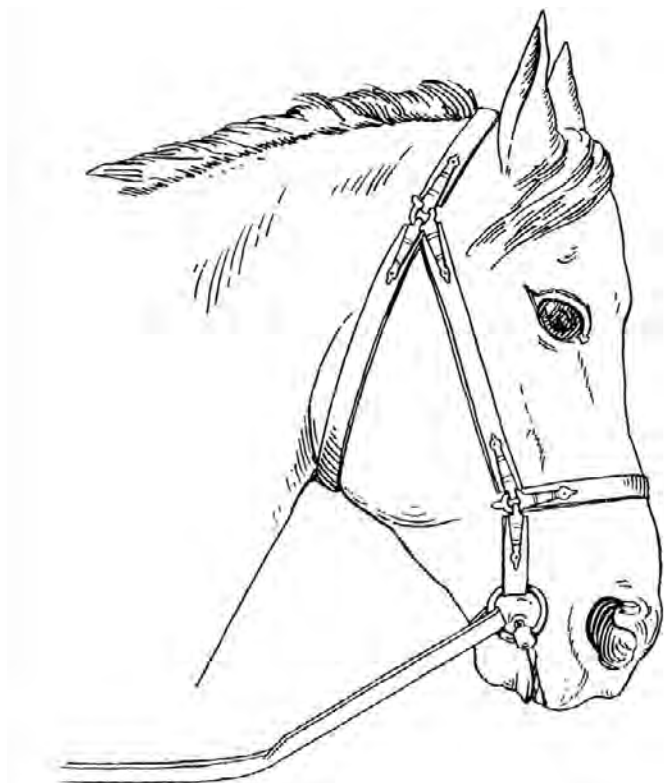

Рис. 15. Оголовье с бронзовыми тройниками. Реконструкция автора.

с изображением барса (?) и птицы, распутившей хвост и клюющей плоды оказались в кургане XII—XIII вв. у с. Россавы.⁷⁴ В качестве редкого для XII—XIII вв. анахронизма алано-салтово-маяцкой эпохи⁷⁵ в одном черноклобуцком кургане с. Николаевки обнаружены 3 круглые выпуклые бронзовые бляшки конского наголовья (диаметром 5. 8—7. 5 см).⁷⁶ Эти бляхи, судя по заклепкам и отверстиям, были прикреплены к кожаной основе, возможно, по линии от лба к ноздрям. От решм X—XI вв. они отличались не только формой, но и отсутствием орнамента и камеры для бубенчика.

В XII—XIII вв. появились узды с мелкими бронзовыми, иногда позолоченными шарнирными наконечниками и фигурными пластинками,⁷⁷ составлявшими то ли звенья наносного украшения, то ли оковки каких-то тонких оголовных ремешков. Такие детали (до 10—46 экз.) встречены в погребениях Юрьева-Польского,⁷⁸ Николаевки,⁷⁹ а также на городище «Шведская гора» в Волковыске.⁸⁰ Кроме Руси небольшие шарнирные обкладки ремней найдены в Литве⁸¹ (там они железные, посеребренные). Незначительность металлического материала заставляет думать, что декоративная отделка узды в XII—XIII вв. могла решаться с помощью цветной кожи, аппликации и т. п.

С оголовьем был тесно связан убор груди и крупа коня. В отношении упомянутых частей сбруи X—XIII вв. исследователь располагает лишь рисунками, и его положение немногим лучше положения художников В. Васнецова и И. Билибина, вынужденных изобразить упряжь своих былинных лошадей по картинам собрания Оружейной палаты московского Кремля и зарисовкам археологически известных лунниц и шумящих подвесок. Впрочем, лунницы, как показывают миниатюры сказания о Борисе и Глебе, действительно подвешивались на грудь и бока верхового коня.⁸² Впервые лунница, достоверно принадлежавшая не костюму, а конскому снаряжению (скорее всего оголовью), обнаружена в упомянутом погребении XII—XIII вв. в Нежине. Она представляет небольшую железную привеску с кольцом.

На Востоке в раннесредневековое время не только голова, но и туловище коня украшались разного рода бляхами, в том числе и овальнозаостренными решмами. Такие поделки у нас относились или к конскому оголовью, или к одежде дружинника. Многочисленные наборы из Киева и Гаевки предназначались, как упоминалось, не только для ремней оголовья. Однако у нас нет археологически достоверных данных судить о том, как декорировались грудь и туловище коня. Миниатюры, фрески и рисунки показывают, что начиная с XI в. туловище коня убиралось довольно просто и скромно при помощи не блях, а ремешков (первоначально одиночных), свешивавшихся с пахвей и паперсей.⁸³

В дальнейшем отделка усложнилась введением длинных подвесок, решетчатой ременной оплетки крупа, каймы в виде ряда французских лилий (рис. 17). В

таком уборе предстают на миниатюрах Радзивилловской летописи кони князей-воителей Олега, Святослава и Святополка.⁸⁴

Сопоставление рисунков и реалий привело в одном случае к хронологически неожиданной передвижке. В конском уборе XVI—XVII вв. известна

---

⁷⁴Россава, удила, LXIV (Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли. М., 1908, стр. 223—224).

⁷⁵Ср.: С. А. Плетнева. От кочевий к городам, рис. 46, 14. В уборе аланского коня использовалось до 20—30 круглых и миндалевидных наголовных бляшек, преимущественно гладких и без бубенцов.

⁷⁶Гос. Эрмитаж, ОИПК, колл. 932/11—13. В этом же комплексе (покупка Н. Е. Бранденбурга в 1899 г.) сохранились и другие бронзовые остатки оголовья (см. ниже).

⁷⁷Размеры деталей: длина 3. 5—4. 5 см; ширина около 1 см.

⁷⁸А. А. Спицын. Кочевнический курган близ г. Юрьева-Польского. ИАК, вып. 15, СПб., 1905, рис. 12, 14; ГИМ, хр. 99/22а.

⁷⁹Гос. Эрмитаж, ОИПК, колл. 932/7 — 10, 14.

⁸⁰Я. Г. Зверуго. Некоторые итоги раскопок Волковыска. В кн.: Древности Белоруссии. Минск, 1966, рис. 1, 21.

⁸¹Литовское народное искусство, рис. 107; 108; 109; 169; 170. Иногда они использовались в качестве нагрудных держателей ремней (там же, рис. 99).

⁸²И. И. Срезневский. Сказания о святых Борисе и Глебе. СПб., 1860, рис. на стр. 58.

⁸³История русского искусства. Т. I. М., 1953, рис. на стр. 194; М. И. Кресальный. Софійський заповідник у Києві. Київ, 1960, табл. (всадник на коне — фреска северной башни).

⁸⁴Радзивилловская летопись, рис. 19 об., 38 об., низ, 80 об. Заметим, что к рисункам Радзивилловской летописи, изображающим сбрую, следует относиться хронологически осторожно. Многие из них носят следы подправок, отдающих XV в. К этим поздним наслоениям, вероятно, относится изображение второго повода в виде цепи, ремешковой конструкции на крупе коня, лилий на боковых ремнях (ср.: E. Wagner, J. Durdik. Z. Drobná. Kroje, zbroj a zbraně doby předhusitské a husitské. IX. Praha, 1956, табл. 4; 10).

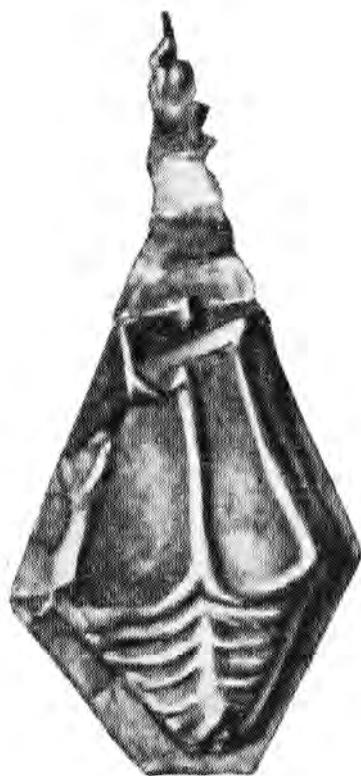

Рис. 16. Оголовная бляха. Кагарлык (удила № 159).

Рис. 17. Убор боевого княжеского коня. Миниатюра Радзивилловской летописи.

подшейная кисть — науз. Именно такую принадлежность в виде серебряной круглой привески с ременной кистью под шейными позвонками лошади обнаружил *Е. А. Зноско-Боровский* в кургане XII—XIII вв. у с. Степанцы.⁸⁵ Не исключено, что и другие детали позднесредневекового русского конского убора (например, решмы), которые раньше считались вывезенными с Востока, на самом деле имели глубокую местную традицию, восходящую к киевским временам.

Итак, раннесредневековые уздечные системы, территориально связанные с Русью X—XIII вв., сложились в X—XI вв. в результате комбинированного культурного воздействия оседлых и кочевых народов Запада и Востока. Изучение уздечных украшений выявило активность сбруйных мастерских Восточной Европы и показало, что ремесленники русских городов не позже 1000 г. могли включиться в работу этих мастерских. По мере того как конница становилась массовым родом войск, как появились конские доспехи и прогрессировала выучка коня, наборная узда уступала место более легкой и дешевой конструкции без блях.

Убор древнерусского коня сыграл определенную роль в становлении местного художественного ремесла; в дальнейшем он, видимо, повлиял и на сбруйное дело Московской Руси. Узду X—XIII вв. со всей очевидностью следует отнести к важнейшим изделиям не только экипировочного мастерства, ибо она, как мы стремились показать, является техническим, художественным и социальным зеркалом своей эпохи.

---

⁸⁵А. Бобринский. Курганы и случайные находки близ местечка Смелы. Т. III. СПб., 1901, стр. 141.

ГЛАВА 3. СЕДЛА

*Седлай, брате, свои бръзьи комони, а мои ти готови, оседлани.
Слово о полку Игореве*

Седла — собственный общеславянский термин, и в памятниках древнеславянского языка о нем говорится начиная с X в.¹ Впервые об оседланном коне русская летопись упоминает под 912 г., а в другом известном свидетельстве о князе-воителе Святославе говорится, что он «ни шатра имяше, но подъяклад постлаше, а седло в головах, такоже и прочии вои его, вси бяху».² Массовому выдвижению боевой кавалерии во время походов Святослава соответствует известие второй половины X в., сообщавшее, что славяне и русы приходили с товарами в Прагу, где покупали «седла и узды, употребляемые в их странах».³

Упоминание источниками седел в ездовой практике X в. не отрицает того, что они появились в более раннее время. Так, по данным венгерского источника, русские откупались от проходивших в 895 г. через их страну мадьяр «седлами и удилами, украшенными по русскому обычаю».⁴

В XII—XIII вв. о седлах сообщается в летописях как об обычном предмете всаднического снаряжения. Они несколько раз упомянуты то при описании военных действий, то в качестве желанной добычи, то при перечислении богатых подарков и парадных выездов князей.⁵ Широкую распространенность древних седел, выделявавшихся из таких недолговечных органических материалов, как дерево и кожа, устанавливают и археологические данные. В десятках могил IX—XIII вв. с верховыми конями наличие седел угадывается по стремянам и подпружным пряжкам.

Ни одного целого седла IX—XIII вв. у нас до сих пор не обнаружено, но в 31 случае (в 25 погребениях и 4 поселениях) зафиксированы и частично сохранились их более или менее достоверные остатки. Часть из них опознана нами впервые. Если сгруппировать все собранные данные о находках седел, то не менее 13 раз были обнаружены их явные разрушенные деревянные части, 10 раз — костяные обкладки арчака, 5 раз — петли для приторочки полок, 5 раз — серебряные или бронзовые бляшки и оковки, 1 раз — бронзовые гвозди, 2 раза — кожаная обивка, 1 раз — целиком задняя лука.⁶ Последняя найдена в Торопце в слое

---

¹L. Niederle. Slované starožitnosti, díl III, sv. 2, Praha, 1925, стр. 589. Л. Нидерле справедливо отмечает, что седла появились у славян задолго до X в., так, например, они упомянуты одним латинским источником в 871 г.

²Повесть временных лет под 964 г. (ср. под 912 г.).

³Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч. I. СПб., 1878, стр. 49.

⁴*В. П. Шушарин*. Русско-венгерские отношения в IX в. В кн.: Международные связи России до XVII в. М., 1961, стр. 141 и сл.

⁵Лаврентьевская летопись под 1149 г.; Ипатьевская летопись под 1160, 1252, 1262 гг.; Суздальская летопись по академическому списку под 1216 г.

⁶Привожу сведения о находках седел, пользуясь номерами удила и стремян по каталогу. IX—XI вв.: Большое Тимерево, удила, VIII (2 бронзовых гвоздя от седла?); Чернигов, удила, № 75 (4 роговых обломка накладок; Гос. Эрмитаж, ОИРК, колл. 25/70—73); Чернигов, удила, № 76 (следы двух сгнивших деревянных седел); Шестовицы, удила, № 78 [2 костяные обкладки луки (?), лучшая имеет размеры 23 x 8 см; Черниговский музей]; Шестовицы, удила, № 79 (седло не сохранилось); Шестовицы, стремяна, № 52—53 [2 костяные обкладки луки (?); размеры 17 x 8 см; Черниговский музей]; Киев, удила, XIX (остатки несохранившегося седла); Киев, погребение 118 [*М. К. Каргер*. Древний Киев. Т. I. М. — Л., 1950, стр. 131—135, рис. 40, поврежденная обкладка луки (?) из рога лося; размеры 19. 5 x 9 см]; Крылос, удила, № 103 (слабые остатки деревянного седла); Цимлянская, удила, №№ 138, 140, 146 (остатки 3 седел, замеченные по отпечаткам дерева на земле); Цимлянская, из хазарского слоя городища (Саркел), раскопки *М. И. Артамонова* в 1951 г. (2 костяные изогнутые обкладки налучья или луки длиной 18. 5—19. 5 см; Гос. Эрмитаж, ОИПК, колл. ВД-51, 796, 1437). XI—XII вв.: Гродно, раскопки польских археологов в 1930-х годах (*Н. Н. Воронин*. Древнее Гродно. МИА, № 41, 1954, рис. 13, 10; 16, 5, обломки седельного канта и петли для приторочки полок); Цимлянская, из славянского слоя городища (Белая Вежа), раскопки *М. И. Артамонова* в 1951 г. (обломок петли для приторочки полки; Гос. Эрмитаж, ОИПК, колл. ВД-51, 417). XII—XIII вв.: Малое Терюшево, удила, №№ 181—183 (3 седла не сохранились); Юрьев-Польский, удила, № 179 (куски деревянного ленчика, 43 куска серебряных позолоченных тисненых пластинок — обкладок лук, окантовок сидения и накладных круглых блях; наибольшая длиной 12 см, шириной 1. 2 см); Зеленки, удила, № 268 (костяные обкладки и окантовки передней и задней луки; расположение и размеры см. ниже — Гос. Эрмитаж, ОИПК, колл. 917/12); Ковали, удила, №№ 276—277 (3 медные бляшки передней и задней луки); Яблоновка, удила, № 280 (остатки разложившихся серебряных и бронзовых бляшек от седла); Россава, удила, № 281 (17 костяных обкладок седла, в обломках; ГИМ, хр. VIII-6/II-5); Россава, удила, № 283 (остатки дерева от седла); Россава, удила, № 285 (седло не сохранилось); Россава, удила, LXIV (кожаная обтяжка и остатки позолоченных бляшек, прикреплявшихся бронзовой проволокой); Таганча, удила, № 288 (5 серебряных бляшек длиной 32—35 см, пробитых серебряными гвоздями; отнесение их к седлу предположительно); Войницы, стремяна, LXXIII—LXXIV (остатки кожи); Торопец, раскопки *Г. Ф. Корзухиной* в 1961 г. (*Г. Ф. Корзухина* и *М. В. Малевская*. Отчет о работе Торопецкого отряда 1961 г. Арх. ЛОИА, ф. 35, оп. 1, № 29/1961, рис. 79, 1, задняя деревянная лука шириной 43

см, высотой 26 см); Гродно, раскопки польских археологов в 1930-х годах (*Н. Н. Воронин*. Древнее Гродно, рис. 36, 2, петля для приторочки полки); Звенигород Львовской области, раскопки *Г. М. Власовой* [*Г. М. Власова*. Мастерские костерезов в Звенигороде. ЗОАО, т. II (35), Одесса, 1967, рис. 5, 8, 17, обкладки седельных кантов].

конца XII — начала XIII в. Можно надеяться, что в северорусских городах еще отыщутся и другие значительные части конных сидений.⁷ Как ни мал и разрознен археологический материал, он при использовании сравнительных и изобразительных источников позволяет до некоторой степени судить о конструкции русского седла IX–XIII вв.

Понятие о седлах IX–X вв. дают костяные обкладки лук (?), найденные в дружинных погребениях Киева, Чернигова, Шестовиц (в трех комплексах попарно) и в Саркеле. В трех случаях (Шестовицы, стремяна, №№ 52, 53; Саркел; рис. 18; 19) они представляли слабо изогнутые гладкие пластинки (длиной 17–19,5 см) с двойными дырочками для прикрепления при помощи тонких сухожильных шнуров, очевидно, к передней луке. Такой способ соединения роговых деталей с ленчиком был в IX–X вв. единственным.

Наибольшее разногласие относительно своей функции вызвали не гладкие, а орнаментированные фигурные костяные пластинки, увенчанные в центре выступом, часто в виде птичьих головок (их длина до 23 см, ширина в центре до 8–9 см, наибольший прогиб нижнего края 1,3 см; рис. 20). К настоящему времени насчитывается 6 таких поделок (Киев, погребение 118; Чернигов, удила, № 75; Шестовицы, удила, № 78; Саркел). Наибольшую, можно сказать хрестоматийную, известность получили 2 лучше других сохранившиеся пластинки⁸ из шестовицких раскопок *П. И. Смоличева*, сплошь покрытые уверенно выполненным звериным орнаментом в северном стиле (*Mammen*).⁹ Украшения состоят из причудливо сплетенных лент растительных обрамлений, волют, голов, по-видимому, хищных птиц. Встречаются зоны косой штриховки, очевидно предназначенные для заполнения какой-то цветной массой. Кажется, что некоторые ответвления узора уходили за пределы пластин, иными словами, первоначальная композиция простиралась на другие части несохранившегося изделия. Местами орнамент врезан не очень тщательно и к тому же изрядно потерт.

⁷Так, в Новгороде, в одной из усадеб первой половины XI в., найден деревянный остов седла (*Б. А. Колчин*. Новгородские древности. Деревянные изделия. М., 1968, стр. 56–57, табл. 47).

⁸В отличие от обычных седельных обкладок лук шестовицкие пластинки при сочленении не имеют тесной стыковки и их косо срезанные края, возможно, были обклеены кожей или другим материалом. Как вариант их можно представить и в качестве накладок оконечностей налучья (приблизительные аналогии известны в Венгрии).

⁹*T. J. Arne. Skandinaviske Holzkammergräber aus der Wikingerzeit in der Ukraine. AA, vol. II, f. 3, København, 1931, стр. 287–289, рис. 8; 9; История культуры Древней Руси. Т. II. М. — Л., 1951, рис. 198; D. M. Wilson and O. Klindt-Jensen. Viking Art. New York, 1966, стр. 127, рис. 56. Все до сих пор опубликованные рисунки шестовицких пластин весьма схематичны. При новой прорисовке*

орнамента (который сохранился неважно и ныне, особенно на большей обкладке, постепенно разрушается, а на меньшей утрачен выступ с птичьей головой) я использовал ряд материалов, причем ценнейшими были рисунки и фотографии, любезно предоставленные Г. Ф. Корзухиной. Об орнаментальном убранстве пластин из Киева и Чернигова судить трудно, так как они сильно повреждены. Саркельская пластина покрыта косыми линиями.

¹⁰А. Ф. Медведев. Ручное метательное оружие VIII—XIV вв. М., 1966, стр. 19 и сл.; К. Sebestyén. Bogen und Pfeil der alten Ungarn. Dolgozatok, VIII, 1932, № 1—2, стр. 167 и сл. В шестовицком кургане, где найдены упомянутые пластины, оказались, кроме того, не костяные, а металлические детали колчана.

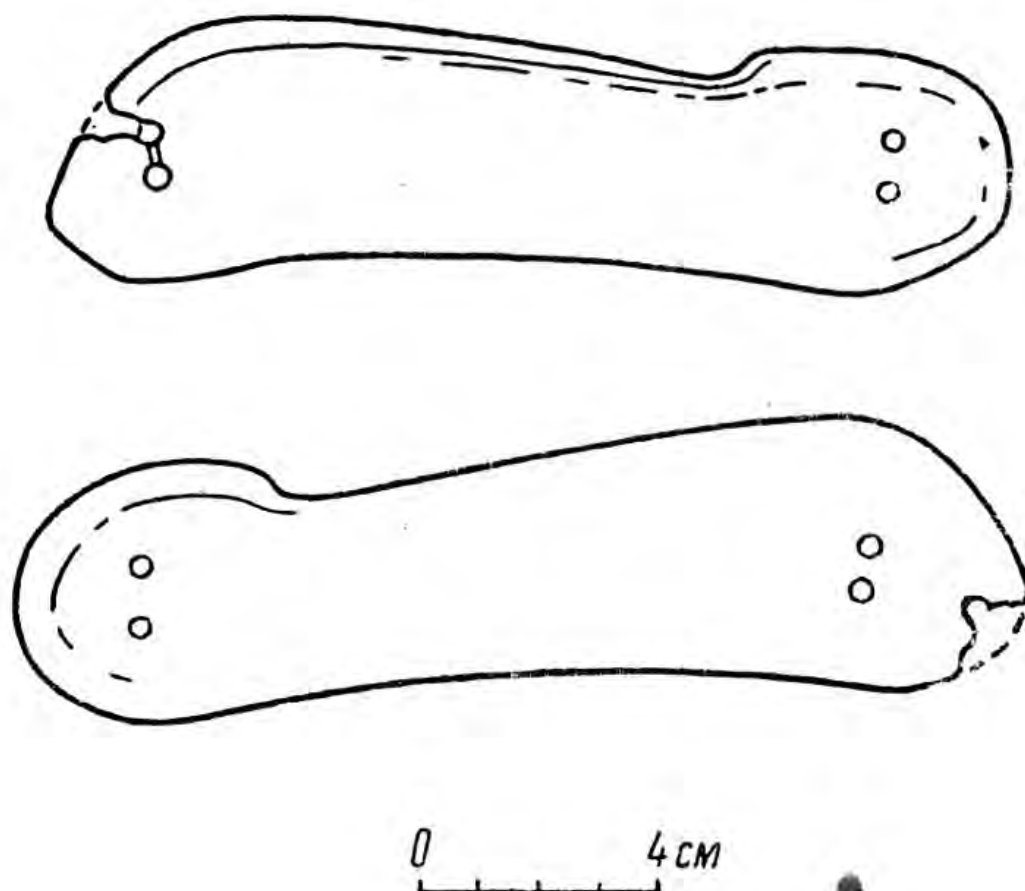

Рис. 18. Костяные обкладки луки (?). Шестовицы (стремена, №№ 52, 53).

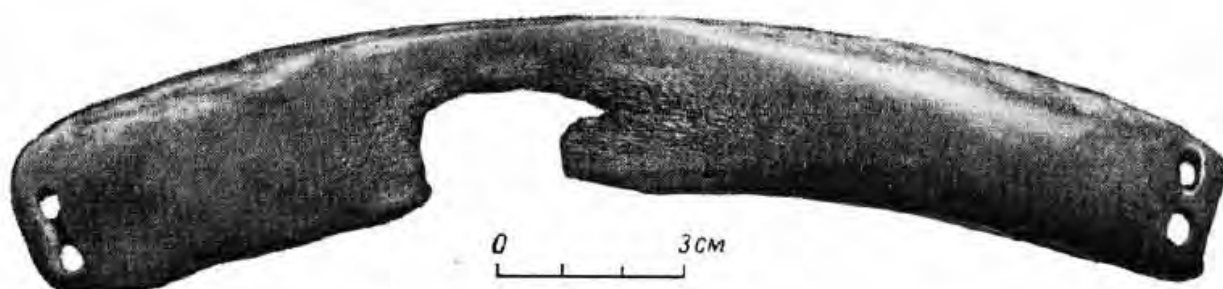

Рис. 19. Костяная обкладка седла. Саркел. Раскопки *М. И. Артамонова* в 1951 г.

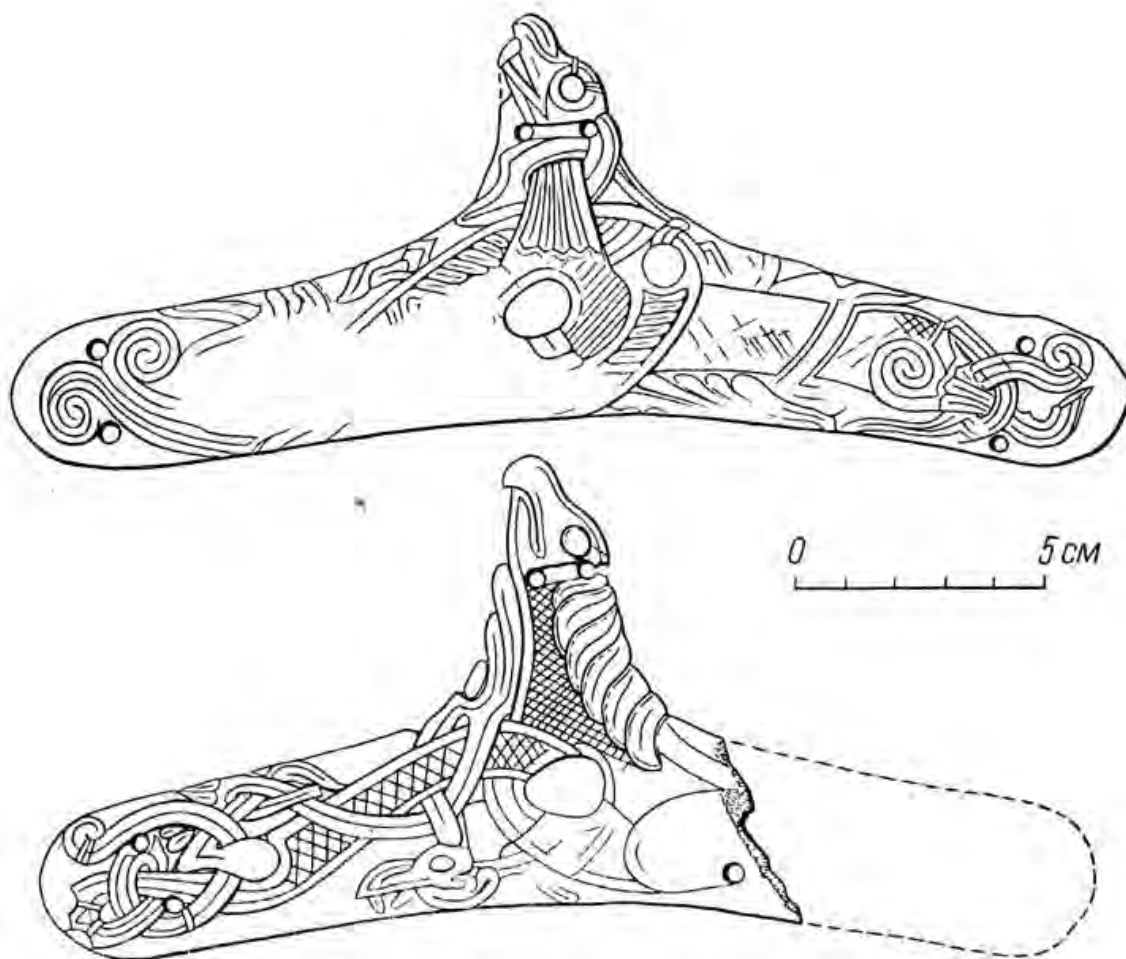

Рис. 20. Костяные обкладки налучья или седла. Шестовицы (удила, № 78).

Здесь распознается рука хорошего фантаста-рисовальщика, но не очень искусственного гравера. Дырочки для прикрепления пластин были просверлены после нанесения узора — они несколько его нарушили. Одна пластина оказалась обломанной еще в древности, и правая дырочка проделана на новом месте. В целом наряд шестовицких накладок не имеет точных аналогий и весьма своеобразен, что позволяет согласиться с мнением об их изготовлении в «русском викингском государстве». Рассматриваемые изделия археологи относили к колчану, хомуту, наконец, седлу. После работ *А. Ф. Медведева* и *К. Себестьена* можно утверждать, что шестовицкие пластины, как и другие, сходные с ними, к колчану заведомо не относятся.¹⁰ Их принадлежность к хомуту легкой повозки, как это полагали на основании далеких этнографических параллелей *Г. Лашло* и *Я. Жак*,¹¹ для нас сомнительна. Во-первых, все киево-черниговские обкладки слишком тонки (их толщина 0,5 см) и хрупки, чтобы, являясь составной и несущей частью хомутов, выдержать давление оглобеля. Во-вторых, наличие в среднеднепровских дружинных гробницах частей хомутов наталкивало бы на мысль о существовании в них кроме верховых коней и легких колесниц, что ни разу установлено не было. Вероятным представляется отношение рассматриваемых пластин если не к налучьям, то к лукам седел; последнее к тому же дважды *in situ* было определено исследователями шестовицкого могильника *П. И. Смоличевым* и *Д. И. Блифельдом*.¹² Судя по незначительности изгиба пластин, их одинаковому размеру и отсутствию арочных вырезов в нижней части, они могли относиться к низкому седлу с невысокими луками, округлыми (в поперечном сечении) полками и, возможно, подушечным сиденьем. Такие мягкие или полумягкие седла с плавно изгибающимися низкими луками известны в Европе со скифо-сарматского времени;¹³ сохранялись они и в на-

¹⁰G. László. Beiträge zur Volkskunde der Avaren. Archaeologiai Értesítő, ser. III, vol. III, Budapest, 1942, стр. 341—346, рис. 4; J. Žak. Rogowe części uprzęży końskiej. Slavia Antiqua, t. III, Poznań, 1952, стр. 195—201. Повозки, запряженные оседланными лошадьми с сидящими на них верховыми, в раннем средневековье вообще широко использовались, в том числе у русских и их соседей (ср.: *И. И. Срезневский*. Сказания о святых Борисе и Глебе. СПб., 1860, рис. 79; Радзивилловская летопись, лл. 75 об., 119; А. Вийрес. К истории конской упряжи у прибалтийско-финских народов. Тез. докл. всесоюзн. сесс., посв. итогам археол. и этногр. иссл. 1966 г., Кишинев, 1967, стр. 55). Здесь я не вхожу в обсуждение назначения всех костяных пластинок из нерусских находок, приведенных в работе *Я. Жака*. Некоторые из них мне, однако, также кажутся седельными или от налучья.

¹²Д. І. Бліфельд. Древньоруський могильник в Чернігові. Археологія, т. XVIII, Київ, 1965, стр. 114—120, табл. III, 1—4.

¹³Седла древних коневодов Евразии — скифов и гуннов — были мягкими (более подробно см.: *С. И. Вайнштейн*. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры. СЭ, 1966, № 3, стр. 67 и сл.). Плавно изогнутые

низкие луки мягких (?) седел I— VIII вв. н. э. известны археологически (С. И. Руденко. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М. — Л., 1962, табл. XXIV, 3; А. Н. Бернштам. Кенкольмский могильник. Л., 1940, табл. XXVI; А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М. — Л., 1965, рис. 8, 3, табл. XX, 35).

чале средних веков, причем жесткость их опорных частей, видимо, постепенно возрастала. Судя по бронзовым, слабо изогнутым увенчаниям хомутов и седельных луков, к этому типу примыкали не только древнерусские, но и скандинавские конные сиденья эпохи викингов.¹⁴ При всем этом среднеднепровские обкладки (не по оформлению) по форме не скандинавские¹⁵ и сходны с саркельской обкладкой и такими же изделиями VII—XI вв. Венгрии Чехии и Польши. Общей чертой этих находок являются одинаковые размеры, украшенность только лицевой стороны, расположение дырочек (чаще сдвоенных) для прикрепления у концов, Т-образность очертаний и легкий изгиб нижнего края. В этом ряду паши образцы кажутся среднеевропейским и отчасти северопричерноморским заимствованием, подвергшимся на русской почве, как видно на примере шестовицких экземпляров, обработке северным, уже несколько схематизированным орнаментом.¹⁶ Перед нами свойственные раннесредневековой Руси вещи-гибриды, сочетавшие форму и украшения далеко отстоящих европейских культур. Итак, среднеднепровские обкладки X в. включали элементы, указывающие, с одной стороны, на местное использование приукрашенной скандинавским узором конструкции, с другой — на ее западное и юго-западное происхождение.

О том, как выглядел человек в седле с небольшими одинаковыми по высоте луками и низким сиденьем, можно судить по рельефу XI в. Михайловского (Дмитриевского) монастыря в Киеве с изображением святых Нестора и Дмитрия.¹⁷ Фигуры конников (рис. 21) переданы с реалистической точностью; в частности, стременные ремни свисают с середины седла, ноги полусогнуты и прижаты к брюху коня. Вся тяжесть всадника в основном приходилась на седалище. Стремена того времени, в большинстве легкие и округлые, при упоре всегда выполняли только подсобную роль. В целом посадка и стремяна соответствуют конструкции седла и имеют ряд черт, унаследованных от значительно более ранних времен. Новый этап в развитии средневековых седел наступает в евразийском мире после 1000 г. и связан с выдвижением тяжелой кавалерии. В этот период жесткое седло, появившееся в VI в.,¹⁸ претерпевает ряд изменений, приблизивших его к современной конструкции.¹⁹ Седельные полки в сочетании с сиденьем получили более крутой наклон, обеспечив высокое положение всадника на коне. В сравнении с задней передняя лука увеличилась примерно вдвое. Задняя, поставленная отлого, представляла опорную спинку сиденья. Обе были снабжены снизу заметными арочными вырезами. Передняя лука прикрывала и тем обезопасила среднюю часть туловища бойца. Стременные ремни были вынесены к передней луке, ноги всадника, своими носками выдвинувшиеся на линию груди коня, более прочно, чем раньше, упирались в стремяна. Увеличение опорной функции последних (см. ниже, стр. 45) выразилось во все большем рас-

¹⁴J. Petersen. *Vikingetidens redskaper*. Oslo, 1951, рис. 37; 38; 39. В одном из погребений Бирки эти накладки зарегистрированы точно на месте передней и задней луки седла (Н. Arbmán. *Birka. Gräber. Tafeln*. Uppsala, 1940, табл. 32, 1с).

¹⁵Это мнение высказано проф. Х. Арбманом во время его приезда в Ленинград в 1967 г.

¹⁶D. M. Wilson and O. Klindt-Jensen. *Viking Art*, стр. 127.

¹⁷История русского искусства. Т. I. М., 1953, рис. на стр. 194 (ср. рис. на стр. 170).

¹⁸С. И. Вайнштейн. *Некоторые вопросы...*, стр. 71.

¹⁹Имеются, например, в виду седла вообще восточные, казачьи, венгерские.

Рис. 21. Святые Нестор и Дмитрий. Рельеф XI в. Михайловский (Дмитриевский) монастырь в Киеве.

Рис. 22. Деревянная задняя лука седла. Торопец, раскопки Г. Ф. Корзухиной в 1961 г.

прямлении подножки и в ощутимом усилении их прочности. Все эти обстоятельства повысили боевые качества ездока в конных сражениях и увеличили за счет привставания на стремянах и более значительного, чем прежде, выноса корпуса и рук достающую возможность его оружия. В то же время новая конструкция не сковывала воина, позволяя ему рубить мечом и саблей, размахивать булавой и закрываться щитом. Задняя лука находилась почти вровень с сиденьем, поэтому всадники, по словам С. Герберштейна, могли без всякого труда поворачиваться во все стороны и натягивать лук.²⁰

Древнейшие седла описанного типа известны по изображениям и находкам конца X—XIV в. в Забайкалье, Нижнем Поволжье, на Северном Кавказе, Тянь-Шане, а также в Венгрии.²¹ Археологические находки костяных и металлических накладок, седельных кантов в Гродно, Звенигороде, а также в курганах Юрьева-Польского (удила, № 179), Россавы (удила, № 281) и Таганчи²² (удила, № 288) и деревянной луки в Торопце (рис. 22) показывают, что седла с высокой передней частью и отлогим сиденьем существовали в XII—XIII вв. также и на Руси. Найденные в этих комплексах пробитые костяными или серебряными гвоздиками роговые и металлические окантовки (шириной около 1. 5 см) имеют различающийся по крутизне характерный дугообразный изгиб. В пяти случаях (Белая Вежа; Россавы, удила, № 281; дважды Гродно; Ленковцы; рис. 23 и 24) сохранились прикреплявшиеся к полке костяные петли, служившие для пропуска через конец полки нагрудного или подхвостного ремня шириной 2. 6—3. 2 см.²³

Более или менее целостную реконструкцию седла удалось осуществить благодаря единственному в своем роде случаю сохранности костяных обкладок (рис. 64; рис. 25), частью обнаруженных в своем первоначальном положении даже после того, как в земле сгнил весь деревянный ленчик. Эти костяные обкладки располагались в земле таким образом, что обрисовывали контур исчезнувшей деревянной конструкции.²⁴ По дневниковым записям и самим остаткам, длина этого седла, происходящего из женского погребения с. Зеленки (удила, № 268), не меньше 57 см, наибольшая ширина 43 см, высота в передней части около 33 см. Что касается обилия костяных деталей, то в данном случае это объясняется тем, что женские конные сиденья, как установили исследователи, выглядели наряднее обычных мужских.

Большая часть найденных костяных частей — это продолговатые дугообразно изогнутые пластины, при помощи клея (внутренняя поверхность шероховата) и костяных гвоздиков (прибитых через каждые 8 см) прикреплявшиеся к наиболее выступающим трущимся краям, очевидно, обтянутого кожей ленчика. Торец передней луки был обит на 80 см кантом (сохранился на протяжении 53 см; ширина его 0. 8 см, толщина 0. 4 см). Заднюю луку облегал две более массивные пластины (общей длиной около 60 см при ширине 1. 3 см). Они изогнуты так, что можно установить наклон седельной луки, не превышавший 60°. Две следующие обкладки, плавно изогнутые почти под прямым углом

(каждая длиной около 18 см при ширине 1. 3 см), охватывали, очевидно, торцы полок. Скос стенок этих обкладок позволил определить наклон полок, равный примерно 30—35°. Торцовые окантовки располагались лишь на одной стороне седла; парные им либо не сохранились, либо вовсе не были сделаны.²⁵

Помимо окантовок передняя и задняя луки с лицевой стороны были снабжены орнаментированными костяными обкладками. Первая (шириной 22 см, высотой 21 см), повторяющая очертания луки, снизу имеет арочный вырез, точно обозначавший передний профиль спинки седла. Края выреза, судя по штриховой насечке, некогда были обклеены кожей. Вторая, прямоугольная в сечении обкладка (шириной 21 см, высотой 7 см), украшенная кружками и линиями, окаймляла арочный вырез задней луки.²⁶ Наклонное положение этой детали подтверждается скошенностью ее нижнего края. Обращает на себя внимание резная накладка передней луки. По ее краю протянут меандровый узор, аналоги которого встречаются на образцах книжного и прикладного древнерусского искусства.²⁷ Роговые детали северопричерноморских определенно кочевнических седел украшались иначе — различными комбинациями кружкового узора и регулярной циркульной плетенкой.²⁸ Являлся ли зеленковский седельник-косте-

---

²⁰С. Герберштейн. Записки о московских делах. СПб., 1908, стр. 75.

²¹С. И. Вайнштейн. Некоторые вопросы..., стр. 71—72; G. László. Der Grabfund von Koroncó und altungarische Sattel. АН, т. XXVII, Budapest, 1943, стр. 128 и сл.

²²Оковки седла из Таганчи, по-видимому, ошибочно были приняты за бляхи щита (И. А. Хойновский. Краткие археологические сведения о предках славян и Руси. Киев, 1896, стр. 118 и сл., № 661). Их принадлежность к седлу доказывается по аналогии с примерно такими же деталями из кургана Юрьева-Польского.

²³Ср.: G. László. Der Grabfund von Koroncó..., рис. 9; 10. Две седельные костяные петли, по-видимому, XII—XIII вв. обнаружены также польскими археологами (K. Musianowicz. Badania wykopaliskowe w roku 1955 w Drohiczyń. Wiadomości Archeologiczne, т. XXIII, з. II, Warszawa, 1956, стр. 172, табл. XIX, 1).

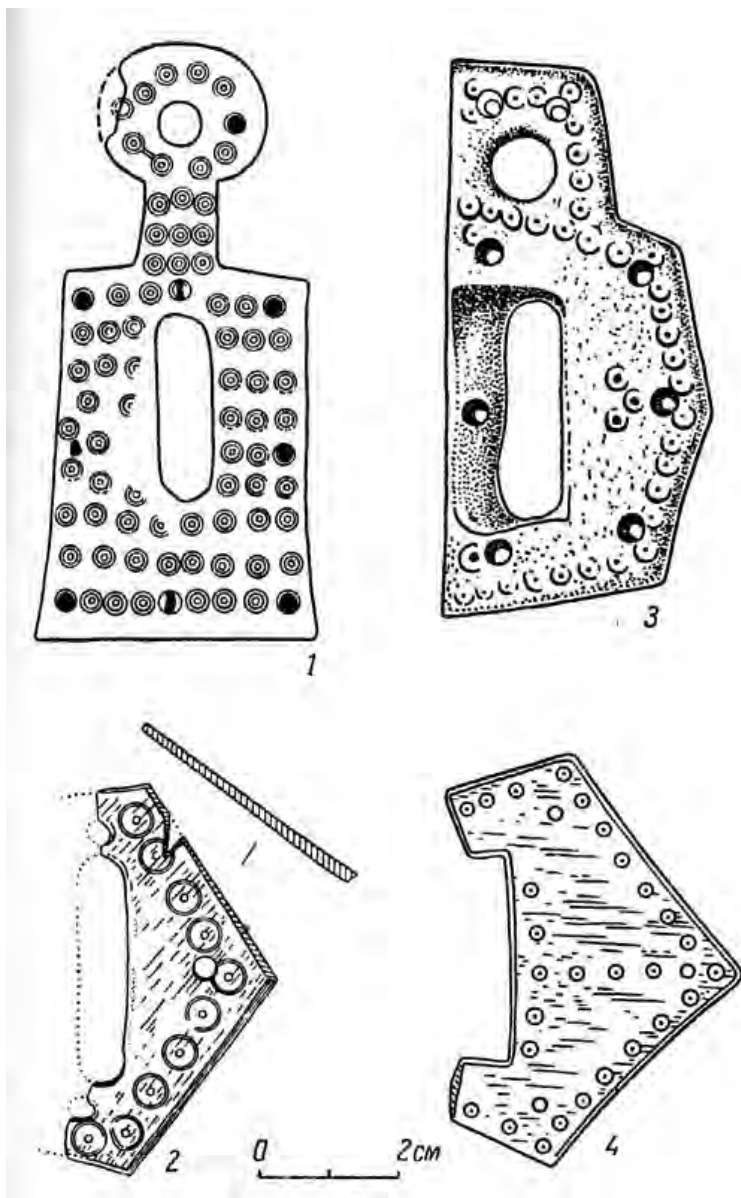
²⁴Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1888-1900 гг. СПб., 1908, стр. 24 (описание и рис.).

²⁵Всего в раскопках было найдено 19 целых и обломанных костяных деталей. В дальнейшем 2 из них были склеены воедино, а 4, к сожалению, утрачены. Ныне затруднительно сказать, какие еще части зеленковского седла имели канты и существовали ли второй и третий пояса костяных оправок сзади ленчика, как, по-моему, неверно предполагал Н. Е. Бранденбург. Ныне коллекция насчитывает 14 частей (Гос. Эрмитаж, ОИПК, колл. 917/12), которые, несмотря на утраты, дают возможность восстановить всю конструкцию.

²⁶Эту накладку Н. Е. Бранденбург ошибочно относил к оправе передней части ленчика.

²⁷Например: Д. А. Авдусин. Археология СССР. М., 1967, рис. 101.

²⁸ОАК за 1894 г. СПб., 1896, рис. 134, 135; Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, рис. 2, 2. Ср.: Л. В. Алексеев. Художественные изделия косторезов из древних городов Белоруссии. СА, 1962, № 4, стр. 199 и сл., рис. 2, 1—5.

Алчедар, шпоры 508.

Бабичи, удила 289; стремена 262—264.

Белз, шпоры 483.

Берестяги, удила 275; стремена 237, 238.

Беркозовка, удила LXI; стремена LXI, LXII.

Богослов, удила 30.

Большая Брембола, удила 29, 31—37; стремена 7—9.

Большое Тимерево, удила 21, VIII.

Бородино, удила 210—223; стремена 165, 166; шпоры 140, 141.

Браслав, удила 151, 152; стремена 123; шпоры 29.

Бурты, удила 93, 161, 259, 260—264, XXII; стремена 210—217, XXIII.

Васильки, удила 31—40, IX; стремена 4, 7—11.

Вахрушева, удила 8; плети 3.

Велико-Листвен, удила XIV.

Веськово, удила 26—28, 31—37; стремена 6—9.

Витачев [Витичев], шпоры 173, XLII, XLIII.

Витебск, удила 63.

Вихмес, удила 4—6.

Бывш. Владимирская губ., удила 41—42; стремена 12; плети 17, 19.
Владимир-Волынский, шпоры, 481, 482.
Воинская Гребля [Воин], удила 295—302; плети 30—33.
Войицы, стремена LXXIII, LXXIV.
Волковыск, удила 227, 228; стремена 172; шпоры V—XI вв. 4; шпоры 80—110, VI—XXXII.
Вышгород, удила 82; стремена 59; шпоры 164, 165.

Гадомка, удила LXVI, LXVII; стремена LXXI, LXXII.
Гаявка, удила 156; стремена 124.
Галичино, удила 11.
Гдовщина, шпоры V—XI вв. 2.
Гнездово, удила 60, 61; стремена 26—30; плети 21, 22.
Гнездилово, удила 25.
Головно, удила 471.
Горка, удила II, III.
Городище, удила 31—37; стремена 7—9, XIX.
Городище [Изяславль], удила 318—469; стремена 300-342, LXXXV; шпоры 217—479, XLIX—LXIII; плети 36—39.
Гороховатки, удила XXII, XL; стремена XXIV, XXV.
Григоровка, шпоры XXXIX—XLI.
Гришинцы, шпоры XXXIX—XLI.
Гродно, удила 226; стремена 171; шпоры 72-79, IV—V.
Гурковичи, шпоры 65—68.

Демидовка, шпоры V—XI вв. 7, 8.
Драчи, удила 291—294; стремена 268—275.
Дрогичин, шпоры 136.
Дроково, удила 62.

Житково, шпоры V—XI вв. 3.
Житомир, шпоры 211, 212.

Забара (Монтрезовка), удила 94; стремена XIV; плети 27.
Залужье, удила VI.
Залющик, удила 12; плети 4.
Звенигород, шпоры 494; плети 40.
Зеленки, удила 95—97, 162, 163, 268—272, XXIV—XXVII, XLI, XLII, LVI—LVIII; стремена 132, 133, 224—232, XV, XXVI, XXVII, LIII—LVIII.
Бывш. Золотоношский у., удила XXVIII.

Исаева, удила 2.

Каблукново, плети 20.
Кагарлык, удила 90, 91, 159, 258, XLIX, I; стремена 71, 72, 128—130, 208, 209, XXXVII—XLII.
Кагарлыцкая слобода, удила 89, 256, 257, LI—LIII; стремена 205-207, XLIII-XLVIII.
Кагарлыцкое поселение, удила 88; стремена 69, 70.
Калихновщина, удила XLV; шпоры 17, 18.
Каменка, удила 305—310, LXVIII; стремена 279—284, LXXV, LXXVI.
Карачевка [Донец], стремена 73.
Карлукха, удила I.
Киев, удила 83, 234, XVII—XIX; стремена 60, 61, 179, III—X, XXVIII, XXIX; шпоры 166—172, XXXIV—XXXVIII.
Киев, Киевская обл. или губ., удила 235, 290; стремена 180—181, 266, 267; шпоры 200.
Клинцы, стремена 174, 175.
Княжа Гора [Родня], удила 237—252; стремена 62—68, 186—201; шпоры 180—198.
Ковали, удила 276—279; стремена 239—242.
Ковшарово, удила 187—199; стремена 159—160; шпоры 142—143; XXXIII.
Колодежное [Колодяжин], удила 315—317; стремена 298—299, шпоры 213—216, XLIV—XLVIII.
Кольчево, шпоры 144.
Кононча, плети 26.
Костина, удила 7; плети 2.
Краснополка, удила 84—87, 160, 253-255, XX, XXI, XXXIX; стремена 131, 202—204.
Крылос [Галич], удила 102—103; стремена 74—76, 343; шпоры 496—504; плети 41.
Крытищи (Корытищи), стремена LXX.

Лагойск, шпоры 35.
Ленковцы, шпоры 505—507.
Липовец, удила 92, 265; стремена 218—219, XII, XIII.
Лубны, удила 303; стремена 276.
Львов, шпоры 484, 485.
Любеч, удила 70, 232; стремена 176; шпоры 162.

Максимовка, удила 57—59; стремена 23—25.

---

¹Списки пунктов, где найдены оголовья, седла и другие части упряжи, помещены в соответствующих разделах работы. В настоящем списке шпоры V—XI вв., чтобы их отличить от более поздних, указываются под своей датой. Цифры после названия обозначают номер, которым помечен предмет в каталоге и на картах. В квадратных скобках — древнее историческое название, в круглых — разночтения.

Малое Терюшево, удила 181—183; стремена 151—156.
Маркентенты, удила 229, 230; шпоры 69-71.
Мартыновка, шпоры 178, 179.
Межерички, удила 304; стремена 277, 278.
Микулчи, удила 155.
Минск, удила 153—154; стремена 168—170; шпоры 36—64, II, III.
Михайловское, удила 20, VII; стремена 2, 3; плети 15, 16.
Монтрезовка, см. Забара.
Мощины, удила 68.

Наквасина, шпоры V—XI вв. 9.
Нежин, удила 233; стремена 177, 178.
Николаевка, стремена 265.
Никульчино [Никулицин], удила 176; шпоры 19.
Новгород, удила 13—17, 149, 150, 171—174; стремена 122, 135—145; шпоры 1—16; плети 8—13.
Новгородок, удила 224, 225; стремена 167; шпоры 111—135.
Ново-Сиверская, плети 7.
Ново-Урусский, удила 471.

Озертицы, удила V.
Осавик, удила 186; стремена 158.

Пекари, стремена 62—68.
Переспонница, удила 470; шпоры V—XI вв. 14; шпоры 480.
Бывш. Переяславский уезд (?) Владимирской губ., стремена 147—150.
Пешки, удила 273, 274, LX; стремена 233-236, LX.
Пинск, шпоры 160, 161.
Подболожье, удила 43—56, X— XIII; стремена 13—22.
Подгорцы [Плеснеск], удила 165— 168; шпоры V—XI вв. 15; шпоры 486—493; LXVI—LXXX.
Половецкий, шпоры 174—177.
Полоцк, шпоры 30—34.
Поток, удила 99—101, 164; стремена XVI, XVII.
Псков, удила 18, 175; шпоры 20— 25; плети 14.

Райки, удила 311—314, LXIX— XCV; стремена 285-297, LXIX— LXXXIV; шпоры 201—210, плети 35.
Ратницкое, удила XXXIV.
Ржищев, удила 158; стремена 125.
Рипнев, шпоры V—XI вв. 16.
Россава, удила 281—287; LXII— LXV; стремена 245—258, LXIII, LXIX; плети 29.

Сарское, удила 22—24.
Сахновка, удила 236; стремена 182— 185.
Севериновка, стремена LXXVII—LXXVIII.
Серенск, шпоры V—XI вв. 12; шпоры 149—154.
Славынево, плети 6.
Слобода-Глушица, шпоры V—XI вв. 5.
Слободка, удила 231; стремена 173; шпоры 155—159.
Сорогожское, удила 19.
Старая Ладога, удила 9, 170; стремена 1; шпоры V—XI вв. 1.
Старая Рязань, удила 184, 185; стремена 157; шпоры, 145—148; плети 24, 25.
Степанцы, удила LIX; стремена LIX.
Ступница, шпоры 495.
Сязнега, удила 3.
Река Сясь, удила IV.

Таганча, удила 288; стремена 259—261.
Тальное, удила XLVI—XLVIII; стремена XXX-XXXVI.
Торопец, удила 177, 178; шпоры 26-28.
Тушково, удила 180.

Федяшево, удила 69.

Хмельна, шпоры XXXIX—XLI.
Хотомель, удила 65—67.

Церковище [Воищина], удила 200-209; стремена 161—164; шпоры V—XI вв. 11; шпоры 137—139.
Шимлянская [Саркел—Белая Вежа], удила 104—148, 169, XXIX, XXX, XLIII, XLIV; стремена 77—121, 134, XVIII; плети 42—47.
Цозаровка, удила 266, 267; стремена 220—223; плети 28.
Цурковка, шпоры V—XI вв. 6.

Чаплин, шпоры V—XI вв. 13.
Чернавино, удила 10; плети 5.
Черневичи, удила 64.
Чернигов, удила 71—76, XV, XVI; стремена 31—44, 1—11.
Черниговская обл., шпоры 163.
Бывш. Черкасский и Каневский у., шпоры 199.

Шандры, удила 98.
Шатуны, плети 23.
Шелебово, удила XXXI—XXXIII; плети 18.
Шестовицы, удила 77—81; стремена 45—58.
Шокшово, удила 31—37; стремена 5, 7-9.
Шугайлова, шпоры V—XI вв. 10.
Шумское [Шумск], стремена 344, шпоры LXIV, LXV.
Шурскала, удила XXXV, XXXVI.

Щуковщина, плети 1.
Щучинка [Чучин], удила 157.

Южная Россия (Киевщина ?), плети 34.
Юзефовка, удила XXXVII, XXXVIII; стремена 126, 127, XX, XXI.
Юрьев-Польский, удила 179; стремена 146.

Яблоновка, удила 280; стремена 243, 244.
Яровщина, удила 1.

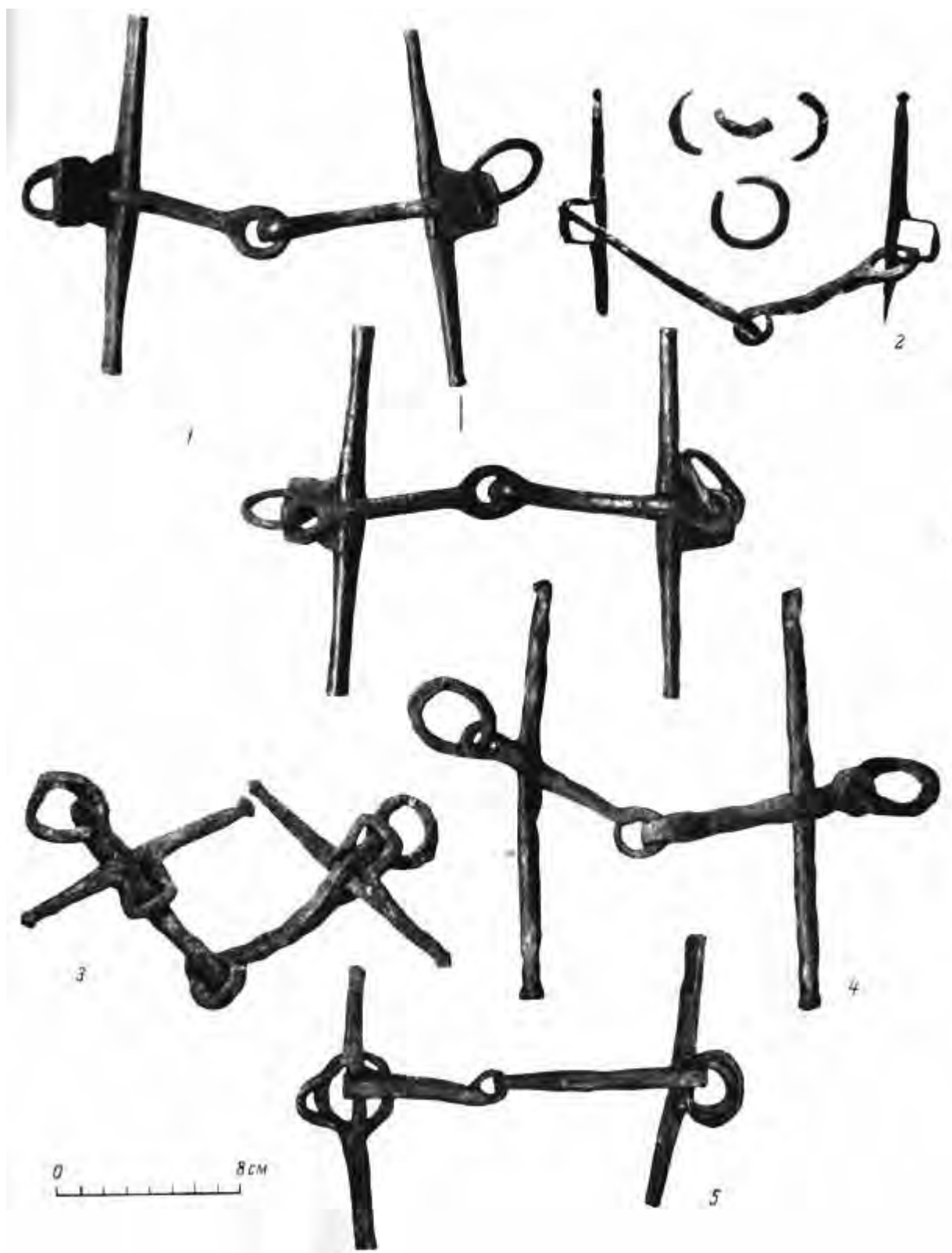

Рис. 52. Удила X—XI вв. 1 — Костина (№ 7); 2 — Шестовицы (№ 81); 3 — Веськово (№ 27); 4 — Сарское (№ 22); 5 — Веськово (№ 28).

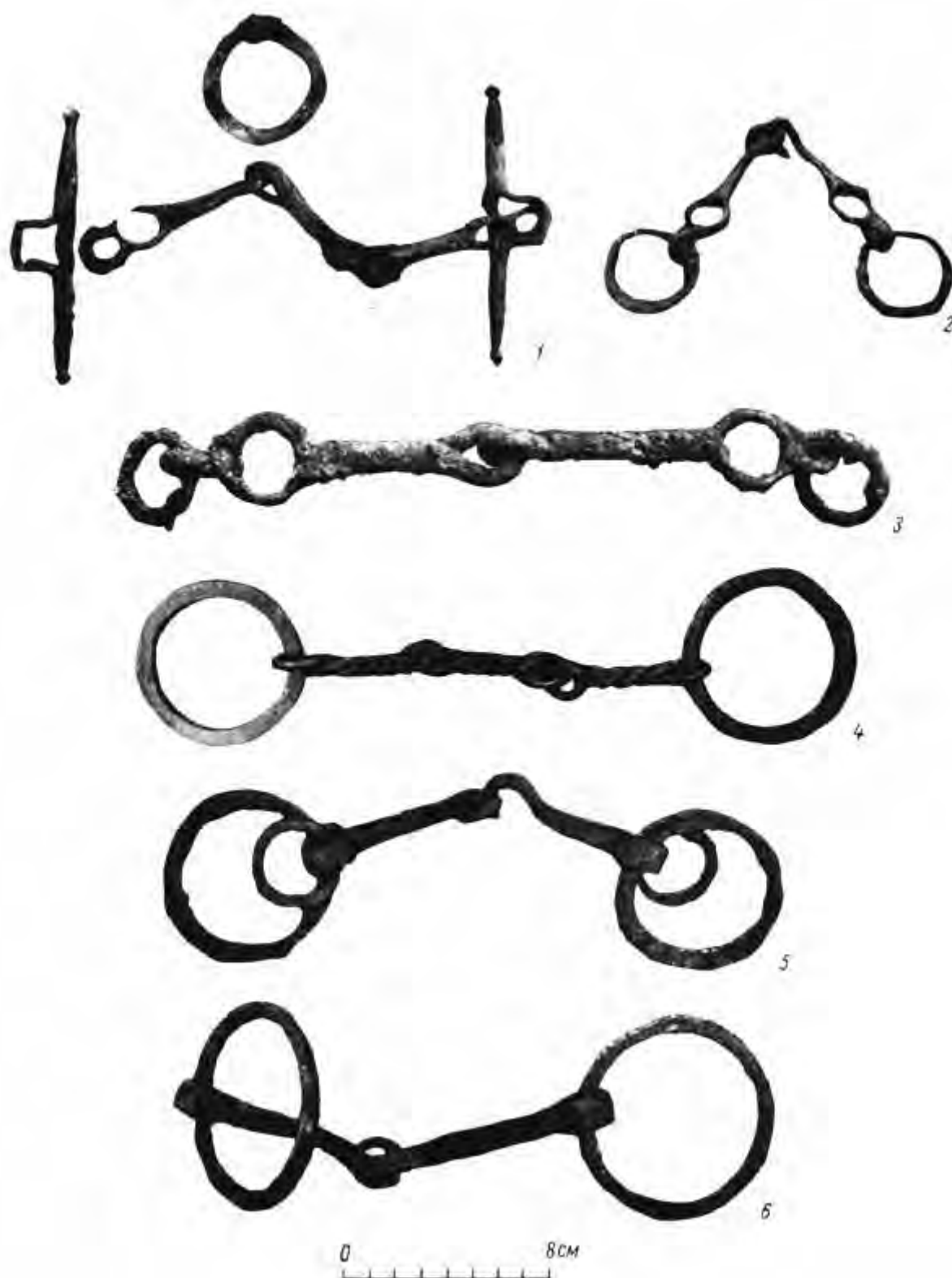

Рис. 53. Удила X—XIII вв. 1 — Черневичи (№ 64); 2 — Цимлянская (№ 113); 3 — Гнездово (№ 61); 4 — Б. Брембола (№ 29); 5 — Сарское (№ 23); 6 — Малое Терюшево (№ 181).

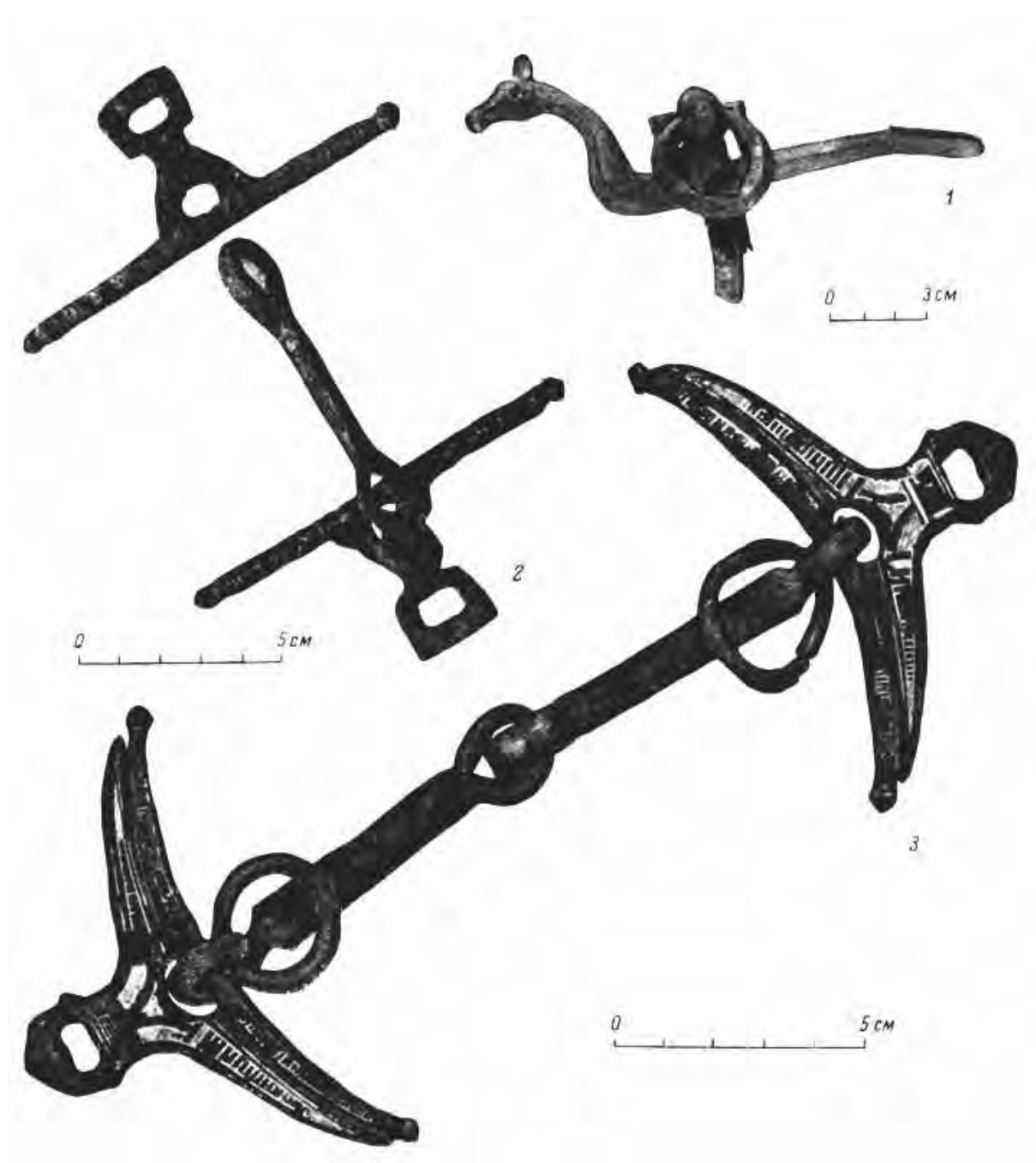

Рис. 54. Удила IX—XI вв. 1 — Чернавино (№ 10); 2 — Вышгород (№ 82); 3 — Новгород (№ 149).

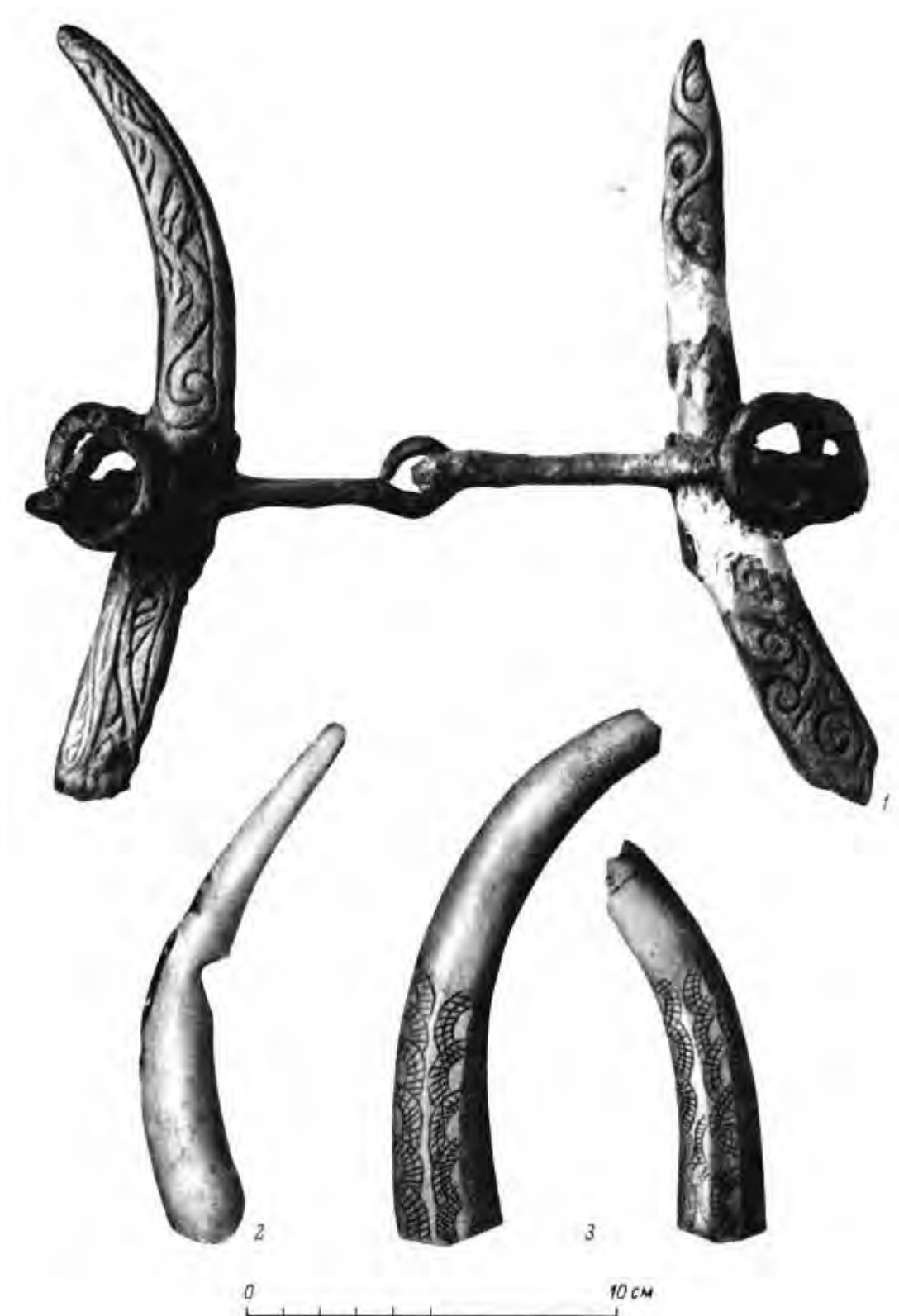

Рис. 55. Удила и костяные псалии X в. 1 — Любеч (№ 70); 2 — Цимлянская (№ 130);

3 — там же (№ 128, 129)

Рис. 56. Удила X — первой половины XIII в. 1 — Шестовицы (№ 80); 2 — Новгород (№ 149);
3 — Новогрудок (№ 225).

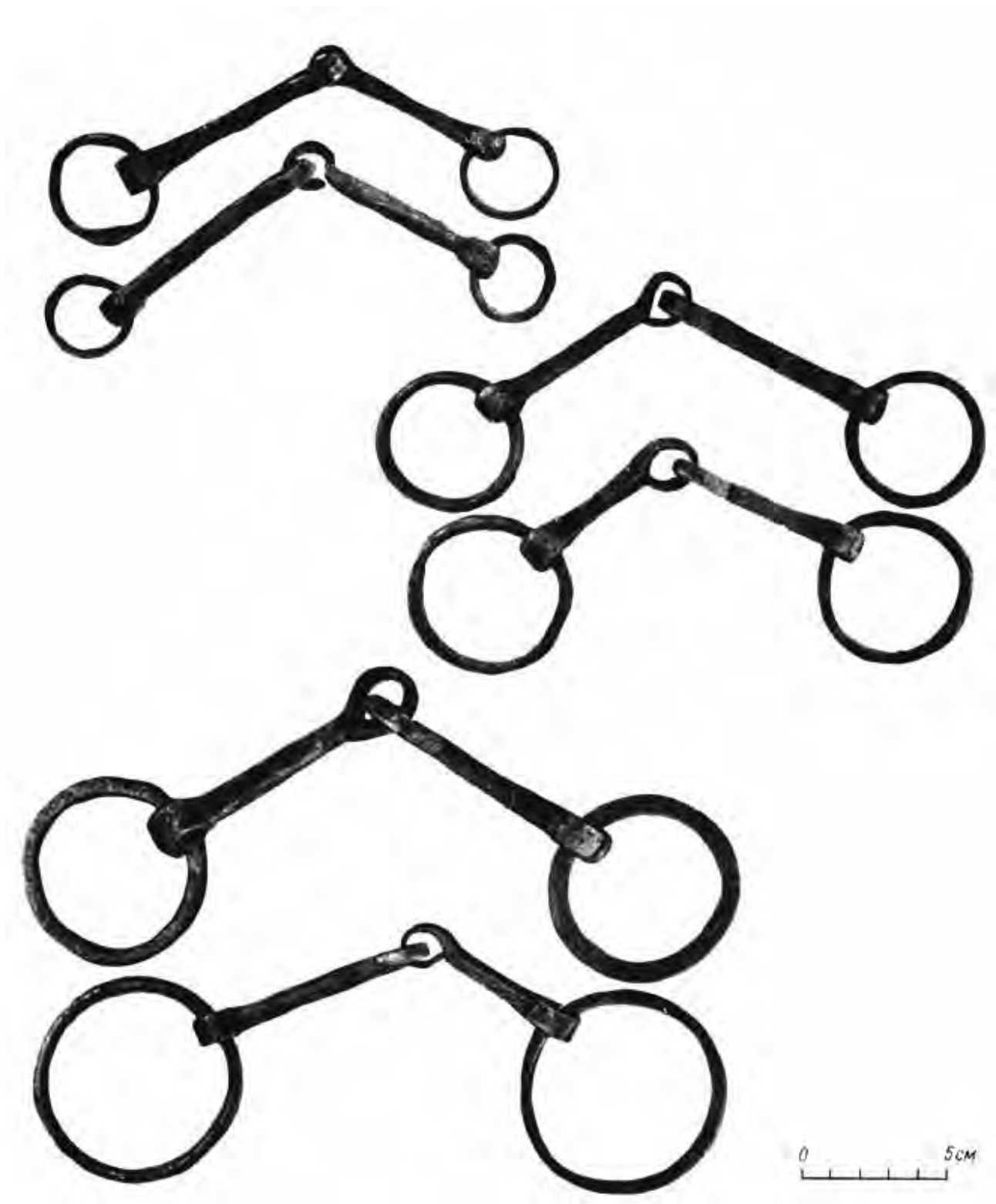

Рис. 57. Удила первой половины XIII в. Городище (№№ 318—323).

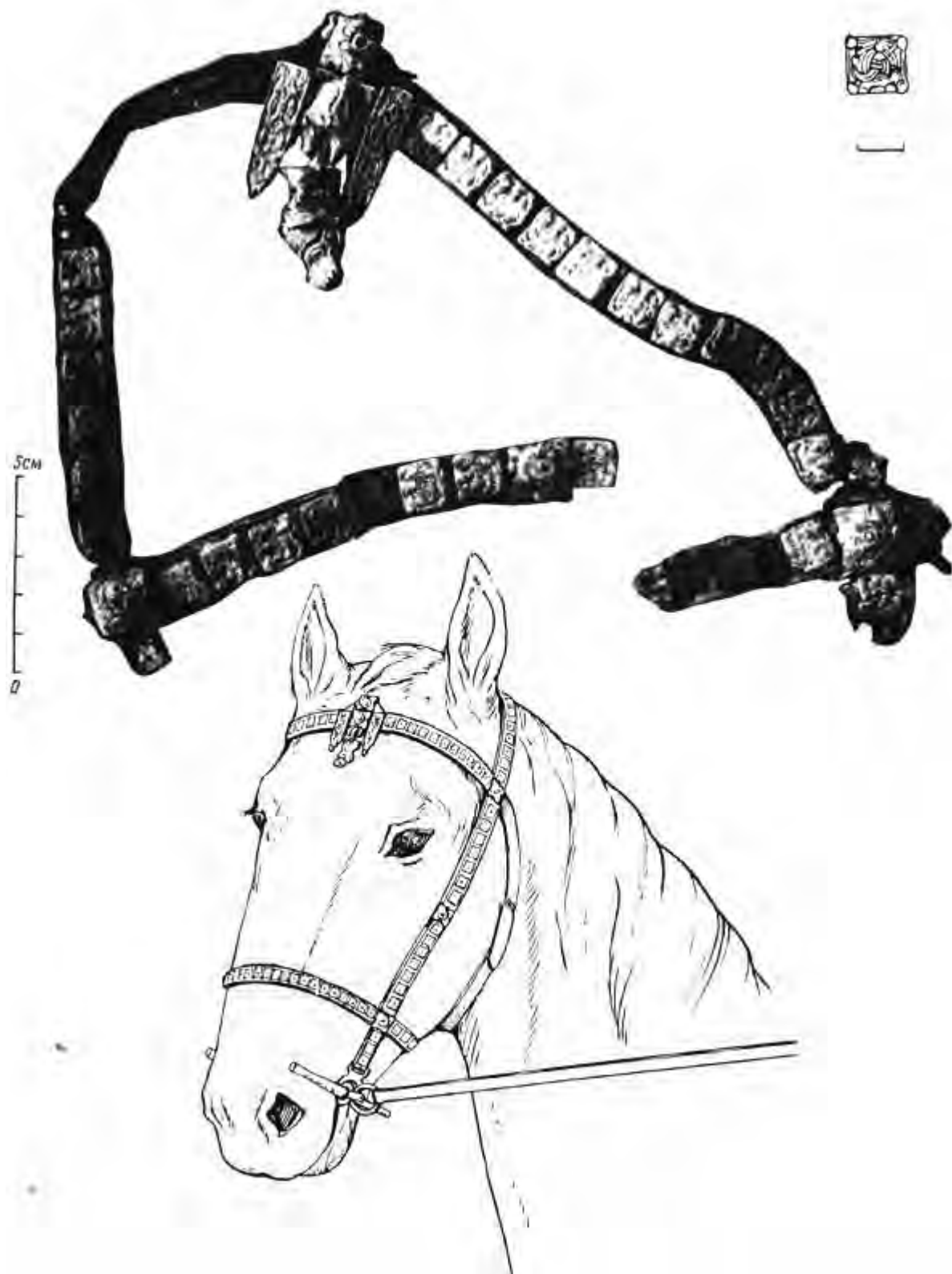

Рис. 58. Часть оголовья и его реконструкция. Гнездово (стремена, № 28).

Рис. 59. Уздечный набор. Гаевка (удила, № 156).

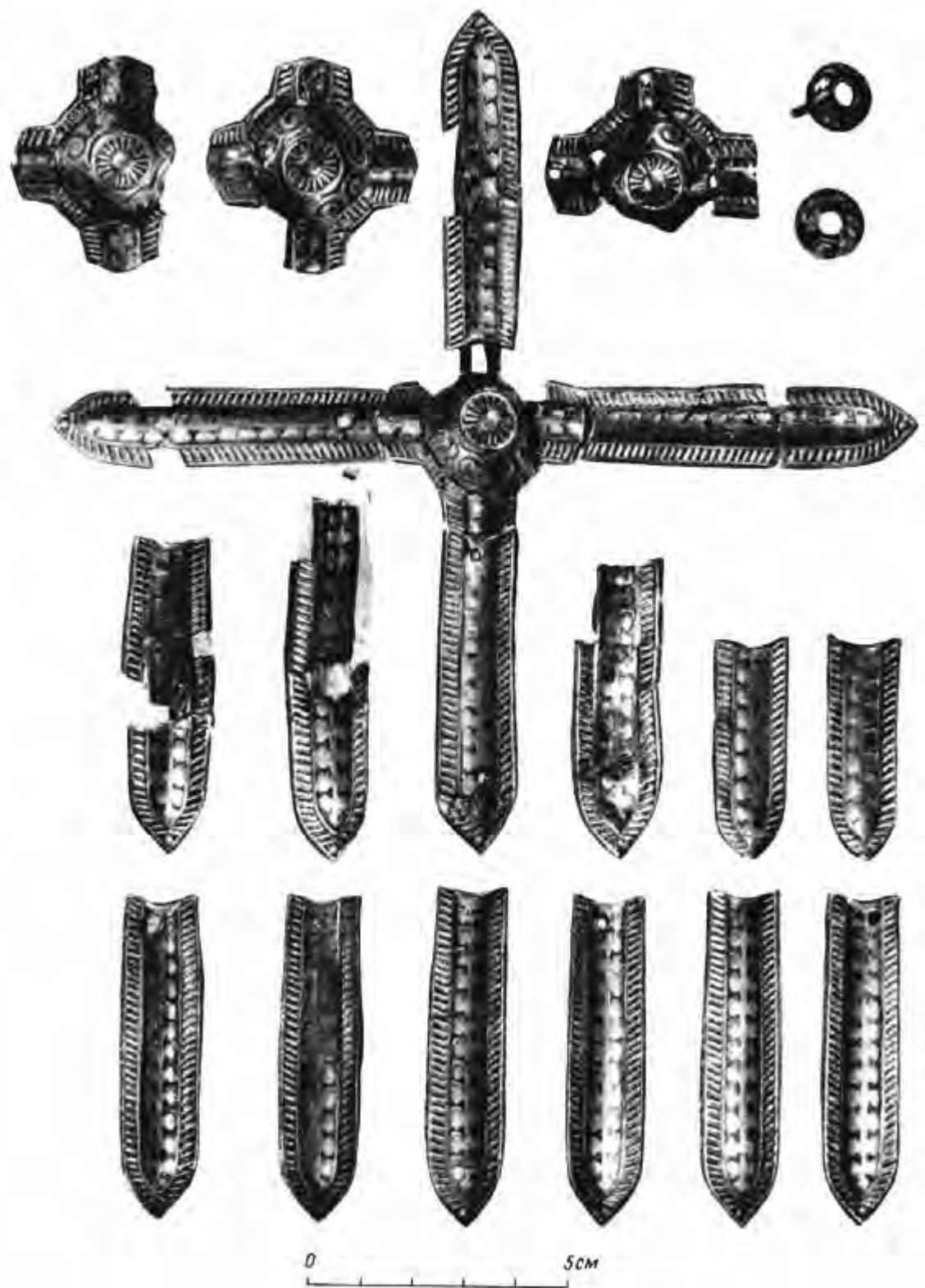

Рис. 60. Уздечный набор. Гаевка (удила, № 156).

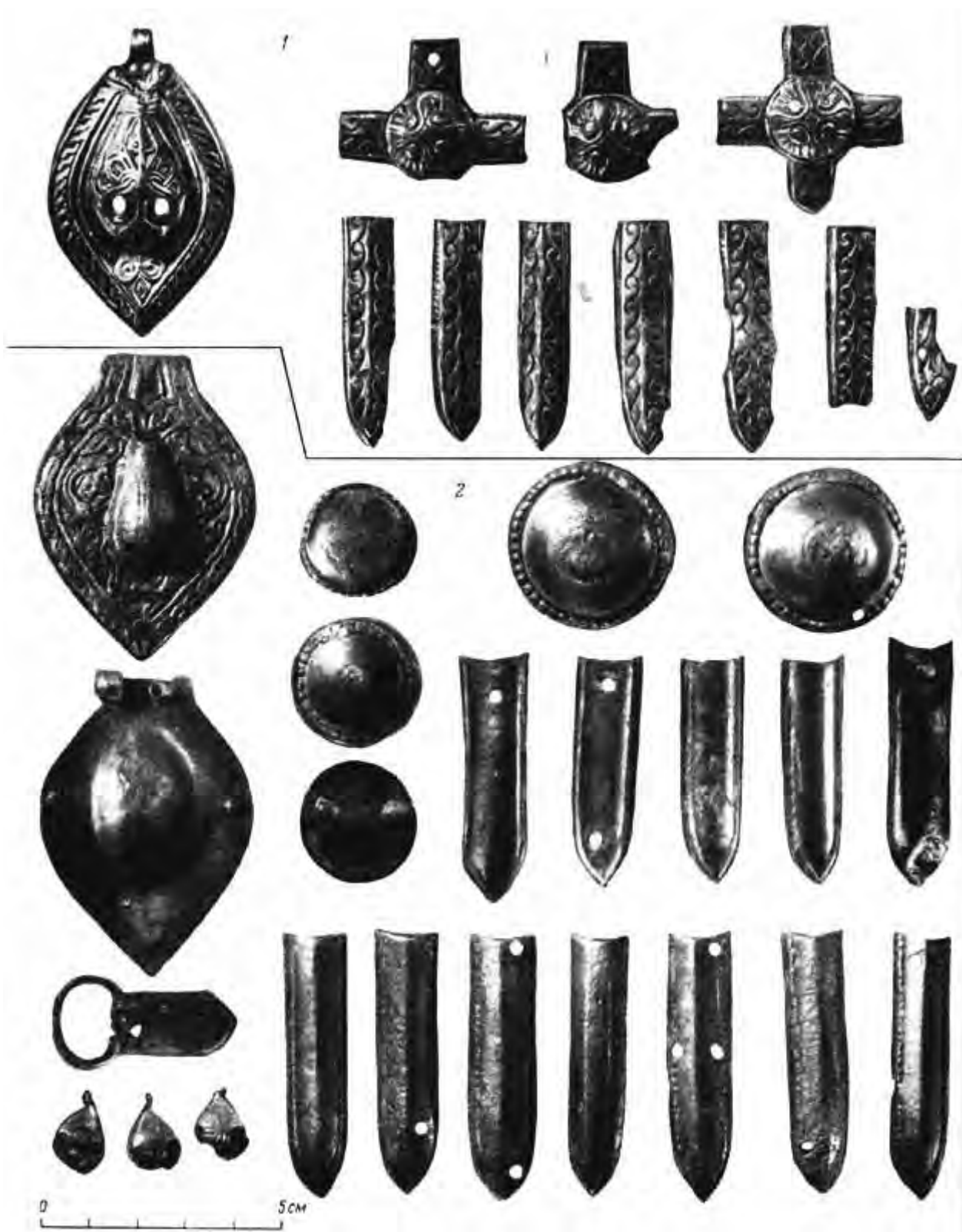

Рис. 61. Детали оголовий X—XI вв. 1 — Каменка, раскопки *Д. В. Корейши* в 1849 г., из погребения; 2 — Котовка, из кургана (?).

Рис. 62. Детали оголовья XI—XII вв. Сарайлы-Кият, раскопки *Н. И. Веселовского* в 1892 г., курган 2.

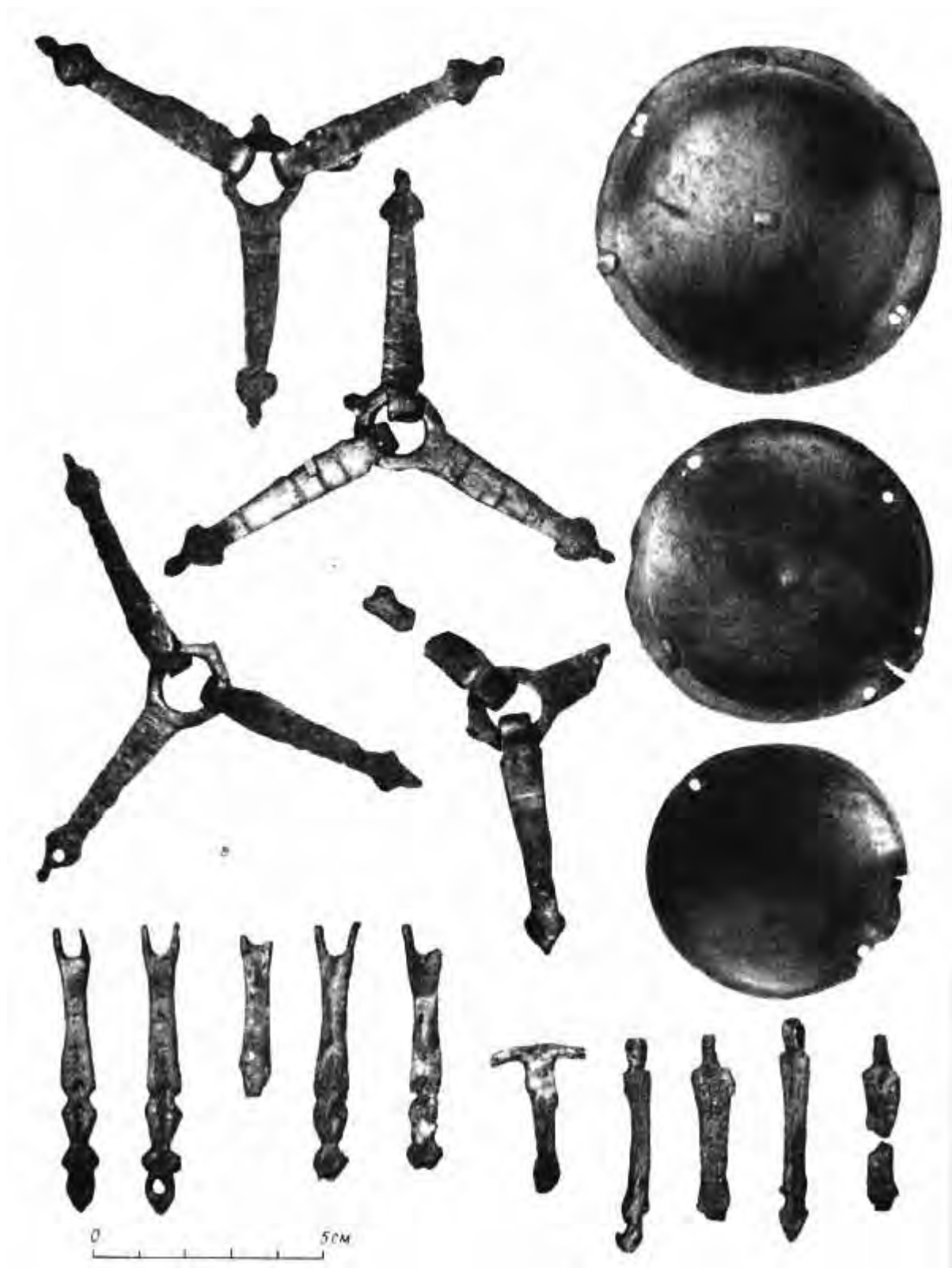

Рис. 63. Оголовный набор. Николаевка (стремена, № 265).

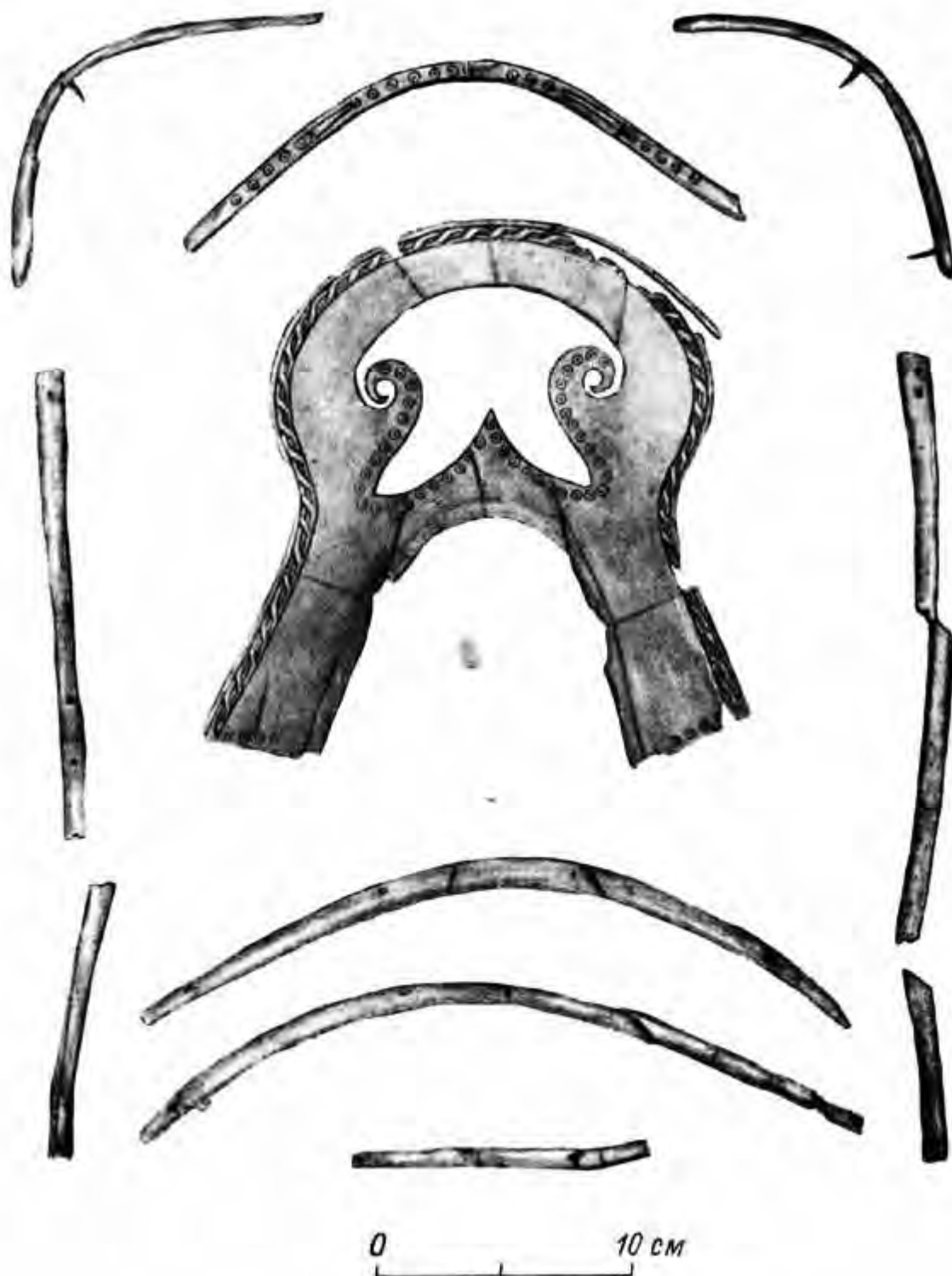

Рис. 64. Костяные обкладки седла. Зеленки (удила, № 268).

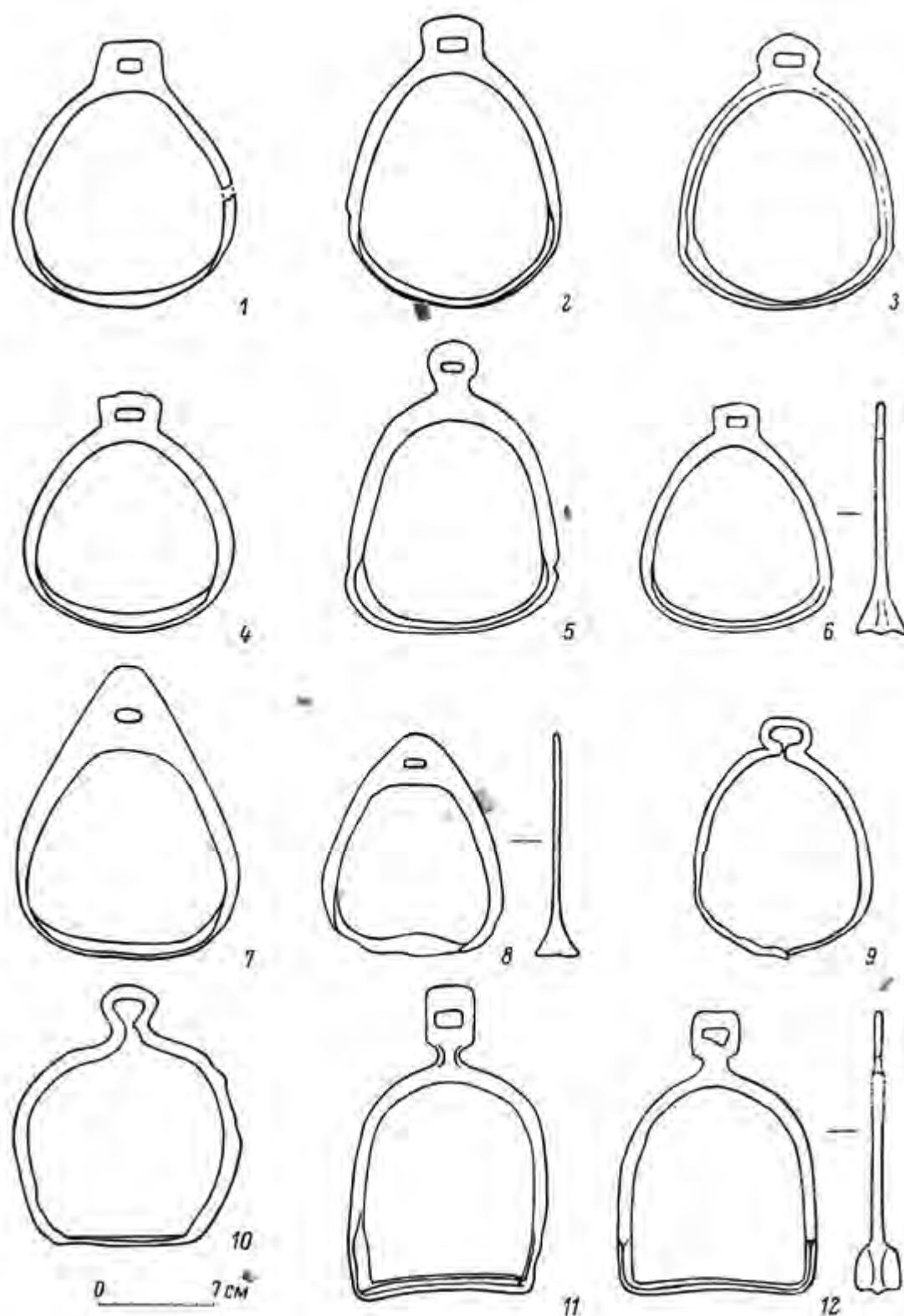

Рис. 65. Стремена IX—XI вв. 1 — Михайловское (№ 2); 2 — Шокшово (№ 5); 3 — бывш. Владимирская губ. (№ 8); 4 — Гнездово (№ 26); 5 — там же (№ 29); 6 — Шестовицы (№ 50); 7 — Васильки (№ 4); 8 — Шестовицы (№ 49); 9 — Васильки, Шокшово, Городище (№ 11); 10 — Подболотье (№ 21); 11 — бывш. Владимирская губ. (№ 12); 12 — Княжа Гора (№ 63).

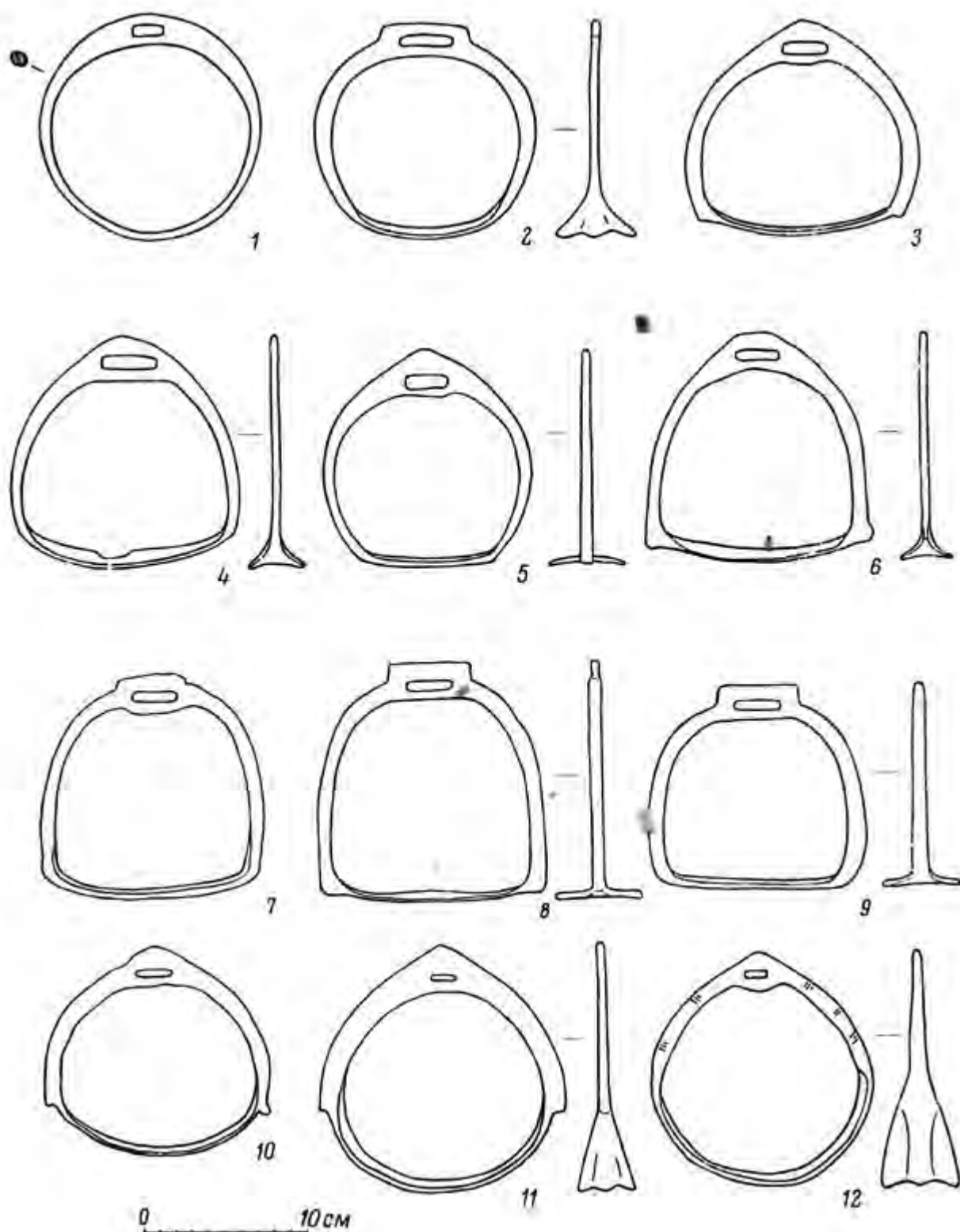

Рис. 66. Стремена XII—XIII вв. 1 — Кагарлицкая слобода (№ 205); 2 — Княжа Гора (№ 186); 3 — Малое Терюшево (№ 152); 4 — 6 — Княжа Гора (№ 190—192); 7 — там же (№ 195); 8 — Городище (№ 310); 9 — Сахновка (№ 184); 10 — Юрьев-Польский (?) (№ 146); 11 — Княжа Гора (№ 200); 12 — Таганча (№ 261).

Рис. 67. Стремена XII—XIII вв. 1, 2 — Новгород (№№ 143, 144).

Рис. 68. Стремена XII—XIII вв. 1 - Бабичи (№ 264); 2 - Солоное, ок. 1200 г., бывш. Херсонская губ., раскопки *О. Н. Значко-Яворской* в 1912 г., курган «Маяк» (Гос. Эрмитаж, ОИПК, 912/242).

Рис. 69. Шпоры XI — первой половины XIII в. 1 — Городище (№ 217); 2 — Княжа Гора (№ 180); 3 — Новгород (№ 6); 4 — Княжа Гора (№ 183); 5, 6 — Городище (№№ 222, 223).

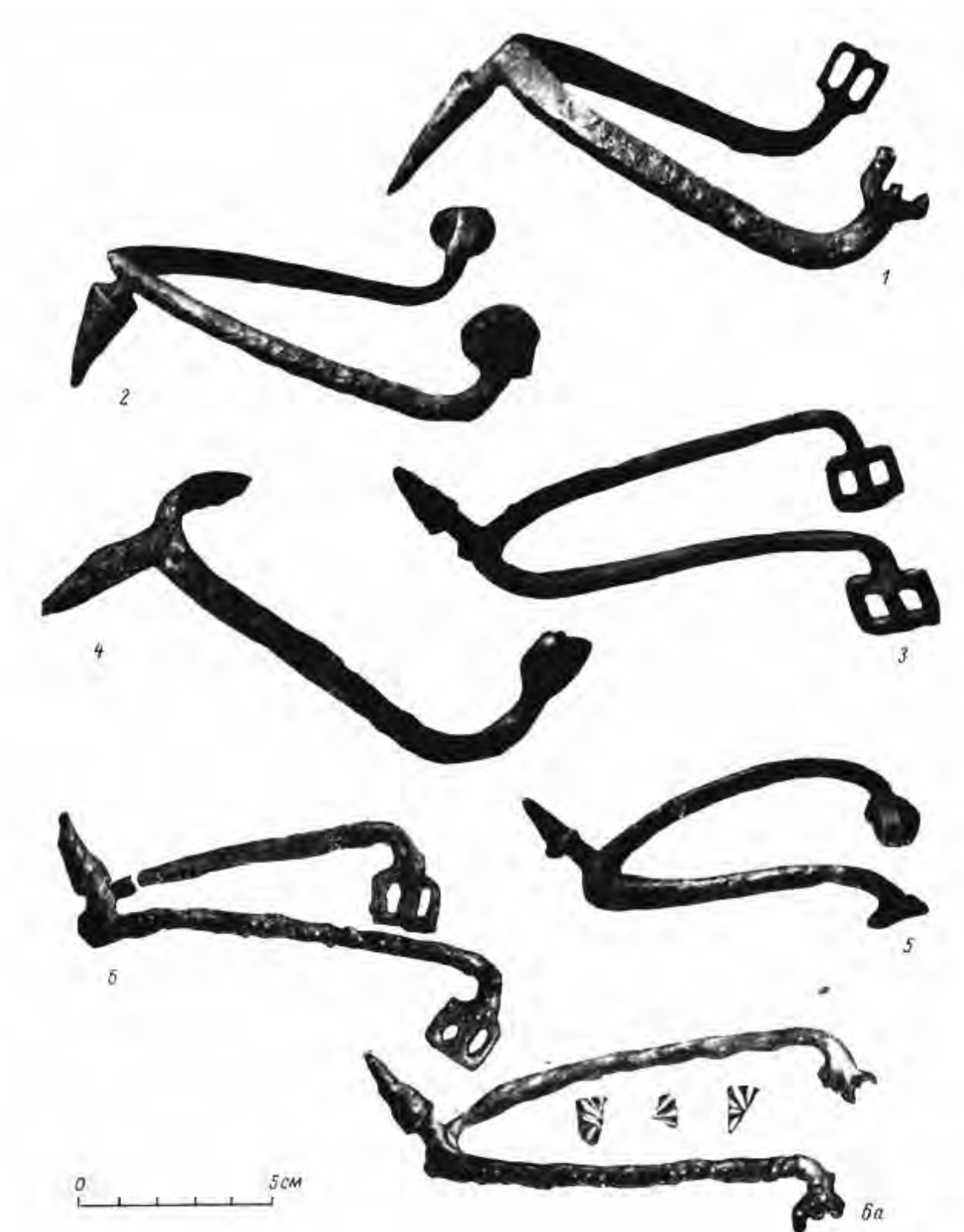

Рис. 70. Шпоры XII—XIII вв. 1 — 3 — Городище (№№ 274—276); 4 — Райки (№ 204); 5 — Городище (№ 269, детская); 6, 6а — Мартыновка (№№ 178, 179, парные).

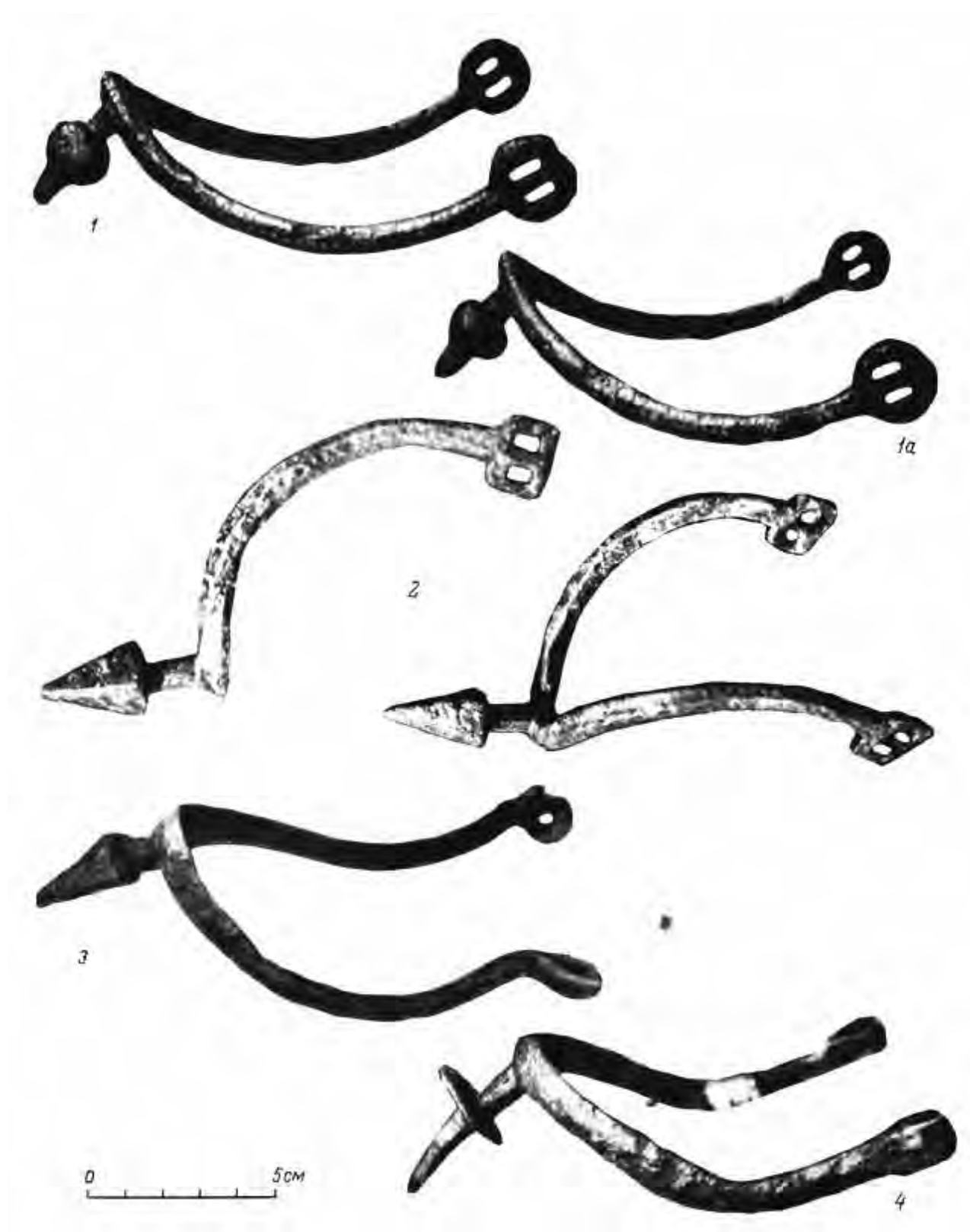

Рис. 71. Шпоры XII — первой половины XIII в. 1, 1а — Городище (№№ 374, 375, парные); 2 — Княжа Гора (№ 195); 3 — Райки (№ 207); 4 — Городище (№ 438).

Рис. 72. Шпоры первой половины XIII в. 1—3 — Городище (№№ 468—470); 4 — Княжа Гора (№ 197); 5, 6 — хут. Половецкий (№№ 174, 175).

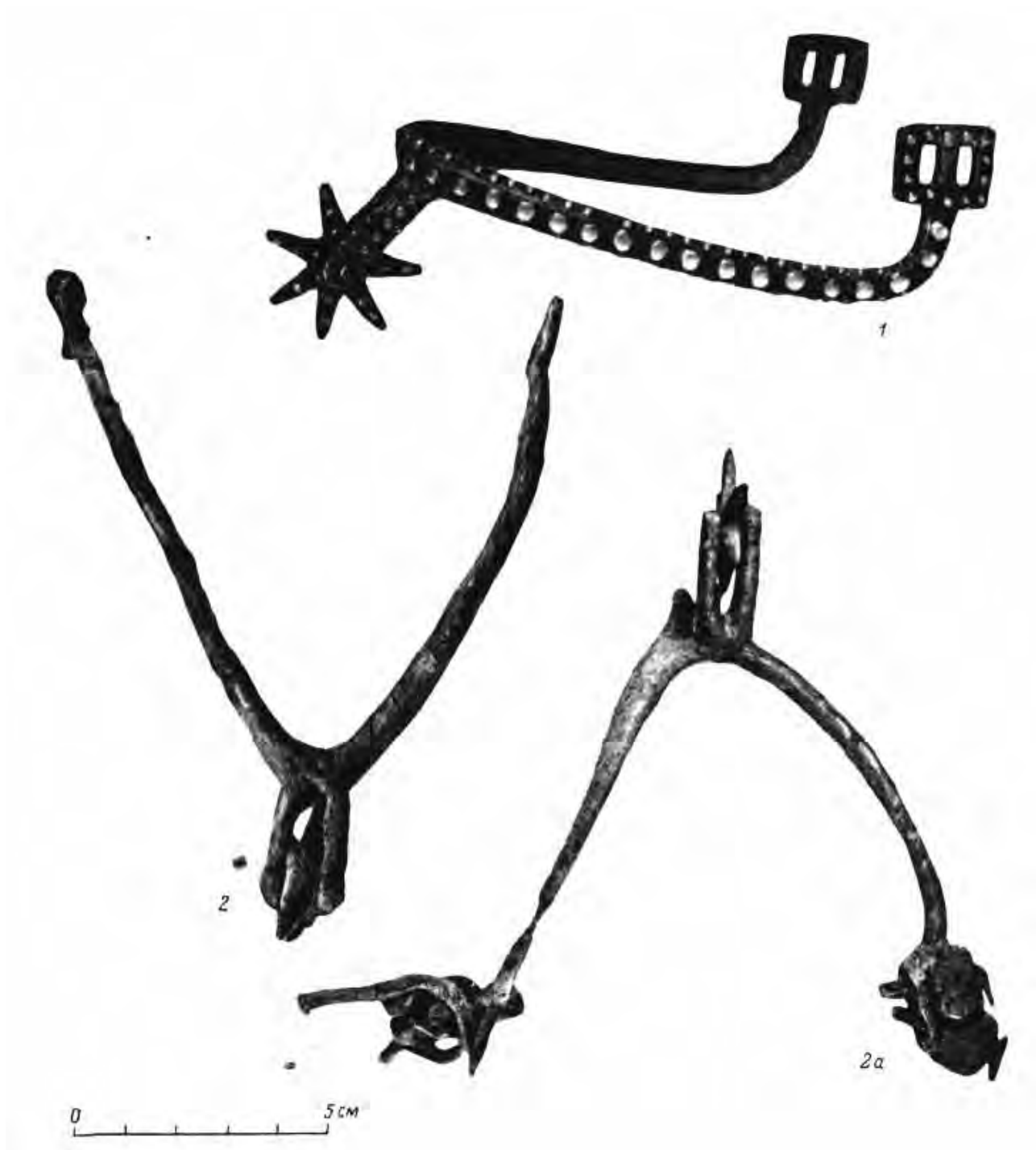

Рис. 73. Шпоры XIII в. 1 — Черниговская область (№ 163); 2, 2а — Новогрудок (№№ 134, 135, парные).

Рис. 74. Металлические кнтовища плетей X в. 1 - бывш. Владимирская губ. (№ 19); 2 — Вахрушева (№ 3); 3 — Перкуштне, бывш. Виленская губ. раскопки *Ф. В. Покровского* в 1894 г., курган (ГИМ, хр. 23/22а); 4 — Кабанское или Шелебово (№ 17); 5 — Михайловское (№ 16); 6 — Гнездово (№ 21).

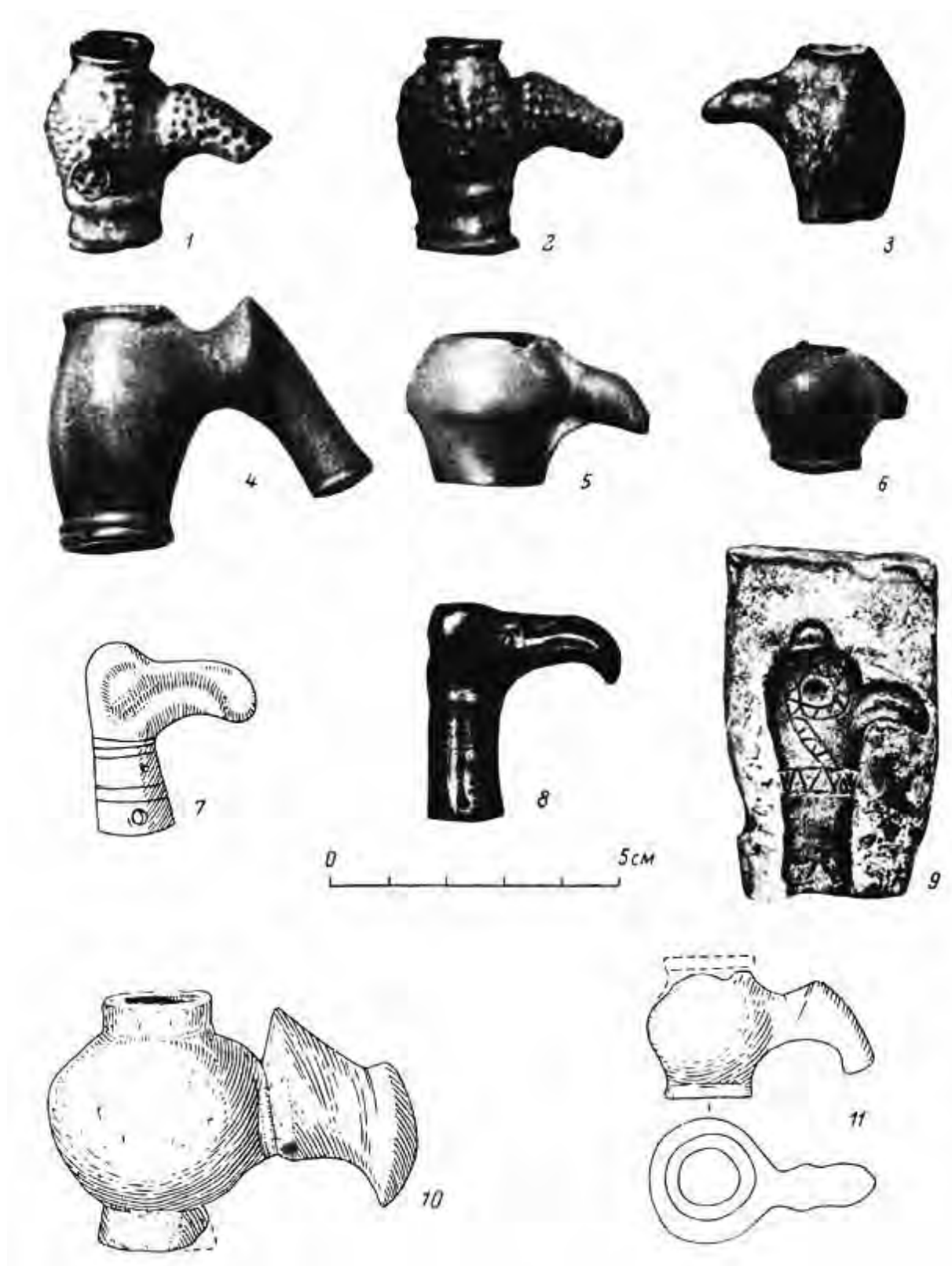

Рис. 75. Бронзовые и костяные затыльники плетей (1—8 и 10, 11), а также литейная формочка (9). 1 — Шатуны (№ 23); 2 — Киевщина? (№ 34); 3 — Кононча (№ 26); 4 — Цимлянская (№ 47, из слоя ок. 1100 г.); 5, 6 — там же (№№ 42, 43, из слоя 900—965 гг.); 7 — Каблуково (№ 20); 8 — Волжская Болгария (по А. Ф. Лихачеву); 9 — там же (по А. Ф. Лихачеву); 10 — Россава (№ 29); 11 — Городище (№ 37).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИМ — Артиллерийский исторический музей (ныне ВИМАИВ).

АС — Археологический съезд.

ВИМАИВ — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи.

ГИМ — Государственный Исторический музей.

ДИМ — Днепропетровский исторический музей.

ЗОАО — Записки Одесского археологического общества.

ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества.

ЗРАО — Записки Русского археологического общества.

ИАК — Известия Археологической комиссии.

ИАН — Известия Академии наук СССР.

ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры.

ИМАИМ - Исследования и материалы Артиллерийского исторического музея.

ИРАО — Известия Русского археологического общества.

КИМ — Киевский исторический музей.

КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР.

КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР.

ЛИМ — Львовский исторический музей.

ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР.

МАК — Материалы по археологии Кавказа.

МАР — Материалы по археологии России.

МДАПВ — Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.

МИСО — Материалы по изучению Смоленской области.

ОАК — Отчет Археологической комиссии.

ОИАК — Отдел истории античной культуры Государственного Эрмитажа.

ОИПК — Отдел истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа.

ОИРК — Отдел истории русской культуры Государственного Эрмитажа.

ОЛЕАЗ — Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете.

ОРЯС — Отделение русского языка и словесности.

РАО — Русское археологическое общество.

РГО — Русское географическое общество.

СА — Советская археология.

ЧИОНЛ — Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца.

ЧОИДР — Чтения в Московском обществе истории и древностей российских.

AA — Acta Archaeologica.

AH — Archaeologia Hungarica.

ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua.

MA — Materiały Archeologiczne.

MW — Materiały Wczesnośredniowieczne.

SA — Slovenska Archeologia.

SMYA — Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja.

ZWK — Zeitschrift für historische Waffenkunde